

Проект «**Страдающее Средневековье**»

Дильшат Харман

ЧИСТИЛИЩЕ СВЯТОГО ПАТРИКА

и другие легенды
средневековой Ирландии

Дильшат Харман

**ЧИСТИЛИЩЕ СВЯТОГО ПАТРИКА —
И ДРУГИЕ ЛЕГЕНДЫ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИРЛАНДИИ
История одного средневекового
ПАЛОМНИЧЕСТВА**

УДК 2-2(417)
ББК 82.3(4Ирл)
Х21

В настоящем издании в качестве иллюстрированных цитат к текстовому материалу используются фоторепродукции произведений искусства, находящихся в общественном достоянии.

Харман, Дильшат.

Х21 Чистилище святого Патрика — и другие легенды средневековой Ирландии / Харман Д.Д.

ISBN 978-5-17-116723-3

В Средние века верили, что именно на озере Лох Дерг, расположенном на севере Ирландии, в графстве Донегол, находится вход в чистилище — место, где пребывают души, слишком грешные для рая, но слишком праведные для ада. По преданию, проход туда открыл первый и великий святой Ирландии Патрик, специально для убеждения маловерных, чтобы они могли зайти в чистилище и живыми выйти оттуда. Сейчас входа больше нет, однако каждый год Лох Дерг посещает от 8 до 10 тысяч паломников — и это при том, что пребывание на нем включает в себя обязательный трехдневный пост и 24-часовое бодрствование. Кто и зачем совершал долгие и опасные паломничества и отваживался спуститься в загробный мир? Чего ищут на острове пилигримы сегодня? Как средневековые европейцы представляли себе устройство ада, чистилища и рая? Верят ли в чистилище сегодня? Наконец, как в легендах о Чистилище святого Патрика переплелись ирландские мифы с христианской верой?

На эти вопросы отвечает Дильшат Харман — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Центра визуальных исследований Средних веков и Нового времени (РГГУ), соавтор бестселлера «Страдающее Средневековье. Парадоксы христианской иконографии».

УДК 2-2(417)
ББК 82.3(4Ирл)

Оглавление

Предисловие	5
ГЛАВА 1. КАК И ПОЧЕМУ ПОЯВИЛОСЬ ЧИСТИЛИЩЕ СВЯТОГО ПАТРИКА?	13
<i>Чистилище в народных представлениях</i>	13
<i>Святой Патрик и чистилище</i>	33
<i>Трактат о Чистилище святого Патрика: цистерцианский проект</i>	35
<i>Путешествия в иной мир в христианской традиции</i>	44
<i>Адамнан и его трудный путь к небесному Иерусалиму</i>	47
<i>Исправление грешника Тнугдала</i>	54
<i>Рыцарь Овейн — первый гость в Чистилище святого Патрика</i>	78
<i>Путешествия в иной мир в ирландской традиции</i>	82
ГЛАВА 2. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАЛОМНИКИ В ЧИСТИЛИЩЕ СВЯТОГО ПАТРИКА. . . .	99
<i>Странствующие христиане: паломничество в Средние века</i>	99
<i>Ирландцы-паломники и ирландцы- путешественники</i>	117
<i>Святой Брендан и Майль-Дуйн</i>	121
<i>Георгий Гриссафан — а был ли рыцарь?</i>	132
<i>Рамон де Перельос, рыцарь без страха и упрека</i>	167

Уильям Стрэнтон: огненное говно и дети-мучители	177
Лоренс Ратхолд и Антонио Маннини, случайные спутники	184
ГЛАВА 3. ДРУЗЬЯ И ВРАГИ ЧИСТИЛИЩА	
СВЯТОГО ПАТРИКА.	201
Популярность истории о Чистилище святого Патрика	201
Данте в чистилище.	203
Чистилище святого Патрика на фреске в Тоди.	214
Скептики и разорители	221
Фортунат в глубокой пещере	228
Смутные времена: так есть чистилище или нет?	234
Ирландцы отказываются становиться англиканами	246
Что неизвестно нашим мудрецам: Чистилище святого Патрика в шекспировском «Гамлете».	253
Чистилище святого Патрика глазами испанцев	258
Недовольные англикане: разрушение 1632 года	268
ГЛАВА 4. ЧИСТИЛИЩЕ ПОСЛЕ	
ЧИСТИЛИЩА.	275
Ирландские католики в XVII–XVIII веках	275
Паломничество к исчезнувшему Чистилищу	285
Уильям Карлтон — противник народного благочестия.	298
Лох Дерг сегодня.	302
Бесплодное паломничество	307
Эпилог	311
Избранная библиография	316

Предисловие

Эту книгу я написала в память о двух родных для меня людях — Володе Белове и его маме, Маргарите Васильевне Михайловой.

В 2003 году Володя собрал группу русских католиков и повез ее в Ирландию — так я впервые побывала на острове со странным названием «Чистилище святого Патрика», он же Лох Дерг. Через три года Володя умрет от сильного приступа астмы, а вслед за ним уйдет и Маргарита Васильевна. В последние годы ей уже будет тяжело передвигаться, но мы с ней дважды съездим на тот же самый остров и даже привезем туда в дар из России икону с изображением святого Патрика.

В Средние века верили, что именно на озере Лох Дерг, расположенном на севере Ирландии, в графстве Донегол, находится вход в чистилище — место, где пребывают души, слишком грешные для рая, но слишком праведные для ада. По преданию, проход туда открыл первый и великий святой Ирландии Патрик, специально для убеждения маловерных, которые могли зайти в чистилище и живыми выйти из него. Сейчас входа больше нет, однако каждый

год Лох Дерг посещает от 8 до 10 тысяч паломников — и это при том, что остров открыт для них только в летние месяцы, а пребывание на нем включает в себя обязательный трехдневный пост и 24-часовое бодрствование. Что ищут здесь люди?

Я начала писать о Чистилище святого Патрика по просьбе Маргариты Васильевны. Сначала мы задумали брошюру, но скоро выяснилось, что история острова выходит из-под контроля и не желает помещаться в узкие рамки познавательного хронологического текста. Возникали все новые и новые вопросы, настоятельно требовавшие ответа.

Илл. 1, 2. Остров Лох Дерг, на котором располагается святилище Чистилища святого Патрика, в наши дни. Храм и все строения относятся к XX–XXI вв.

Как вера в возможность еще при жизни проникнуть в потусторонний мир и вернуться сочетается с христианством? Можно ли сравнивать ирландские языческие сказания о мире сидов и христианские легенды о загробной жизни? Как представляли себе чистилище обычные средневековые люди, не знакомые с богословскими тонкостями католической доктрины? Почему паломничество было так важно для спасения души? Что думали о чистилище Данте и Шекспир и знали ли они о Чистилище святого Патрика? Зачем с паломничеством в Чистилище святого Патрика боролись англичане? Наконец, почему люди до сих пор в огромных количествах приезжают на Лох Дерг, если в чистилище попасть больше невозможно?

В результате историю маленького ирландского островка оказалось невозможно написать без погружения в историю эволюции наших представлений о загробном мире. Исторически за верой в чистилище стоит сложная система расчетов и взаимозачетов, причем в качестве валюты использовалось то, что теперь считается важнейшими достижениями европейской цивилизации или важнейшими вехами в ее развитии. Пытаясь загладить свои и чужие грехи, люди строили дороги и мосты, попутно развивали торговлю, заказывали и создавали замечательные картины, строили часовни и закладывали монастыри, основыва-

ли больницы и приюты. Создавали тот мир, в котором мы живем сейчас.

Поэтому на страницах книги я касаюсь не только истории паломничества в Чистилище святого Патрика, но и народных представлениях о чистилище в целом, а также особенностей паломнических путешествий в Средние века; я привожу те свидетельства, которые оставили побывавшие на острове пилигримы, и те критические и некритические отзывы, которые оставили их современники. Не ограничиваясь средневековым периодом, я прослеживаю судьбу острова и в Новое время, когда вера в чистилище становится одним из водоразделов между католиками-ирландцами и англиканами-англичанами, и паломничество подвергается жестокому гонениям.

Память живых о мертвых, память паломников о том, что когда-то было на острове... В конечном итоге моя книга о памяти, о том, что делает нас людьми и заставляет искать те места, в которых особенно ясно чувствуешь связь между теми, кто жил в разные эпохи. И остров Лох Дерг, Чистилище святого Патрика, безусловно является таким местом.

Владимир Александрович БЕЛОВ

**26.06.1956, Москва*

†08.03.2004, Москва

Окончил филологический Московского государственного педагогического института им. В. И.

Ленина по специальности «русский язык и литература». Впоследствии преподавал русский язык как иностранный зарубежным слушателям Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Обучался в аспирантуре Института славяноведения и балканистики АН СССР, где в 1986 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук, посвященную трудам сербского просветителя XVIII века Захария Орфелина (1726–1785). В начале 1980-х годов обратился к христианству. В 1984–1992 годах работал преподавателем русского языка в Московской православной духовной академии и семинарии, завершив при этом ее курс по богословским дисциплинам. В конце 1980-х годов сблизился с католичеством. В 1990–1992 и в 1995–1996 годах работал преподавателем религии в частной средней школе «Линия» («Линия+»). В 1996 году совместно с отцом Стефано Каприо на своей квартире в московском районе Фили создал часовню во имя святителя Филиппа, митрополита Московского, объединявшую вокруг себя группу московских православных христиан, «желающих быть в единстве со Вселенской Церковью через евхаристическое общение с Преемником Апостола Петра — Епископом Рима». До своей кончины нес служение старосты данной общины. Известен также как автор ряда эссе по вопросам христианской составляющей русской литературы и как переводчик богословской литературы с сербского языка. Скончался на 48-м году жизни от приступа астмы.

Маргарита Васильевна МИХАЙЛОВА

*13.09.1929, Москва

†23.02.2012, Москва

Родилась в Москве в семье большевиков-революционеров и ее раннее детство прошло в знаменитом Доме правительства (ул. Серафимовича, 2), более известном как «Дом на набережной». Отец — Михайлов Василий Михайлович (1894–1937), видный советский партийный и государственный деятель, в 1929–1932 заместитель начальника строительства Днепрогэса, в 1932–1937 начальник строительства Дворца советов, избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР, репрессирован во время Большого террора, расстрелян 26 сентября 1937 года, посмертно реабилитирован в 1956 году. Мать — Ушакова (Кульман-Тимофеева) Надежда Ивановна (1888–1938), член РСДРП (б) с 1904 года. После ареста отца и трагической смерти матери воспитывалась в детских домах, а затем находилась на попечении старшей сестры. В 1950 году поступила в Московский геолого-разведочный институт им. Серго Орджоникидзе (МГРИ), по окончании которого трудилась в отделе литологии коллекторов Всесоюзного научно-исследовательского геологического нефтяного института (ВНИГНИ), кандидат геолого-минералогических наук. Как геолог Маргарита Васильевна участвовала в работе экспедиций, исследовавших недра Средней Азии, Кольского полуострова, а также Болгарии. Во ВНИГНИ она трудилась под руководством доктора геолого-минералогических наук, профессора Глеба Алексан-

дровича Каледы (1921–1994), принявшего в 1972 году тайное рукоположение во священника, а с 1990 года вышедшего на открытое пастырское служение Русской Православной Церкви в Москве. Последние годы ей было трудно передвигаться, но ее маленькая квартира на Бобруйской улице была центром притяжения и для ее друзей, и для друзей ее сына. Она была необычайно теплым, добрым человеком, открытым всему новому. Несмотря на ее возраст, с ней можно было обсуждать любые темы. Она глубоко верила в то, что за гробом ее ждет встреча с родными и близкими людьми.

(Благодарю за помощь в составлении биографических справок отца Иннокентия Павлова, друга Володи Белова и Маргариты Васильевны Михайловой.)

Глава 1.

КАК И ПОЧЕМУ ПОЯВИЛОСЬ ЧИСТИЛИЩЕ СВЯТОГО ПАТРИКА?

Чистилище в народных представлениях

Если мы откроем Католическую энциклопедию, то прочтем такое определение чистилища: «местопребывание или состояние тех, кто умерли в мире с Богом, но еще нуждаются в очищении от последствий своих грехов, чтобы обрести святость, необходимую для вечного блаженства в раю»*. Ни в Ветхом, ни в Новом завете о чистилище, в отличие от ада и рая, не упоминается. Православные Церкви отрицают чистилище. Однако на Западе с течением времени концепция чистилища развивалась в трудах богословов, укоренялась в сознании простых людей и, наконец, получила официальное подтверждение в документах Лионского (1247) и Ферраро-Флорентийского соборов (1437–1439). Не вдаваясь в подробности, доктрина утверждала только, что некоторые души после смерти очищаются от грехов, и душам этим можно помочь, если молиться за них и делать добрые дела в их пользу.

* А. Горелов, Чистилище. Католическая энциклопедия, т.5 (М.: Издательство Францисканцев, 2013), с.236.

В прекрасной книге Жака ле Гоффа «Рождение чистилища» (1981) подробно рассказывается о развитии концепции чистилища и о появлении самого термина «purgatorium» в XII веке. Из нее же ясно, что в отличие от сдержанной официальной точки зрения всегда существовала безудержная, фантастическая народная жизнь чистилища, к которой Церковь относилась с опаской и по поводу которой на Тридентском соборе в 1563 году предупреждала клириков: «В малосведущей среде следует, однако, исключить из проповедей к народу наиболее трудные и наиболее тонкие вопросы, которые не служат назиданию и чаще всего не приводят к благочестию. Они [епископы] не должны допускать ни излагать, ни распространять сомнительные или близкие к заблуждению идеи. Что же до идей, которые порождают лишь любопытство или суеверия, а также тех, которые свидетельствуют о желании наживы, их следует запретить, как соблазняющие и оскорбительные для верующих...»^{*}.

Именно эти соблазняющие и оскорбительные идеи нас и интересуют больше всего. Они совсем не обязательно были еретическими, чаще всего их распространяли сами же клирики, в проповедях и благочестивых книгах, добавляя все больше

^{*} Декрет о чистилище (25 сессия (3–4 декабря 1563 года) Тридентского собора) // Христианское вероучение. Dogmaticкие тексты учительства Церкви III–XX вв. Санкт-Петербург: Издательство св.Петра, 2002, с.502.

и больше подробностей к простой идее очищения — где очищаются души, каким образом, что именно можно сделать, чтобы им помочь и самим избежать болезненного очищения.

Итак, что же такое чистилище для средневекового человека? (Под Средневековьем в данном случае я подразумеваю период приблизительно с XII по XVI века — с момента появления термина «purgatorium» до Реформации, положившей конец многим практикам и верованиям.)

Прежде всего, надо понимать, что для простых людей именно чистилище стало самым страшным местом. Ад был совсем для ужасных грешников, для нераскаявшихся, для отступников, для неверных. Среднестатистический же христианин боялся чистилища и думал о нем.

По средневековым представлениям, в ад попадали, если умирали в состоянии смертного греха — их часто путают с семью пороками, то есть гордыней, алчностью, завистью, гневом, похотью, чревоугодием, унынием (Илл. 3).

Однако проблема в том, что каждый из этих пороков мог привести как в ад, так и в чистилище — все дело в степени греха, в том, тяжел он или обыден. Тяжелый грех влечет серьезные последствия, связан с серьезными проступками и совершается в полном осознании характера своих действий. Обыденный грех или не очень серьезен, или же человек не вполне понимает,

Илл. 3 — Иероним Босх. Семь смертных грехов и четыре последние вещи. Ок. 1505–1510. Прадо, Мадрид. Инвентарный номер P002822.

На двух лентах, сверху и снизу от круга, написан текст из Второзакония: «Ибо они народ, потерявший рассудок, и нет в них смысла. О, если бы они рассудили, подумали о сем, уразумели, что с ними будет!» (32, 28–29) и «Сокрою лице Мое от них и увижу, какой будет конец их» (32, 20). Под фигурой Христа, изображенной в круге, напоминающем гигантский глаз, всевидящее око, расположена надпись: «Берегись, берегись, Господь видит». Христос изображен восстающим из гроба и указывающим на свою рану, как бы демонстрируя то, через что он прошел ради спасения человечества. Человечество же продолжает предаваться грехам, которые идут по внешней круговой. Дальше (против часовой стрелки) — Гордость (*Superbia*) в виде женщины, засмотревшейся на себя в зеркало, которое держит черт. Следующие грехи — Сладострастие (*Luxuria*; две парочки, развлекающиеся в шатрах), Лень (*Acedia*; человек, заснувший у очага и неспособный встать на молитву), Чревоугодие (*Gula*; толстяк за столом, пожирающий все больше и больше еды), Жадность (*Avaritia*; судья, берущий взятку) и, наконец, Зависть (*Invidia*; пара, не могущая отвести взгляда от чужого сокола). По углам изображения, в маленьких кругах представлены Четыре последние вещи: Смерть, Страшный суд, Ад и Рай.

что делает. Так, похотливый человек может или изменять своей супруге направо и налево (и это будет тяжелый грех), а может просто заглядываться на красивых женщин и рисовать в уме соблазнительные картины (и это будет грех обыденный).

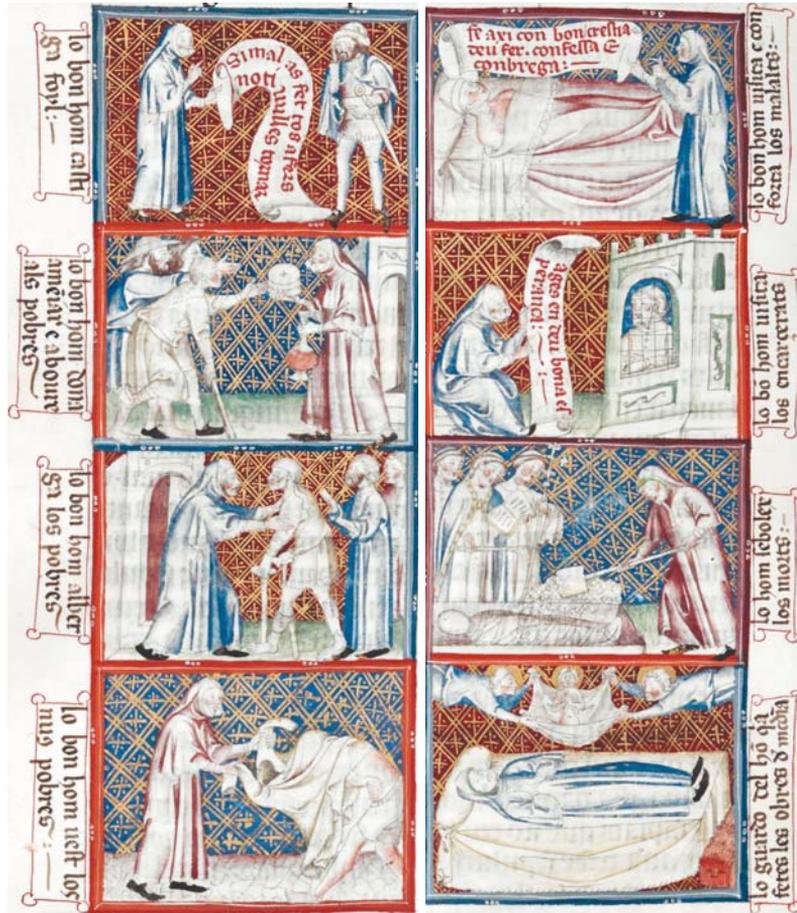
Один из самых больших страхов средневекового человека — внезапная смерть без покаяния. Этого старались избежать, в том числе, и с помощью амулетов. Так, в «Откровении монаха из Ившема», написанном в 1196 году, главный герой встречает в чистилище некоего ювелира, который раскрывает ему важный секрет: если каждый день проводить на лбу и вокруг сердца очертания букв JESUS NAZARENUS, то внезапная смерть тебе не грозит (илл. 4).

Однако раскаявшийся в смертном или обыденном грехе тоже не сразу мог попасть в рай. Мало было просто исповедоваться перед смертью, необходимо было свой грех искупить — на земле или в загробном мире. На земле степень искупления устанавливала Церковь — священник или епископ назначали епитимью (причем они не должны были быть слишком снисходительны, ведь снисхождение к грешнику приводило к тому, что за грехи приходилось доплачивать уже после смерти). Епитимья состояла из определенного количества молитв, воздержания от грехов, аскетических упражнений (пост, паломничество, бодрствование, ношение власяницы

Илл. 4 — Брошь, ок. 1250–1350. London, Victoria and Albert Museum, № M.41-1975. На этой серебряной брошке с одной стороны написано «R. O. B. E. R. T. I LOVE YAG: LOVES ME» (Роберт, я люблю тебя, Роберт любит меня), а с другой — «IHSVS NAZARENUS REX IVD» (Иисус Назарянин, царь иудеев). Таким образом, она одновременно служила и любовным признанием, и амулетом, защищавшим носившего от неожиданной смерти без покаяния.

Илл. 5 — Матфре Эрменго. Брeвиарий любви. London, British Library. Ms. Yates Thompson 31, f.110v. Каталония, конец XIV века. Семь дел милосердия. Левый столбец, сверху вниз: Праведник объясняет необходимость добрых дел, Праведник кормит голодных, Праведник приглашает странников к себе в дом, Праведник одевает нагого. Правый столбец, сверху вниз: Праведник посещает больного, Праведник посещает узника, Праведник погребает мертвого, Душу праведника забирают ангелы. О делах милосердия сказано уже у пророка Исайи: «раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его, и от одиночного твоего не укрывайся» (58,7). Позже Иисус объясняет необходимость милосердия тем, что на Страшном суде со всеми будут поступать согласно их поступкам: «Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и разделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира, ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня, был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ▶

и пр.) и совершения добрых дел, например, раздачи милостыни (илл. 5).

Можно было грешить всю жизнь, исповедоваться перед смертью из страха перед адом и не попасть туда (ведь Бог милостив!), однако пока ты не очистился от всех грехов и не полюбил Бога всей душой, в рай ты попасть не мог. И чистилище служило для подобного очищения. (илл. 6)

Каждый небольшой грех влечет за собой ответственность. Мало покаяться, нужно загладить его при жизни (пост, молитвы, милостыня, заказные мессы, другие добрые дела). Душа освобождалась только тогда, когда полностью выплачивался долг божественному кредитору. Перед смертью надо было освободиться от грехов и обязательств. Неуплаченные долги задерживали душу в чистилище, понуждали ее возвращаться на землю и просить или настаивать, чтобы кто-то из родственников или друзей этими долгами занялся.

Проповедники и авторы благочестивых книг многократно подчеркивали, что на земле расплатиться за грехи гораздо проще — один день терпеливо выдержанной болезни, с благодарностью Богу за все страдания, соответствовал целому году мучений в чистилище. Время в чистилище вообще течет по-другому — известна история, когда некий умерший монах явился своему другу и принялся упрекать его за то, что тот не молится за него, хотя обещал, а он вот уже 20 лет как томится в чистилище. Каково же было его удивление, когда он узнал, что на земле прошло всего несколько часов с момента его смерти, и его друг как раз собирается идти служить по нему заупокойную мессу!

Представления обычных людей сильно отличались от того, чему учила Церковь. Чистилище воспринималось скорее не как преддверие

ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне. Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его, ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня. Тогда и они скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе? Тогда скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне» (Мф 25, 31-45). ■

Небес, но как определенная часть ада. В отличие от богословов, которые, следуя Фоме Аквинскому (1225–1274), заверяли, что в чистилище нет демонов, поскольку души верующих одержали над ними победу, большинство популярных источников говорит о том, что черти мучают умерших в чистилище так же, как в аду.

Описаниями мучений, которыми подвергаются души в чистилище, заполнены многие и многие страницы средневековых рукописей. С некоторыми из них мы столкнемся ниже, пока же достаточно сказать об одном повторяющемся мотиве: считалось, что боль, испытываемая грешниками в чистилище, такая же по силе, как в аду. Вся разница только в том, что в аду эти муки вечные, а в чистилище временные. Кроме того, в аду царит не только отчаяние, но и ненависть, и раздор. Семейные узы уже не играют никакой роли. Дети не сочувствуют родителям, родители не жалеют детей. В чистилище же души пребывают в надежде на лучшее, и ангелы божии периодически прилетают утешать их.

В принципе, оказавшись в чистилище, ты мог уже не беспокоиться о своей судьбе — рано или поздно твоя душа окажется в раю. Однако многие авторы, в том числе знаменитая Бригитта Шведская (1303–1373), чьи мистические тексты были невероятно популярны, настаивали на том, что в качестве особого наказания Бог может сделать так, что некоторые души в чистилище будут сомневаться в своем спасении,

Илл. 6 — *Картузианский сборник. Вторая половина XV века. London, British Library, Ms. Add 37049, f. 19r. Смерть человека (иллюстрация к поэме Vado mori, то есть “Готовлюсь к смерти”). Умиравший лежит на постели, в головах у него ангел, в ногах демон. К нему приближается смерть с копьем, готовая нанести последний удар. Человек взывает о помощи к деве Марии, а она, дотрагиваясь до своей правой груди, обращается ко Христу, висящему на кресте напротив. Надпись на ее свитке гласит: «Эту грудь ты сосал в детстве, сын, прости ему его проступки». Распятый Христос, в свою очередь, снимает одну руку с креста, чтобы указать на свою рану в груди. Оба — и Христос, и Дева Мария — как бы ходатайствуют за умирающего перед Богом-Отцом, восседающим на троне, к которому подлетает Бог — Святой Дух в виде ангела. Посмертная судьба человека не окончательно решена на этой картине, так как и демон тоже заявляет свои права на его душу, утверждая, что та «полна грехов».*

и мучаться, таким образом, не только от огня и орудий пыток, но и от собственных мыслей. Ту же мысль высказывает и папа Лев X в булле «Exsurge Domine» (1520), утверждая, что «души чистилища не уверены в своем спасении, по крайней мере не все»*.

Итак, прежде всего, чистилище — это место мучений. Но для тех, о ком не забывают родные и друзья, оно могло оказаться вполне приятным местом. В «Золотой легенде» Иакова Ворагинского (ок. 1260), популярнейшем сборнике, содержащем жития самых разных святых, в главе «О торжестве всех святых», рассказывается о привратнике церкви святого Петра, которому были различные видения, в том числе и видение Чистилища: «...ангел <...> показал ему сонмы мужей и жен: одни покоились на золотых ложах, другие за столами наслаждались различными яствами. Показал он ему и тех, кто, обнаженные и нищие, зывали о помощи. Ангел объяснил, что место сие зовется чистилищем. Души тех, за кого друзья непрестанно возносят многие молитвы, пребывают среди изобилия, но души усопших, о которых никто не вспоминает, остаются нищими»**.

И в то же время за души в аду, которые пребывают вне любви, молиться бесполезно. В «Зо-

* Булла Exsurge Domine (15 июня 1520 г.) // Христианское вероучение..., с.501.

** Текст «Золотой легенды» здесь и далее дается в переводе И.В. Кувшинской.

лотой легенде» говорится: «Если кто сомневается в участи души и совершает вспомоществование за осужденных, оно не приносит им никакой пользы. Оно не помогает освободиться, не смягчает наказание и не уменьшает его, не сокращает его срока хотя бы даже на час, не укрепляет силы осужденных и не позволяет им легче переносить наказание, ибо в аду нет искупления». Впрочем, такую точку зрения было чрезвычайно тяжело признать, и существовали альтернативные (хотя и не признанные Церковью) — так, один английский проповедник XV века отметил, что молитвы за тех, кто в аду, могут принести облегчение от мук, но не могут принести искупления. Волновало людей и то, что молитвы пропадают зря, если их читать за попавших в ад — на этот счет существовало мнение, что они переадресуются ближайшему родственнику, находящемуся в чистилище, и помогают сократить его срок пребывания там.

За души в чистилище можно молиться, но сами они молиться не могут — то есть, они могут взывать к Господу, но это не принесет им ничего. Поэтому один из самых больших страхов (после внезапной смерти без покаяния) состоял в том что про мертвого забудут его родные и друзья. По сохранившимся завещаниям XV–XVI веков мы знаем, как серьезно люди подходили к тому, чтобы застраховать себя от такой судьбы. Оставлялись определенные средства на раздачу милостыни (в обмен на молит-

вы, которые нищие должны были прочитать за своего благодетеля), на чтение заупокойных месс, на добрые дела. Душеприказчик ни в коем случае не должен был пускать эти средства на собственные нужды — в «Золотой легенде» рассказывается история о том, как один такой нечестный душеприказчик отправляется прямо в ад: «Когда Карл Великий вел войну с маврами, некий рыцарь, отправляясь сражаться, попросил своего родича, чтобы, если рыцарь падет в бою, тот продал его коня и раздал деньги нищим. Рыцарь умер, но его родичу так понравился конь, что он оставил его себе. Через некоторое время тому человеку явился усопший, осиянный солнечным светом. Рыцарь сказал: „Добрый родич, через восемь дней мне суждено понести в чистилище наказание из-за коня, цену которого ты, согласно моей просьбе, так и не раздал нищим. Но и ты не останешься безнаказанным: сегодня диаволы унесут твою душу в ад. Я же, очистившись, перейду в Царство Божие“. Тотчас в небе раздался рев, подобный львиному, медвежьему и волчьему рыку: демоны окружили нечестивца и унесли в ад». В этой истории вызывает удивление особая мстительность духа — рыцарь не оставляет своему незадачливому родичу времени покаяться. Неудивительно, что она была популярна у проповедников.

Необходимость выделить деньги на собственное спасение подчеркивалась и позднее. Так, французский иезуит Этьен Бине (1569–

1639), пишет о том, какими дураками будут себя чувствовать в чистилище богатые люди, когда поймут, что за горсть серебра могли бы избавить себя от мучений, но предпочли все потратить при жизни на собак и лошадей. Он же предупреждает, что на детей полагаться нельзя, так как они просто потратят ваши деньги на собственные нужды. Необходимо сделать все финансовые распоряжения заблаговременно. Более того, лучше потратить деньги на освобождение душ из чистилища, чем на облегчение мучений еще живых людей. В первом случае все работает гораздо более точно, а во втором еще неизвестно, будут ли за вас молиться эти люди.

Естественно, богатые люди оказывались здесь в более выгодном положении. Например, у Шекспира Генрих V не жалеет расходов, чтобы вызволить душу убитого его отцом короля Ричарда II:

Прах Ричарда я царственно почтил,
И больше горьких слез над ним я пролил,
Чем крови вытекло из жил его.
Пять сотен бедняков я призываю,
Что воздевают руки дважды в день,
Моля прощения за кровь. Построил
Я две часовни; грустные монахи
Там поминают Ричарда*.

* Перевод Е. Бируковой.

Две часовни — это много даже для короля, но у Генриха особые обстоятельства (Ричард II был его опекуном и обращался с ним очень хорошо, но затем Генрих поддержал его свержение), и он пытается как бы выторговать у Бога и у души Ричарда право на трон.

Интересно, что в число добрых дел, могущих помочь быстрее освободиться из чистилища, включалось оставление суммы денег на поддержание и ремонт дорог и мостов. Многие из них были «церковными путями», то есть дорогами, которые вели из разных отдаленных мест прихода к приходской церкви. Но даже если это была обычная дорога, любая финансовая контрибуция в улучшение жизни общины понималось как дело любви, выполнение заповеди «возлюби ближнего твоего».

Многие произведения искусства появились благодаря желанию обеспечить себе молитвенное заступничество в будущем. Одно из первых изображений чистилища — панель 1425 года из ахенского музея. Рыцарь Вернер фон Палант заказал алтарь в церковь, куда, по его завещанию, ежегодно отдавались после его смерти 18 мер ржи в обмен на регулярное произнесение месс по нему самому и членам его семейства. Таким образом, художественное произведение становится важной частью процесса спасения (илл. 7).

Однако получалось, что освобождение от мук чистилища было доступно только богатым, которые могут в завещании распорядиться и о мессах, и о милостыне, а бедный человек должен

Илл. 7 — Мастер Алтаря Паланта. Спасение бедных душ из чистилища. Ок.1419–25. Ахен, Музей Сюрмондт-Людвиг. Донатор с семьей стоят сбоку от чистилища, где души молят о помощи. На свитке с мужской стороны написано «Помоги нам Боже, спаситель наш», а с женской «И славой имени твоего, Господи, освободи нас». Слова молящихся доносятся до небес, а оттуда спускаются ангелы и приносят облегчение душам. В руках у ангелов хлеб, одежда, кувшин с вином и миска с водой — это символы все тех же семи дел милосердия, которые совершают люди на земле, и благодаря которым грешникам удается покинуть чистилище. Две души поднимаются к небесам, они наконец-то спасены.

ИСТОРИЯ КАПЕЛЛЫ СКРОВЕНЬИ

Одно из самых известных произведений искусства, созданных в надежде получить спасение, — капелла Арена (или Скровеньи) в Падуе, расписанная великим Джотто (1266–1337). Эта часовня строилась на деньги падуанского купца Энрико Скровеньи. Его отец Реджинальдо был ростовщиком, а с точки зрения Церкви давать деньги в рост было смертным грехом, и строительство храма было для Энрико одним из способов загладить родительский грех. Данте помещает Реджинальдо Скровеньи в седьмой круг ада (*Ад*, 17, 64–75), в пустыню, где богохульников, содомитов и лихоимцев поливает огненный дождь. Строительство началось в 1302 году, и первоначально предполагалось, что это будет семейная часовня, вход в которую открыт только для членов рода Скровеньи. Однако после окончания строительства донатору удалось добиться от папы особой буллы — она была выдана 1 марта 1304 года Бенедиктом XI и даровала индульгенции тем, кто посетит часовню на праздники Рождества Христова, Благовещения, Сретения и Успения. Все эти посетители, естественно, должны были молиться и за Реджинальдо Скровеньи, и за строителя церкви, самого Энрико Скровеньи. Его надежду и упование на спасение отражает присутствие донатора на фреске Страшного суда, где он протягивает Деве Марии храм — свой входной билет в Царство Небесное (илл. 8).

Илл. 8 — Джотто. Энрико Скровеньи на Страшном суде. Капелла Арена, Падуя. Ок. 1305. Энрико стоит перед Девой Марией и двумя женами-мироносицами и держит в руках модель выстроенной им часовни. Сбоку храм поддерживает неизвестный клирик, видимо, один из служивших там священников.

рассчитывать только на собственную праведность и молитвенную помощь родственников.

Этот вопрос пытался прояснить Фома Аквинский. В Дополнении к «Сумме Богословия», составленном его учениками по заметкам учителя, мы видим интересное рассуждение. Согласно словам Иисуса о верблюде и игольном ушке*, бедным и так легче попасть в царствие небесное, так что возможность для богатых купить себе облегчение от мук чистилища — это жест доброй воли.

Нисколько не утешенные этим аргументом, практичные средневековые люди нашли выход и из этой ситуации. Проповедники и священники просто-напросто стали призывать молиться за всех мертвых. И тогда те даже смогут помочь нам в минуту нужды. Потрясающую историю рассказывает «Золотая легенда» о Канторе Парижском: «Всякий раз, проходя через кладбище, он читал псалом за упокой душ усопших. Однажды, спасаясь от преследователей, он бежал через кладбище. Тотчас мертвецы восстали из могил, и каждый держал в руке оружие своего служения. Все мертвецы стали мужественно защищать Кантора, так что враги в страхе разбежались». В дальнейшем в устной традиции место священника занял рыцарь, и существует

* Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное; и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие (Мф 19,б 3-24).

несколько средневековых изображений, на которых отражена история «благодарных мертвецов» (Илл. 9).

Существовали простые и понятные практики и ритуалы. В канун Дня всех святых в Англии колокола звонили всю ночь, призывая молиться

Илл. 9 — Великолепный часослов герцога Беррийского. Ок. 1412-16. Шантильи, Музей Конде, fol.90v. Рыцарь и армия мертвецов. На этой миниатюре благочестивый рыцарь изображен в виде полководца, командующего целой армией скелетов, восставших из своих гробов. Разбойники, несмотря на то, что их силы явно превосходят силы мертвецов, в ужасе устремляются к воротам кладбища.

за всех усопших. 2 ноября существовал обычай раздавать «soul cakes» — считалось, что с каждым куском пирога одна душа выходит из чистилища, и этот обычай продержался в сельских районах до XVIII века. В молитвословах (например, в Сарумском молитвослове 1538 года) встречаются особые молитвы за тех мертвых, у кого нет никого, кто бы молился за них. Это те души, за которых из-за того, что они давно уже умерли, или из-за небрежения их родни никто не молится, и они в своих мучениях не знают ни надежды, ни утешения.

Не полагаясь на добрую волю людей, Сарумский часослов 1531 года обещает тем, кто, входя на кладбище, прочитает молитву за упокоение душ всех тех, кто там похоронен, скостить столько дней в чистилище, сколько на этом кладбище упокоено людей.

Популярнейшие «15 молитв святой Бригитты» предлагалось читать каждый день в течение года, и тогда 15 душ родственников будут освобождены из чистилища, 15 грешников обратятся, а 15 праведников будут продолжать праведную жизнь. Здесь мы сталкиваемся с почти магическим соответствием количества молитв количеству спасенных душ — характерный для Средневековья феномен, который сегодня называли бы формой невроза.

Если не было денег на милостыню, то можно было даже поститься и исповедоваться за другого. В «Золотой легенде» рассказывается история

Илл. 10. Картузианский сборник. Вторая половина XV века. London, British Library, Ms. Add 37049, f.24v. Милостыня и молитва спасают души, находящиеся в чистилище. Души очистившихся грешников поднимаются по веревке из чистилища в рай (изображен в виде крепости, внутри которой находятся Иисус и праведные души). Вербка приводится в движение благодаря действиям священника, совершающего мессу и мирянина, подающего милостыню нищим.

женщины, которая вошла в сговор с дьяволом и не успела исповедоваться перед смертью. Однако о ее грехах знал ее сын. Он «покаялся в грехах матери и семь лет нес за нее покаяние. Завершив его, он увидел мать, поблагодарившую сына за свое освобождение».

Испанский богослов Алонсо де Ороско (1500–1591) подсчитал, что в чистилище человек проводит от тысячи до двух тысяч лет. Печальная перспектива. Но можно было выбрать мучения

в этой жизни. Как написал Томас Тьюк, автор XVII века: «Тот, кто умирает, пока еще жив, жив, когда умер».

Именно это можно было сделать в Ирландии. Вход в чистилище открывался на маленьком острове на озере Лох Дерг, и пройдя это испытание, можно было быть уверенным в своем спасении. Но с чего все началось?

Святой Патрик и чистилище

Открыв «Золотую легенду», мы прочтем в главе, посвященной святому Патрику, апостолу Ирландии, жившему в V веке, следующую историю: «Проповедуя среди жителей Ирландии, святой Патрик пожинал весьма скудные плоды. Он попросил Господа явить какое-нибудь знамение, дабы люди устрашились и покаялись. По велению Господа святой посохом очертил в некоем месте большой круг. И вот внутри того круга разверзлась земля, так что образовался глубокий колодец. Блаженному Патрику было открыто, что в этом месте находится чистилище. Каждый, кто захочет в него спуститься, не должен нести другого покаяния и не попадет в другое чистилище за свои грехи. Однако большинство людей не вернется оттуда. Те же, кто вернутся, должны оставаться на этом месте от утра до утра».

Именно в таком виде легенда о возникновении Чистилища святого Патрика получила распространение по средневековой Европе. Однако

мы не встречаем никаких упоминаний о ней ни в «Исповеди» святого, ни в его «Письме к Коротикусу», ни в самых первых его житиях, написанных в VII веке Тиреханом и Мурьху макку Махтени.

Более того, в «Топографии Ирландии» — первом подробном описании острова, написанном в 1186 году Гиральдом Камбрийским, — при описании острова на озере Лох Дерг имя святого Патрика не упоминается:

«В Ольстере есть озеро, в котором находится остров, разделенный на две части. В одной части располагается прекрасная церковь, известная своей святостью и достойная того, чтобы ее увидеть. Она отличается от других церквей тем, что ее посещают ангелы, а также частым и видимым присутствием местных святых.

Но другая часть острова камениста, уродлива и оставлена во власти злых духов. Почти все время там собираются и водят процессии злые духи, и это могут ясно видеть все. В этой части есть девять ям, и если кому-либо, случайно, придется провести ночь в одной из них, — а есть свидетельства, что некоторые дерзкие личности по временам пытались осуществить это, — то им немедленно овладевают зловещие духи, и всю ночь он подвергается таким жестоким мукам и постоянно предают его таким невыразимым наказаниям с помощью огня и воды, что когда наступает утро, то находят тело с едва теплящейся жизнью. Говорят, что если человек однажды претерпевает сии мучения в качестве

покаяния, наложенного на него, то он будет освобожден от мук ада — если только не совершит очень тяжелый грех»^{*}.

И только во второй версии своей «Топографии» (1189), Гиральд добавляет, что это место называется «Чистилищем святого Патрика». Что же случилось между 1186 и 1189 годом? Откуда у Гиральда взялись эти новые сведения?

Трактат о Чистилище святого Патрика: цистерцианский проект

По всей видимости, Гиральд прочитал «Трактат о чистилище святого Патрика» (*Tractatus de Purgatorio Sancti Patricii*), написанный в 1184 году. Автором его был некий монах в Англии, Н. (видимо, Henry) of Saltrey, то есть Генри из Солтри (цистерцианское аббатство в Хантингдоншире, Англия). Вся рукопись посвящена тому, как Господь открыл святому Патрику пещеру, с помощью которой можно попасть в иной мир, как такое путешествие проделал рыцарь Овейн, вернулся из него и рассказал, что видел.

Во вступлении мы видим источник истории, упомянутой в «Золотой легенде». Генри из Солтри объясняет читателю, что ирландцы отказывались обращаться в христианство, пока один из них не познает и муки проклятых, и радости

^{*} Giraldus Cambrensis (translated by Thomas Forester). *Topography of Ireland*. Cambridge, Ontario: In parentheses Publications, 2000. P.35.

праведных. Тогда Иисус явился святому Патрику и отвел его в пустынное место.

«Там Он показал ему круглую яму, темную изнутри, и сказал ему, что всякий, проявляющий истинное покаяние и истинную веру, кто войдет в эту яму и останется там на протяжении одного дня и одной ночи, будет очищен от всех грехов своей жизни. Более того, в то время, как он будет там, он сможет не только увидеть пытки проклятых, но, если он постоянно поступал по вере, и радости блаженных. Затем Господь исчез с глаз святого Патрика, а тот был исполнен духовной радости, не только потому, что Господь явился ему, но и потому, что Он показал ему это место, с помощью которого он надеялся отворотить народ от ошибок»* (илл. 11).

Далее в рукописи говорится, что святой Патрик построил рядом церковь и поместил на острове монахов-августинцев. Яму же, «которая находится на кладбище за западным фасадом церкви», он обнес стеною, а к двери приставил замок, чтобы никто не мог дерзко и по собственной воле зайти туда. Ключи он вручил приору — так называли настоятелей небольших монастырей. С того времени и началось паломничество людей в Чистилище, при этом святой

* «Трактат о Чистилище святого Патрика» здесь и далее цитируется по книге *The Medieval Pilgrimage to St Patrick's Purgatory: Lough Derg and the European Tradition* (eds. Haren M. and de Pontfarcy Y.), Monaghan, 1988.

Илл. 11 — Видение Уильяма Стэнтона, 1451 г. London, British Library, Royal Ms 17 B XLIII, fol.132v. Святой Патрик в чистилище. Святой Патрик представлен в своем епископском облачении, с крестом, благословляя читателя и души вокруг себя. В это же время демоны бьют и варят в котле грешников.

Патрик повелел, чтобы всех паломников, посетивших Чистилище, записывали и держали эти записи в монастыре.

Автор трактата объясняет, что место называется Чистилище (*purgatorium*), так как здесь люди очищаются от своих грехов, и носит имя святого Патрика, так как он увидел его первым из всех людей.

После этого Генри из Солтри описывает разнообразные шаги, которые должен предпринять пилигрим, намеревающийся посетить Чистилище. Он должен получить разрешение епископа, в диоцезе которого (т.е. на подчиненной ему территории) располагается Чистилище, и выразить желание по своей собственной воле войти в пещеру. Епископ же старается отговорить паломника, рассказывая ему, что многие входили туда и не возвращались более. Если же паломник настаивает, то епископ даёт ему письмо к приору, который, в свою очередь, тоже старается переубедить его. Если же не возымеют эффекта и слова приора, то пилигрима отводят в церковь, где он постится и молится 15 дней, а затем вводят в пещеру.

Такой вид покаянного упражнения чем-то похож на другие, которые практиковались в это время в Ирландии. Например, в «Житии святого Брендана» рассказывается, что когда святому было 10 лет, он ударил девочку, которая хотела забраться на его колесницу. Епископ Эрик упрекнул его, и святой Брендан испросил наказание. Эрик сказал: «Отправляйся в эту пещеру и не выходи отсюда до утра. Завтра я заберу тебя отсюда». А в рассказе о проклятии Тары (записан в XI веке) святой Руадан вырыл в своем монастыре яму, чтобы спасти короля Коннахта, Хуга Гуайре, когда тот бежал от гнева короля Тары. Когда его приходят искать, никому и в голову не приходит, что святой вырыл яму прямо под сво-

им креслом, и Хуг Гуайре ел и спал там, не выходя наружу. Монастырь с тех пор был известен под названием «Дыра Руадана».

Знаем мы и о тех средневековых отшельниках, мужчинах и женщинах, которые по собственной воле всю жизнь оставались в своих кельях, не выходя наружу. Некоторые даже просили замуровать их, а еду подавать через маленькое окошечко, и их желание выполнялось. Описание подобного ухода в затвор было дано Григорием Турским уже в VI в: «...и попросила аббатису приготовить ей келью, в которой она жила бы затворницей. И та, быстро приготовив её, сказала: «Вот тебе келья. Что теперь тебе

Илл. 12 — Доска на стене церкви св.Иакова, расположенная на месте окна, через которое Кристине приносили еду и выносили остатки ее жизнедеятельности.

Илл. 13 — Окошко-четырёхлистник, через которое Кристина Карпентер получала причастие. Справа — косое окошечко, через которое она могла видеть алтарь.

нужно?». Но девушка попросила разрешения запереть её там. Когда ей это разрешили, собрались сёстры и с громким пением псалмов и с зажженными лампадами привели её к тому месту, причём блаженная Радегунда держала её за руку. И после того как она простилась со всеми и поцеловала каждую в отдельности, её заперли, и вход, через который она вошла, замуровали. В этой келье теперь она предаётся молитвам и чтению Священного Писания»*. Такой образ

* История франков, VI, 29. Пер. В.Д.Савуковой (по изданию «Григорий Турский. История франков». М., 1987).

жизни может показаться нам экстремальным, но в Средние века он обладал определенным притяжением — историкам известно около 100 отшельников и отшельниц в Англии XII века, и 200 в период с XIII по XV века. Не все они выдерживали добровольное заточение — так, известна история Кристины Карпенгер, отшельницы XIV века, которая жила в келье, пристроенной к церкви Св.Иакова в деревне Шер (Англия). Изначально в келье была дверца, через которую Кристина могла выходить к причастию, но однажды, видимо, не выдержав постоянного пребывания взаперти, она вышла в неположенное время и стала бродить по округе, распевая песни и общаясь с сомнительными личностями. Девушку хотели отлучить от Церкви, но она принесла покаяние и вновь была допущена в свою комнатку. Однако, доверия ей больше не было, и келью замуровали, оставив Кристине лишь два окна.

Между рассказом об откровении святому Патрику и описанием обряда введения в Чистилище в трактате излагается странная история о приоре с одним зубом. Генри пишет, что после смерти святого Патрика в общине был старый приор, келья которого была расположена за dormitorioм (общей спальней) каноников. Он жил отдельно, чтобы избавить остальных от неудобств, связанных с проживанием вместе со стариком. Братья часто слышали из своего dormitorio хор ангелов, поющий: «Благословен ты, и благословен зуб в устах

твоих, который никогда не касался усладительной пищи». Ибо его едой был сухой хлеб и соль, а питьем — холодная вода». Очевидно, что этот рассказ не имеет никакого отношения к истории чистилища, но подчеркивает аскетические традиции насельников монастыря, заботящихся о месте паломничества. Позже, в 1200 году, описывая остров, Питер из Корнуолла (ок. 1139–40 — 1221) пишет: «На этом маленьком острове есть маленькая часовня, в которой старики постоянно живут отшельнической жизнью. Они не пьют ничего, кроме воды, смешанной с молоком, а во время поста они всегда едят овсяной хлеб, который на одну треть состоит из пепла»^{*}.

Любопытно, что у Генри из Солтри речь идет как будто об одном острове — на нем и монахи живут, и расположен вход в чистилище. Однако же на самом деле их было два: остров побольше под названием «Остров остановки» (Station Island), где жили монахи, и «Остров святых» (Saints' Island), где располагался вход в чистилище.

Но главную часть трактата составляет рассказ рыцаря Овейна о его путешествии на Лох Дерг. Овейн был крестоносцем при короле Англии Стефане, то есть между 1135 и 1154 годами. Вернувшись на родину примерно 1147 году, он вдруг понял, что весьма греховно проводит свою жизнь.

^{*} Цитируется по книге Medieval Pilgrimage...

Рыцарь начинает свой рассказ с того, что однажды он отправился на исповедь к епископу, в чьем диоцезе находилось Чистилище святого Патрика. Сокрушаясь о своих грехах, он решил отправиться в пещеру для покаяния, причем сам упомянул ее как самое суровое доступное ему паломничество. Он прошел обычные церемонии (15 дней поста на хлебе и воде, месса и торжественная процессия), и перед входом приор рассказал Овейну, что тот увидит:

«Некоторое время ты будешь идти по подземной пещере, а затем попадешь на обширное поле, на котором ты найдешь здание, выстроенное с изумительным искусством. Как только ты зайдешь внутрь его, тебя встретят вестники Божии, которые заботливо объяснят тебе, что будет сделано с тобой, и как ты должен будешь пострадать. Затем они отойдут и оставят тебя одного, и вскоре явятся демоны, чтобы искушать тебя. Мы знаем, что так происходит от тех, что входили сюда прежде тебя. Что же касается тебя, то будь постоянен в вере».

Овейн вошел в пещеру, «вооруженный верой, надеждой и справедливостью, уверенный в Божьем милосердии и будучи тверже, чем железо». О том, что он там увидел, мы расскажем чуть позднее, а пока скажем только, что выйдя на свет божий из пещеры, он снова встретился с приором монастыря, который препроводил рыцаря в церковь, где тот провёл пятнадцать дней в молитве. На этом паломничество Овейна не за-

кончилось — дабы достойно завершить его, он, взяв крест, отправился в Иерусалим — уже как паломник, а не как воин. По возвращении он спрашивает у короля разрешения стать монахом, и тот назначает его переводчиком цистерцианскому аббату Гилберту Лаутскому (ум. ок. 1153), посланному в Ирландию для того, чтобы основать там цистерцианский монастырь.

Вместе они провели два с половиной года, и в какой-то момент рыцарь поведал аббату свою историю. Затем Гилберт вернулся в Британию, где стал аббатом в Бейзингверке, в Северном Уэльсе, и от него-то Генри из Солтри и узнал данную историю. Овейн же остался в Ирландии, и что с ним случилось дальше — неизвестно.

Гильгамешу, тосковавшему по Энкиду, было позволено увидеться с его тенью. Он спрашивает друга, каково разным людям в ином мире, и ответы дают понять об одном из старейших представлений о связи живых и мертвых: хорошо тем, о ком помнят, за кого приносят жертвы:

“Того, у кого один сын,
ты видел?”

“Да, видел”.

“Каково ему там?”

“Он тот, кто перед
колышком, в стену
вбитым, горько рыдает”.

“Того, у кого два сына, видел?”

“Да, видел”.

“Каково ему там?”

“Он тот, кто на двух
кирпичах сидит, хлеб
вкушает”.

“Того, у кого три сына,
ты видел?” ►

Путешествия в иной мир в христианской традиции

В мировой литературе описано немало путешествий в загробный мир. Эта традиция начинается как минимум с шумерской поэмы III тысячелетия до н.э., где рассказано об Энкиду, который спустился в подземный мир, чтобы выручить волшебный барабан и палочки своего друга Гильгамеша, но не смог вернуться, так как нарушил запреты, существующие в ином мире — нельзя идти туда в чистых одеждах, умащать себя маслом, иметь с собой посох, надевать сандалии, нельзя целовать ту женщину, которая тебе понравилась, нельзя ударить ту, которая тебе ненавистна.

Спуститься в подземное царство и вернуться оттуда первыми среди известных нам персонажей смогли древнегреческие герои Геракл и Орфей. Такие же путешественники еще до Овейна существовали и среди христиан, но надо иметь в виду, что путешествовали они не телесно, а духом.

Одним из первых произведений, в котором рассказывалось о такого рода путешествии, был апокрифический «Апокалипсис Павла», составленный на греческом, скорее всего, уже в середине III века в Египте. Он переводился на разные языки, в том числе и на латынь, и был весьма популярен в средневековой Европе, хотя отношение к нему не всегда было доброжелательным. Так, святой Августин полагал, что это произведение полно сказок, дерзкое и нахальное. Текст написан от лица апостола Павла и основан на его словах из Второго послания к Коринфянам:

«Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю — в теле, или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор., 12, 2-4).

Герою «Апокалипсиса» ангел показывает посмертную судьбу праведников и нечестивцев, пребывающих, соответственно, в раю или в аду.

“Да, видел”.

“Каково ему там?”

“Он подобен тому, кто пьет воду в степи из бурдюка,

Слабеньким отроком принесенного”.

“Того, у кого четыре сына, ты видел?”

“Да, видел”.

“Каково ему там?”

“Подобно тому, кто запряг четырех ослов, веселится сердцем”.

“Того, у кого пять сыновей, ты видел?”

“Да, видел”.

“Каково ему там?”

“Словно добрый писец, чья рука искусна,

Кто во дворец вступает смело”.

“Того, у кого шесть сыновей, ты видел?”

“Да, видел”.

“Каково ему там?”

“Подобно доброму землепашцу, он весел сердцем”.

“Того, у кого семь сыновей, видел?”

“Да, видел”.

“Каково ему там?”

“Словно друг богов, сидит в кресле, Музыкай танцев наслаждается”.

“Того, кто наследника не имеет, видел?”

“Да, видел”.

“Каково ему там?”

“Хлеб, кирпичу разбитому ветром, подобный, он ест”^{*}.

Можно сказать, что мало что изменилось и в средневековой Европе — память о мертвых была важнейшим условием, обеспечивавшим тем избавление от страданий и скорейший переход из чистилища в рай. ■

* Перевод В.К. Афанасьевой.

Он видит награды и наказания, но на появлении пророка Илии текст обрывается, и мы ничего не знаем о дальнейшем развитии событий.

Этому образцу — видение судеб грешников и святых — следуют почти все видения, вплоть до Данте и далее. При этом обычно судьбе грешников и описанию их наказаний уделяется больше времени и внимания. Как правило, визионеры покидают свое тело, остающееся лежать без сознания, и путешествуют «в духе». Например, Беда Достопочтенный (672–735) в 731 году так описывает подобное путешествие святого мужа Фурсея: «Однажды во время болезни, как повествует его житие, он покинул свое тело и пребывал вне тела с вечера до петушьего крика, удостоившись лицезреть ангельские сонмы и слышать их блаженное пение. Он говорил потом, что среди прочего они пели: ”Святые приходят от силы в силу” и далее, “Бог богов является на Сионе”. Он вернулся в свое тело и через два дня снова покинул его, на этот раз не только увидев величайшие радости блаженных, но и пережив свирепое нападение злых духов, которые многими хулами попытались помешать его восхождению на небо, но потерпели неудачу, ибо его охраняли ангелы»^{*}.

Все видения невозможно, да и бессмысленно пересказывать здесь, поэтому я остановлюсь на двух, близких по времени и географии видению

^{*} Здесь и далее «Церковная история народа англвов» приводится в переводе В.В. Эрлихмана.

Овейна. Первое из них — видение Адамнана, в котором подробнейшим образом раскрывается география загробного мира.

Адамнан и его трудный путь к небесному Иерусалиму

Адамнан, которому приписывается это видение, был девятым аббатом шотландского монастыря св. Ионы и биографом св. Колумбы (о нем будет подробно рассказано дальше). Он умер в 704 году, однако на самом деле видение написано сильно позже его смерти и первый раз встречается в ирландских рукописях XI века. Видение было написано на среднеирландском, то есть изначально было рассчитано именно на соплеменников Адамнана, но впоследствии было переведено на латынь и стало популярно по всей Европе.

Автор, не теряя времени даром, сразу заявляет, что много было святых и праведных мужей, которых Господь удостоил различного рода видений: апостол Пётр, да и вообще все апостолы после Успения Девы Марии. Вот и Адамнану, сыну Тинне, открыл Господь вещи, записанные здесь. Душа Адамнана покинула тело на праздник Иоанна Крестителя, и увидела она небеса, где обитают ангелы, и ад, где находятся беззаконные. Совершил это отделение души от тела ангел-хранитель Адамнана. Он же повел его в путь, и первой землей, которую они посетили, была «Земля святых». Интересно, что на небесах

сохраняется то же географическое разделение, что было и при земной жизни Адамнана, а именно: восточные святые пребывают на востоке, северные на севере, и так далее. Все они одеты в белое и могут беспрепятственно наслаждаться музыкой и созерцать небесный свод. Господь пребывает с ними, лицом к лицу, обителище Его на юго-востоке (видимо, так как именно в этом направлении находится Иерусалим), и между Ним и святыми — хрустальное покрывало. На юге же этой земли — золотой портик, и сквозь него можно свободно различать формы и тени обитателей Неба. Живущих на Небе и живущих на Земле святых не разделяет никакой покров, но и те, и другие постоянно проходят через некое место, находящееся над ними. Место это окружено огненным кругом, но он не приносит проходящим сквозь него вреда. Адамнан подробно описывает ранги святых, рассказывает, где именно они располагаются, и добавляет, что после Судного Дня уже никакой покров не будет отделять их от созерцания Бога.

Далее автор описывает устройство трона Господня. Он покоится на четырех колоннах драгоценного камня, которые производят чудесную музыку (а управляют ими некие птицы и архангелы). Над троном же — сияющие арки. Пылающий трон окружают тысячи существ в облике лошадей и птиц. Самого же Господа описать не может никто. Понятно только, что Его окружает сияние, в семь раз большее, чем у солнца,

и потому невозможно, глядя на Него, различить какие-либо человеческие формы.

Трон находится в городе, окруженном семью хрустальными стенами и стоящем на хрустальном основании. В город попадают только праведные отроки и паломники, ревностно ищущие Бога. Интересно, что все они каким-то таинственным образом всегда стоят друг ко другу лицом к лицу, и никто не оказывается повернут к другому спиной или боком. Семь тысяч ангелов постоянно освещают город с помощью внушительных свечей.

Те из людей, которые недостойны войти в город, вынуждены дожидаться Страшного Суда на высотах, холмах и в болотистых местах. Они образуют небольшие группы, в каждой из которых есть свой ангел-хранитель, прислуживающий и поддерживающий их. В город им мешают войти стена огня и стена изо льда, которые сталкиваются и производят ужасный грохот, слышимый как снаружи города, так и на земле, но не слышимый в самом городе (разве что совсем чуть-чуть).

Добраться до города очень трудно, поскольку путь туда ведет через семь небес. У дверей ближайших Небес восседает Архангел Михаил и два юноши (или две девы) с железными прутами в руках, чтобы наказывать и поворачивать прочь грешников. У дверей следующих Небес привратником служит ангел Ариель, также с двумя юношами. В руках они держат огненные пруты,

которыми бьют неправедных по лицу и глазам. Кроме того, перед воротами течет пламенная река, за которой следит ангел Аберсет. Он омывает в реке души праведных людей, смотря по количеству их вины, пока они не станут чистыми и светлыми, как сияние звезд. Рядом протекает еще один поток — для душ праведных ароматный и приятный, для душ же нечестивых он только умножает горе и мучение.

У дверей третьих Небес находится вечно пылающая печь. Праведные проходят сквозь нее во мгновение ока, в то время как нечестивые проводят внутри 12 лет в страшных мучениях, но затем ангел-хранитель выводит их и направляет к воротам четвертых Небес. Там снова встречает их огненный поток, окруженный огненной стеной, и снова святые души сразу проходят его, а грешники застревают на 12 лет. У пятых ворот огненная река имеет одну особенность: в середине ее водоворот, который захватывает и не отпускает души нечестивых, и там они крутятся 16 лет. Когда же наступает время им освободиться, ударяет ангел по реке, и она становится твердой, как камень, а души выбираются по его жезлу наружу.

Михаил ведет их к шестым Небесам, и там, хвала Создателю, их уже не ожидают новые муки, но они просвещаются светом и сиянием драгоценных камней. Отсюда душу ведут непосредственно к Творцу всего. Если душа эта праведна, то встречает Господь ее, даруя ей бесконечное

счастье. Но если душа несправедлива, то говорит Бог ангелам Своим: «предайте этого человека в руки Люцифера». Итак, душа нечестивца низвергается в ад, там лишается сопровождения архангелов, и двенадцать драконов поочередно пожирают ее, после чего она попадает в утробу дьявола, где переживает муки вечные.

После того, как ангел-хранитель поведал Адамнану об устройстве небес и о том, что происходит с людьми по смерти, он повел его в адские области. Первой из них была выжженная дочерняя земля, где обитали восемь змей с глазами, словно огненные угли. В дальнем конце этой земли была долина, в которой бушевало пламя. Над ней был некий мост, по которому хотели пройти три группы человек. Для первой мост был широким от начала и до конца, для второй он сначала был узок, а потом расширился, но третья группа не смогла пройти и упала в пламя долины, потому что для нее мост был сначала широким, а потом сузился. Первую группу составляли люди, при жизни хранившие целомудрие и приносившие покаяние. Вторую — те, кто с трудом, но все-таки смогли подчинить себя воле Господней. Третью же — грешники, которые сначала слушали слова Господни, но затем не стали выполнять их.

Идя далее, Адамнан увидел толпы слабых и бессильных людей, пребывающих на берегу постоянной боли, в стране крайней тьмы. Один час продолжались их мучения, на второй они

отступали, и так продолжалось бесконечно. Это были люди, в которых добра и зла было поровну. В день Страшного Суда то доброе, что есть в них, окончательно уничтожит злое, и они отправятся на Небеса.

Рядом с ними множество людей, чье наказание выглядит так: они стоят в огненном море, привязанные к огненным колоннам пламенными оковами в виде гадюк. Это убийцы братьев своих и расхитители церковной собственности.

Другие стоят в черной трясине, с лицами, обращенными на север. На них одеяния изо льда, яростный ветер дует на них, демоны бросают на них сверху огонь. Это воры, лжецы, предатели, грабители, судьи несправедливые, еретики, женщины, занимавшиеся ведовством.

В середине огненного моря находится остров. На нем за серебряной стеной обитают те, кто раздавал милостыню без любви и без прощения. Тем не менее, хотя они и в аду, их милостыня служит им как бы крепостной стеной и защитой от мучений. После Судного Дня они тоже будут пребывать на Небесах.

Иное множество, одетое в пылающие плащи, ужасает всех вокруг своими воплями. Демоны натравливают на них собак, и те разрывают их на куски и пожирают несчастных. Каждый час они проваливаются обратно в ад, а потом снова возвращаются на место адской охоты. Это мудрецы, что преступили свой устав

и стали ненавистниками благочестия; те, кто соблазнили народ. Кроме собак, их разрывают на части некие дети — это те, кого мучимые могли наставить на путь истинный, но не сделали этого.

Еще одна толпа беспрестанно бежит, пытаясь уклониться от пламенных стрел, которые в них пускают демоны. Они ищут спасения и облегчения своих страданий в темной реке и темном озере, но там страдания только увеличиваются. Это нечестные купцы и ткачи, женщины-прелюбодейки, сводники, иудеи, нечестивые владыки.

За пределами этой области мучений находится огненная стена, но там никакие души не предаются страданиям. Это обитель демонов вплоть до Страшного Суда.

Адамнан говорит о том, что многие из грешников останутся в аду и после дня Страшного Суда. Тогда их мучения будут вечными, освободиться от них они будут лишь на три часа каждое воскресенье.

После этого ангел-хранитель велел душе Адамнана вернуться в тело и рассказывать все, что он видел, как можно большему количеству людей. Адамнан убеждает читателя: то, что он рассказал, есть учение Церкви, об этом учил и святой Патрик, и апостолы Пётр и Павел. Заканчивается книга надеждой на скорейшее наступление Судного Дня, когда каждый получит по заслугам.

В отличие от более ранних авторов. Адамнан очень подробно описывает все, что видел и дает целую классификацию грехов и наказаний. Но метод путешествия (душа, покидающая тело) остается все тем же, что и прежде.

Исправление грешника Тнугдала

Такой же путь проделывает и Тнугдал. Текст, описывающий его видение, появился в XII веке, и в течение Средних Веков он был переведен на 15 языков, включая белорусский. Исходный латинский текст был записан вскоре после 1149 года неким братом Марком в монастыре святого Иакова в Регенсбурге, в Германии. Брат Марк утверждает, что свой рассказ он перевел с ирландского по просьбе аббата своего монастыря. «Видение Тнугдала» пользовалось столь большой популярностью потому, что там давался наиболее полный и детальный отчет о загробном мире. Тнугдала превзошел только Данте (который вполне мог быть знаком с этим произведением).

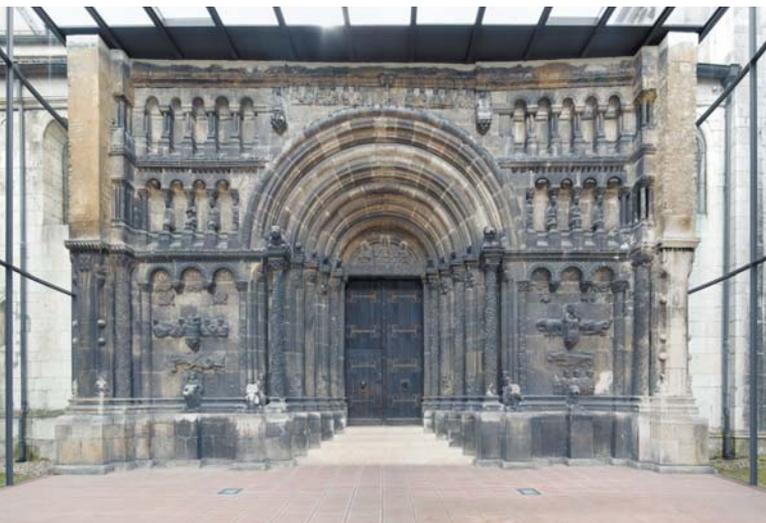
Текст брата Марка начинается с короткого описания Ирландии — и отсюда видно, что он рассчитан на аудиторию, которая могла и слыхом не слыхивать о далеком острове. Регенсбургское аббатство было одним из так называемых «Schottenkloester», то есть сети ирландских бенедиктинских монастырей в Южной Германии, и его насельниками были исключительно ирландцы. В 1112 году аббатство святого Иакова

получило хартию от императора Генриха V, но присутствие ирландских монахов было засвидетельствовано в городе еще раньше. Так, около 1089 года они получили привилегию защиты от императора Генриха IV, а палеографические данные подтверждают, что ирландцы, скорее всего, жили в городе уже в 1060-х годах (илл. 14).

Автор уверяет читателя, что свои сведения он получил непосредственно от визионера, молодого человека благородного происхождения, Тнугдала, когда ездил в Ирландию. Вернувшись в Регенсбург, он рассказал эту историю аббатисе монастыря святого Павла, и та попросила перевести ее «de barbarico in Latinum», то есть с варварского ирландского на латынь.

В отличие от многих других визионеров Тнугдал однозначно является грешником. Его обвиняют во всех смертных грехах и в преда-

Илл. 14, 14а, 14б — Регенсбург (Германия), портал церкви монастыря святого Иакова. Начало XII в. Портал украшен многочисленными рельефами, как фигуративными, так и орнаментальными, выполненными или ирландскими мастерами, или местными под руководством ирландцев. К сожалению, смысл изображенного до сих пор ускользает от нас, можно только предположить, что изображено противостояние добра и зла. Особое внимание привлекают в левой части портала две пары — сплетенные хвостами двое мужчин и обнимающиеся мужчина и женщина по сторонам от лишившейся с течением веков головы Девы Марии с Младенцем, под ней чудовище, одновременно убивающее льва и человека, и двуххвостая русалка. С другой стороны на троне восседает то ли Христос, то ли Антихрист, под которым еще одно чудовище пытается проглотить нечто круглое (гостию?), а еще ниже три монаха стоят рядом с русалкой.

тельстве. Он активно давал деньги в рост. В один прекрасный день этот отъявленный негодяй отправился к некоему человеку, который должен был ему деньги за лошадей. Тот заплатить ему не смог, но подписал новое долговое обязательство и усадил обедать. Во время этого обеда Тнугдал почувствовал себя очень плохо и упал без чувств. Его уже было приняли за мертвого, но заметили, что хотя он весь холоден как камень, все же некоторое тепло сохраняется с левой части тела рыцаря, в районе головной вены. Тогда его оставляют в покое, и через три дня он снова приходит в себя (илл. 15).

Илл. 15 — Видения рыцаря Тондаля (миниатюрист Симон Мармион), 1475. Los Angeles, The J. Paul Getty Museum. Ms 30, f. 7r. Тнугдал за обедом у своего должника.

Оказывается, что пока Тнугдал лежал без чувств, душа его покинула тело и оказалась в угрюмом темном месте. Он думал, что умер, и был страшно напуган. Перед ним появилось

огромное количество духов, заполнивших дом, двор, улицы города — они пели о том, что он умер и теперь станет пищей для неугасимого огня. Они раздирали себе щеки когтями и издевательски предлагали внимательно посмотреть на них, ведь они его товарищи по аду. Тнугдал рыдал и не знал, что делать, и вдруг перед ним появился его ангел-хранитель и упрекнул рыцаря в том, что тот не замечал его всю свою жизнь. Тнугдал выразил свое глубокое раскаяние, и они отправились в путешествие по загробному миру, причем ангел предупредил Тнугдала о том, что по великой милости Господней тот вернется в свое тело, правда, ему придется немного пострадать по дороге.

Все путешествие ангела и Тнугдала Поделено в видении на 10 «пассусов», то есть шагов, и 7 «гаудий», то есть радостей.

В 1-м шаге бесы предъявляют свои права на душу Тнугдала, но ангел защищает его от них и, раздосадованные, они удаляются.

Во 2-м шаге они видят наказание убийц, особенно убийц собственных родителей и братьев. Тех поджаривают на решетках до такого состояния, что они полностью вытапливаются, а затем возвращают в исходное состояние и снова начинают мучить. В ужасе Тнугдал спрашивает, будет ли он подвергнут этому наказанию, но ангел говорит, что нет. А следовало бы, ведь хоть он и не отцеубийца, но убивал людей. Он должен, однако,

вернувшись в свое тело, следить, чтобы не согрешить и не подвергнуться еще большему наказанию (илл. 16).

3-й шаг посвящен наказанию лазутчиков и предателей — их заставляют переходить из пахнущего серой огнем в ледяную область с градом. Демоны толкают их вилами туда-сюда, но Тнугдал и здесь проходит невредимым, следуя за ангелом.

В 4-м шаге Тнугдал видит перед собой гордецов во рве, наполненном огнем и серой. Надо рвом проходит узкий мост, по которому может пройти только такой смиренный человек, как паломник с пальмовой ветвью в руке. Нашего героя снова спасает ангел, говоря, однако, что в следующий раз рыцарь должен будет претерпеть наказание (илл. 17).

Илл. 16 — Видения рыцаря Тондаля (миниатюрист Симон Мармион), 1475. Los Angeles, The J. Paul Getty Museum. Ms 30, f. 13v. Наказание убийц.

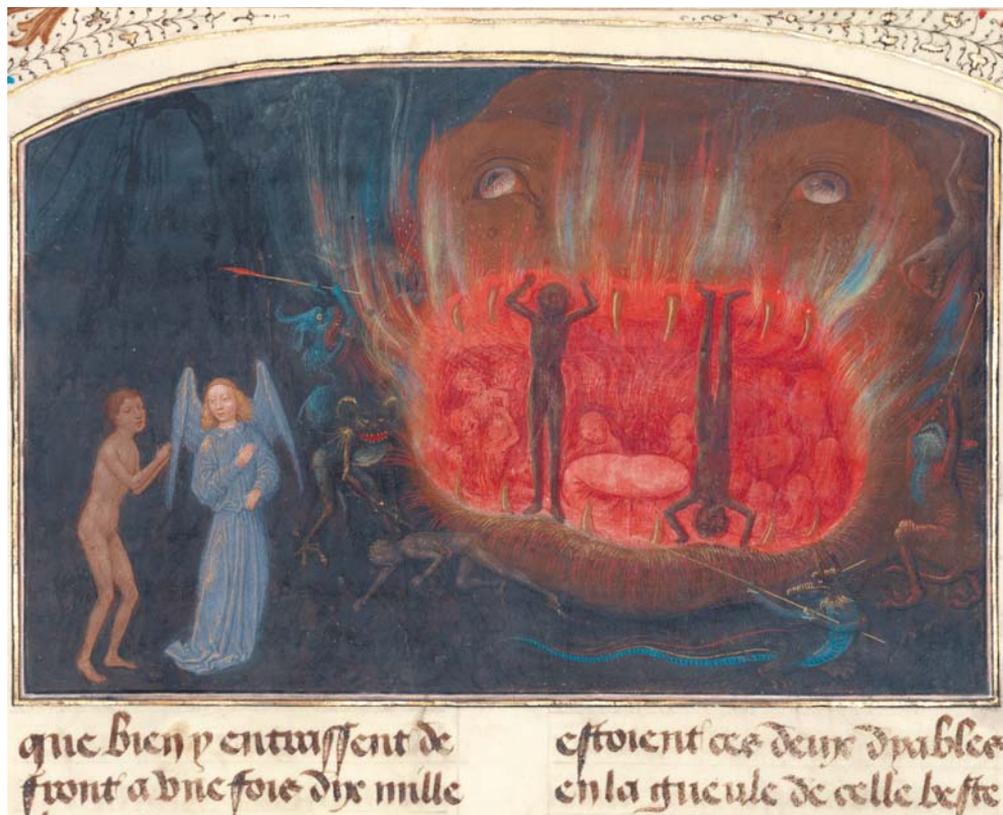
5-й шаг оказывается критическим: если до этого Тнугдал только наблюдал за наказаниями, то тут он должен претерпеть их сам. Он видит, как скупцы попадают в брюхо зверя Ахерона (именно так — название реки в античном Аиде превратилось в сознании средневековых людей в имя жуткого чудовища), где их ожидает мука огнем и льдом. Ангел исчезает, демоны набрасываются на Тнугдала, и он тоже попадает внутрь Ахерона, где его немилосердно кусают и терзают львы, гадюки и змеи. Как ни удивительно, среди скупцов оказываются Фергус, сын Ройга, уладский воин из знаменитой ирландской саги «Похищение быка из Куальнге», и Коннал

Илл. 17 — Видения рыцаря Тондаля (миниатюрист Симон Мармион), 1475. Los Angeles, The J. Paul Getty Museum. Ms 30, f. 15v. Ангел ведет Тнугдала по мосту.

Кернах, про которого говорится, например, в саге «Пир Брикрена». Ангел рассказывает о них загадками — мол, они были верными Богу в свое время, но все равно попали сюда. После отпущенной ему меры терзаний Тнугдал вновь видит перед собой ангела, и они двигаются дальше (илл. 18).

Илл. 18 — Видения рыцаря Тондаля (миниатюрист Симон Мармион), 1475. Los Angeles, The J.Paul Getty Museum. Ms 30, f.17r. Ахерон.

В 6-м шаге они подходят к огромному озеру, в котором кишмя кишат жуткие чудовища, изрыгающие огонь. Через озеро ведет длинный, в две мили, мост шириной всего с ладонь. Более

того, он весь утыкан острыми железными шипами, и по этому мосту Тнугдалу необходимо перейти, чтобы продолжить свое путешествие. Ему надо перейти мост не одному, а с коровой, которую он когда-то украл у своего соседа. Услышав об этом, Тнугдал пытается вывернуться и говорит ангелу: «Да разве я не вернул эту корову?» — «Как же, — отвечает ангел, — вернул. Но только когда не сумел спрятать». Итак, с огромными трудностями, только благодаря искреннему покаянию и оплакиванию своих грехов, Тнугдал пересекает мост, и на той стороне ангел сообщает, что его ждет следующее мучение, которого невозможно избежать.

Мотив опасного моста встречается в христианской традиции с конца VI века. В письме св. Бонифация (672–754) к аббатисе Эадбурге с острова Танет рассказывается о чудесном видении, бывшем одному из насельников монастыря Уэнлок. Тот был без сознания во время болезни и видел, как ангелы подняли его вверх, а затем он увидел весь мир сверху, покрытый бесконечными огнями. Он также видел столько душ, покинувших тела, что их было больше, нежели живых людей. За судьбу каждой души сражались злые души и ангелы. Над огненной рекой было перекинута дерево, и некоторые души без труда переходили по нему, а некоторые спотыкались и падали в огонь, причем некоторые погружались в него полностью, некоторые наполовину, но все, рано

или поздно, выходили из огня на тот берег, очищенные, готовые войти в небесный Иерусалим, чьи стены возвышались на том берегу.

На фреске из Лорето Апрутино мост изображен в соответствии с видением Альберика (1110 г.). Итальянский мальчик, он увидел загробный мир в возрасте 10 лет, а позже, став монахом в Монте Кассино, пересказал то, что ему было явлено, своему аббату. Он описывает, что когда те, кто былиотягощен грехами, приближались к середине моста, он становился узким, как нить, и они падали с него. Но и тогда для них не все было потеряно — они падали, выбирались, забирались на мост снова, снова падали, и так до тех пор, пока наконец не пересекали его (илл. 19, 20).

Илл. 19, 20 — Лорето Апрутино (Италия), Санта Мария ин Пиано. Страшный суд (фрагмент), середина XV века. Души поднимаются по мосту, который в середине сужается до тонкого прутика. Некоторые падают в реку, и мы видим, как почти сорвался один человек и как другой погрузился в воду. Тем, кто благополучно перешел самое опасное и узкое место, подает руку помощи ангел. Испытания на том берегу не заканчиваются — души выстраиваются в очередь к взвешивающему их архангелу Михаилу.

На фреске в церкви Чалдона (Англия), выполненной около 1200 года, сама идея моста фальсифицирована — он никуда не ведет, его держат

два огромных дьявола над адским пламенем (илл. 21). У Тнугдала похожий мост: тот, кто с него упадет, уже больше не поднимется.

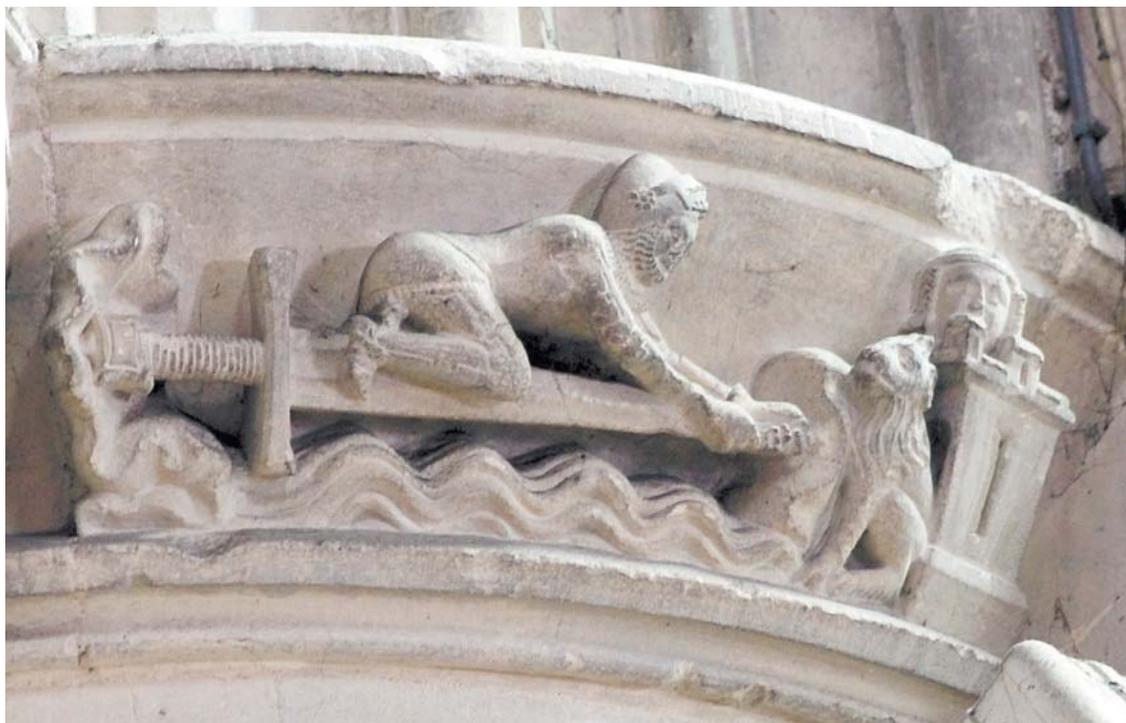
В видении Тёркилла (1206) тоже есть мост. Этот визионер был простым эссекским крестьянином. Потеряв сознание из-за болезни, он увидел, как ангелы привели его в просторную церковь. Снаружи ее была адская бездна и пламя чистилища. Между ними и небесами (расположенными на «горе радости») — длинный мост, утыканный шипами. Души всходили на него и ползли в страшных мучениях, чтобы, истекая кровью, достичь другого берега. Здесь

Илл. 21 — Чалдон (Великобритания), Сент Питер энд Сент Пол. Лестница спасения человеческих душ (фрагмент), ок. 1200 года. Два огромных демона держат зубчатый мост, по которому проходят грешники. Внизу в центре — Иуда с мешком серебряников на шее, рядом дьяволы и грешники. В руках у тех, кто находится на мосту, — предметы, которые они использовали в своем ремесле, но лишённые важных частей. У кузнеца нет наковални, у каменщика долота, у пряжи прялки, у горшечника колеса. Считается, что все эти люди при жизни нечестно выполняли свою работу.

Илл. 22 — Кан (Франция), Сен-Пьер. Ланселот, перебирающийся через меч. XIV век
Это самое раннее известное изображение Ланселота в качестве куртуазного любовника, преодолевающего препятствия ради прекрасной дамы. Мы видим не только меч и рыцаря на нем, но и холодные воды, подстерегающие Ланселота, если он оступится, — совсем как вода в описаниях Чистилища!

орудием наказания служил сам мост, а не огонь под ним.

Испытание мостом встречается и в рыцарском романе «Рыцарь телеги» (конец XII века). Там Ланселот, вызволяя королеву Гвиневеру, должен преодолеть ужасный мост-меч. Для этого ему нужно снять латные рукавицы и ползти или идти по острому лезвию обоюдоострого меча (илл. 22).

Как и путешественники в иной мир, Ланселот и другие рыцари постоянно встречаются на своем пути демонов и искушения.

Далее (7-ой шаг) они приходят к огромному дому, похожему на печь. Это наказание обжор, царство некоего Фристина. Тнугдала рубают на куски и бросают в огонь. Он видит в этом доме и наказание блудодеям, чьи гениталии гниют и поедаемы червями, причем блудодеи эти — как миряне, так и клирики, как монахини, так и монахи. Приходя в себя после мучений, Тнугдал спрашивает ангела, как же так получается, что Господь милостив, а тут творятся такие ужасы, и в ответ на это ангел читает рыцарю небольшую лекцию, смысл которой сводится к тому, что Господь милостив, но справедлив. К тому же, объясняет ангел, многие грехи Господь не карает. Вскрывается также механика посмертных путешествий. Оказывается, праведным, прежде чем ввести их в славу Божию, показывают ужасные наказания — чтобы им было еще более радостно в раю. А грешным сначала показывают райские пределы, чтобы им ужаснее было мучаться. Передохнув немного, ангел и Тнугдал идут дальше (илл. 23).

В 8-м шаге путники прибывают к замерзшему болоту, на котором сидит гигантская птица с железным клювом и железными когтями. Изрыгая пламя, она пожирает все души, до которых может дотянуться, а затем выблевывает их на лед. Все мужчины и женщины, побывав во чреве птицы, зачинают жуткий плод. Сидя в замерзшем болоте, они чувствуют, как

Илл. 23 — Видения рыцаря Тондаля (миниатюрист Симон Мармион), 1475. Los Angeles, The J.Paul Getty Museum. Ms 30, f.21v. Дом Фристина.

адское потомство грызет их внутренности, а затем в муках рожают монструозных змей. Змеи прорываются наружу через все члены их несчастных тел, прокладывая себе дорогу острейшими клювами, огненно-горячими железными головами и жуткими хвостами, которыми они раздирают своих родителей на части. Тнугдал, пораженный этой картиной, спрашивает ангела, за что наказываются эти души, и оказывается, что перед ними клирики, которые при жизни предавались блуду, роскоши и давали волю своему языку. И, что хуже всего, хотя наказание и не предназначается для

мирян, Тнугдалу предстоит его пройти — ведь и он без меры предавался сексуальным удовольствиям. Впрочем, от последнего этапа — родов — он избавлен ангелом, и они отправляются дальше (илл. 24).

В 9-м шаге ангел и Тнугдал спускаются в долину, где расположено множество кузниц. Ангел объясняет, что пытка этого места называется «Вулкан», и здесь наказывают тех, кто добавлял один грех к другому. Тнугдал заслуживает и этого наказания, и после того, как с ним обращаются как с куском металла, ангел возвращает рыцаря к жизни (илл. 25).

Последний, 10-й, пассус посвящен спуску в самые ужасные глубины ада. Тнугдала окружа-

Илл. 24 — Видения рыцаря Тондаля (миниатюрист Симон Мармион), 1475. Los Angeles, The J. Paul Getty Museum. Ms 30, f.24v. Наказание сладострастных монахов и монахинь.

Илл. 25 — Видения рыцаря Тондаля (миниатюрист Симон Мармион), 1475. Los Angeles, The J.Paul Getty Museum. Ms 30, f.27r. Кузница Вулкана.

ют демоны, которые уверяют его, что теперь-то он окончательно пропал, больше никогда из ада не выйдет, и уже начинают перебрасывать его друг другу (илл. 26).

Однако ангел вступается за него и говорит, что хотя сейчас Тнутдал увидит много мучений, он не будет больше страдать. Тнутдал видит Князя мрака в виде черного человека со множеством рук и хвостом. По воспоминаниям рыцаря, у чудовища было не менее 1000 рук, и на каждой руке по 20 огромных пальцев. На лице у Князя мрака был острый клюв, а хвост тоже был острым и жестким. Он сидел прямо над огнем, и все его члены были скованы раскаленными

Илл. 26 — Видения рыцаря Тондаля (миниатюрист Симон Мармион), 1475. Los Angeles, The J. Paul Getty Museum. Ms 30, f. 29r. Тнугдал и адский колодец.

оковами. Время от времени он протягивал свои руки, хватал души и сжимал их изо всех сил. Других он жестоко бил хвостом, а остальных просто засасывал в себя (илл. 27).

Конечно, это был Люцифер, но более удивительно было то, что не все демоны вокруг него — падшие ангелы. Некоторые из них были детьми

Илл. 27 — Видения рыцаря Тондаля (миниатюрист Симон Мармион), 1475. Los Angeles, The J.Paul Getty Museum. Ms 30, f.30v. Тнугдал и ангел у ворот ада.

Адама, то есть, теми людьми, которые не верили в милосердие Господа и не надеялись на него.

С богословской точки зрения именно в этом пассаже происходит интереснейшая беседа Тнугдала с ангелом. Рыцарь спрашивает своего проводника, находятся ли здесь те, кто уже осужден, и ожидают ли они тех, кто на словах обещал жить праведно, но на деле не осуществил этих обещаний? Ангел отвечает ему, что здесь претерпевают мучения те, кто либо полностью отрекся от Христа, либо поступал так, как если бы

отрекся полностью: убийцы, прелюбодеи, воры, бандиты, гордецы, не сотворившие достойного покаяния. Сначала их мучали в тех местах, которые Тнугдал уже прошел, а затем они были приведены сюда, откуда нет выхода. Также здесь находятся князья мира сего, те, кто хотели всегда и во всем быть первыми.

Тнугдал и ангел обсуждают природу власти и то, почему Люцифер называется Князем мрака, хотя он не может даже себя освободить из этого ужасного места (ответ: потому что он первый во мраке), а затем рыцарь просит ангела не оставлять его здесь и выражает свой ужас по поводу того, что видит среди окончательно погибших много своих друзей и знакомых. Ангел же ободряет душу, говоря, что если Тнугдал исправит свои пути на земле, то он ни за что не попадет сюда. И если до сих пор они видели тюрьмы врагов Христа, то теперь они увидят славу Его друзей.

С этого места начинаются «радости».

1-я Гаудия. Тнугдал и ангел удаляются от ада, и вскоре появляется свет и прекращается удушающая вонь. Это более приятное место, чем те, что были описаны раньше, но и здесь души страдают от голода и жажды. Они знают, что будут спасены когда-то, но пока вынуждены терпеть страдания. Это «*mali non valde*» («не очень плохие») святого Августина, они вели строгую и добродетельную жизнь, однако не раздавали милостыню щедро. За это они находятся за крепостной стеной, их поливает дождь, на них дует

сильный ветер. Но когда-нибудь и они окажутся в месте приятного упокоения (илл. 28).

2-я Гаудия. Здесь наш герой встречается с «non valde boni» («недостаточно хорошими») святого Августина. Среди них и ирландцы — Конхобар мак Несса, и Донах мак Карти. Они находятся в очень приятном месте, у фонтана жизни, на цветущей лужайке, и Тнугдал поначалу даже думает, что попал в рай. Однако ангел поясняет ему, что эти люди были хороши, но недостаточно хороши, чтобы сразу после смерти и находиться вместе со святыми. Наказание их

Илл. 28 — Видения рыцаря Тондаля (миниатюрист Симон Мармион), 1475. Los Angeles, The J.Paul Getty Museum. Ms 30, f.33v.
Плохие, но не очень плохие люди.

состоит в длительности ожидания. Тнугдал изумлен, увидев ирландских героев, и спрашивает у ангела, как здесь очутились такие жестокие люди. Тот объясняет ему, что все они раскаялись перед смертью, а один из них даже носил в качестве аскетической практики оковы и раздал все, что имел, нищим (илл. 29, 30).

Пройдя немного вперед, ангел и Тнугдал видят чудесный дом, весь из золота, серебра и драгоценных камней. Ни дверей, ни окон в этом доме нет, и все, кто хотят войти туда, входят спокойно. Внутри на золотом сиденье находится король Кормак мак Арт (еще один герой ирландских сказаний), и входящие приносят ему разнообразные дары. Тут раскрывается странный факт — автор утверждает, что король Кормак был господином Тнугдала, когда еще был жив, — спрашивается, когда же жил Тнугдал, ведь Кормак,

Илл. 29 — Видения рыцаря Тондаля (миниатюрист Симон Мармион), 1475. Los Angeles, The J. Paul Getty Museum. Ms 30, f.34v. "Недостаточно хорошие" у фонтана жизни.

Илл. 30 — Видения рыцаря Тондаля (миниатюрист Симон Мармион), 1475. Los Angeles, The J.Paul Getty Museum. Ms 30, f.35r. Донах и Конхобар.

по легенде правил Ирландией аж в III веке?! К королю между тем продолжают подходить богато одетые люди и священники с дарами, но Тнугдал не узнает никого из них. Наконец, ангел объясняет ему, что все эти гости — бедняки, которым Кормак когда-то раздавал милостыню.

Рыцарь интересуется, страдал ли Кормак после смерти, и ангел неожиданно отвечает, что не только страдал, но и продолжает подвергаться

наказанию. Действительно, через некоторое время небо потемнело, все погрузнели, а король встал и вышел. Он отправился в огненное озеро, где стоял, погруженный в огонь до пупка, выше же пупка на него была надета власяница. Оказалось, что эти два наказания были определены ему за то, что он осквернил свой брак и вершил несправедный суд. Так он страдает по три часа ежедневно, а 21 час отдыхает.

3–6-я Гаудии. Далее спутники последовательно проходят огороженные места. В одном пребывают замужние миряне, не запятнавшие свой брак, хорошо управлявшие своими семьями и раздававшие свое добро бедным, паломникам и Церкви; в другом — мученики и девы, восседающие на тронах. В отдельном лагере, в шатрах и палатках, находятся монахи и праведники, выбравшие на земле послушание, а под огромным деревом, в святилищах из золота и слоновой кости, живут мужчины и женщины, строившие и защищавшие церкви (илл. 31).

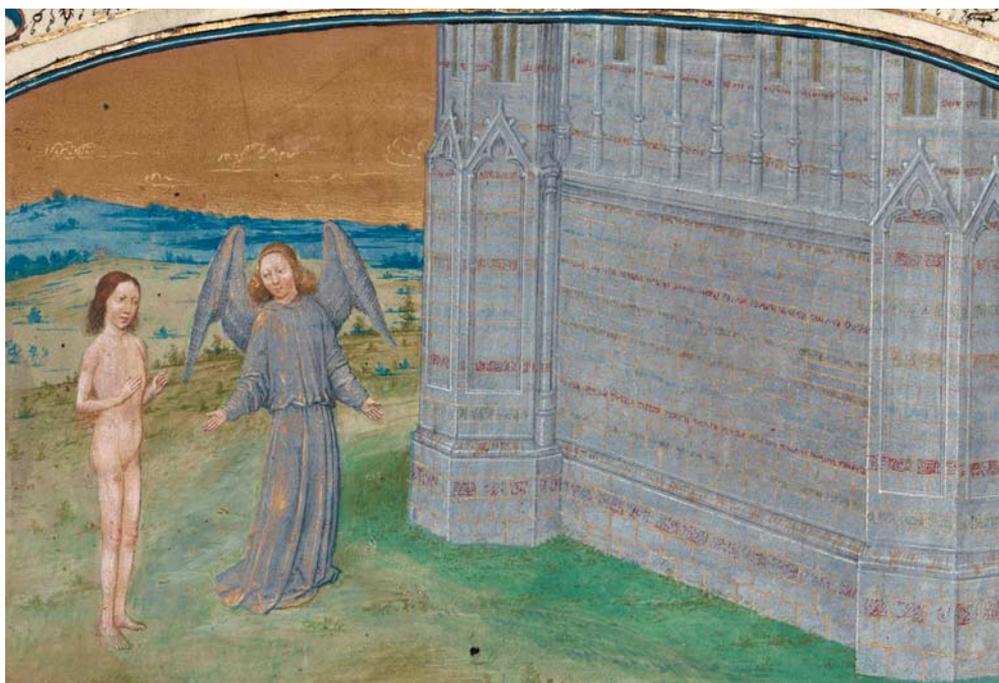
7-я Гаудия. Наконец Тнугдал и ангел подходят к самой высокой, прекрасной и великолепной стене. Там они видят девять чинов ангельских и слышат звуки славословий Господу. Но одновременно с того места, на котором они стоят, можно видеть и мучения грешников, — все те, которые были описаны выше. Тнугдала встречают здесь святой Руадан и святой Патрик, а также Целестин и Малахия, епископы Армаха, брат Малахии, епископ Лиона,

Илл. 31 — Видения рыцаря Тондаля (миниатюрист Симон Мармион). 1475 г. Los Angeles, The J.Paul Getty Museum. Ms 30, f.39v. Шатры монахов и праведников.

и священник Немения из Клойна. Все эти клирики были известны как реформаторы Ирландской Церкви, поддерживавшие единство с Римом, выступавшие против изоляции Ирландии. Более того, Тнугдал видит пустой престол, уготованный некоему брату, который еще жив. Учитывая цистерцианское происхождение манускрипта, речь, по всей видимости, идет о святом Бернарде Клервоском (1091–1153), знаменитом члене цистерцианского ордена (илл. 32).

Рыцарь хочет остаться в этом прекрасном месте, но это не было позволено ему. После этого душа Тнугдала возвращается в его тело.

В присутствии изумленных свидетелей он причащается, рассказывает о том, что пережил, раздает имеющиеся при нем деньги бедным и, осенив себя знаком креста, дает обет вести праведную и чистую жизнь. Заканчивается рукопись тем, что Тнугдал вступает в монастырь, а автор смиренно ставит себе в заслугу запись всего того, что пережил Тнугдал, для пользы читателей.

Итак, хотя в видении Тнугдала ничего не говорится о чистилище как таковом, он тоже упоминает места в загробном мире, где люди не страдают так сильно.

Илл. 32 — Видения рыцаря Тондаля (миниатюрист Симон Мармион). 1475 г. Los Angeles, The J. Paul Getty Museum. Ms 30, f. 42r. Стена из драгоценных металлов и камней, скрывающая ангелов и святых.

Рыцарь Овейн — первый гость в Чистилище святого Патрика

Вернемся теперь к рыцарю Овейну из «Трактата о чистилище святого Патрика». В отличие от Тнутдала и Адамнана, его душа не покидает тела, чтобы путешествовать по иному миру, но в остальном опыт его очень похож на опыт его предшественников.

Мы помним, что Овейн вошел в пещеру, «вооруженный верой, надеждой и справедливостью, уверенный в Божьем милосердии и будучи тверже, чем железо». Генри из Солтри описывает его как воина Христа, то есть рыцарем он быть не перестал. Как и было ему сказано, он сначала шел в темноте, а затем вышел на поле, где действительно находился зал, напоминающий клуатр (внутренний дворик) в монастыре. Там он сел и подождал, и вскоре пришло пятнадцать человек, напоминающих монахов, недавно принявших постриг и облаченных в белоснежные одежды. Один из них выглядел как приор. Он поприветствовал Овейна и напутствовал его так:

«Что бы ни произошло, если ты твердо и с верою возложишь всю надежду на Господа, и не поддашься их [демонов — Д.Х.] попыткам, угрозам и обещаниям, и непреклонно будешь презирать их, — ибо они ничто, — то тогда ты не только будешь очищен от своих грехов, но и увидишь, какие мучения уготованы грешникам и каково место отдохновения праведных,

где они возрадуются. Всегда помни о Боге, и когда они будут мучать тебя, призывай Господа Иисуса Христа, ибо через Его имя ты немедленно будешь освобожден от мучений».

После этого монахи-ангелы покинули рыцаря, и вскоре его навестили демоны. Их явление было возведено страшным ревом, от которого сотрясалось все вокруг — такой же крик описывает и Раймон де Перельос, каталонский паломник, посетивший Чистилище святого Патрика в XIV веке. Они провели Овейна через ряд мучений, которые подробно описываются; также поясняется, кто и каким образом страдает за различные преступления. Грешников пожирала драконы, кусали змеи и жабы, их пригвождали к земле раскаленными докрасна гвоздями и кипятили в котлах. Но наш Овейн, в отличие от Тнугдала, сам не подвергся почти никаким наказаниям — стоило ему произнести имя Христа, как он уже в целостности и сохранности избавлялся от огня, раскаленного железа и других пыточных орудий. Но затем демоны подвели его к огненному колодцу, откуда вылетали и падали обратно несчастные души. Овейну сообщили, что это адская пасть, и столкнули в нее. Ему показалось, что падение длилось очень долго, и пока он падал, странное забвение нашло на рыцаря — только в самый последний момент он вспомнил про имя Христово, произнес его и был выброшен наружу. Конечно, это была та самая бездна, что описывается в Откровении Иоанна Богослова: «И увидел я Ангела, сходящего

с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет, и низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тысяча лет; после же сего ему должно быть освобожденным на малое время» (20, 1-3).

В ирландской же проповеди XII века «Известия о Судном дне» (Tidings of Doomsday) говорится, что душе требуется тридцать лет, чтобы добраться до пасти ада, так как адская темница расположена настолько глубоко под землей, что жернов падает 1000 лет и только тогда достигает ее.

Затем Овейна подвели к мосту над огненно-серной рекой. Мост, как и в видении Тнугдала, был почти непроходим — скользкий, узкий, на головокружительной высоте. Однако как только рыцарь ступил на него, мост начал с каждым шагом расширяться, и в конце концов оказался такой ширины, что по нему могли проехать две повозки. Мост — одновременно испытание и свидетельство того, что Овейн уже очистился от грехов. Только поэтому он и может перейти его. Демоны остались на другой стороне и злобно выли, а Овейн оказался перед высокой стеной, из-за которой доносилось прекрасное благоухание. Оттуда вышли два архиепископа и, поприветствовав нашего героя, ввели его внутрь. Цветы, деревья и фрукты пахли так, что

ему казалось, что можно вечно насыщаться их ароматом. Там не было ни чрезмерно жарко, ни слишком холодно. Архиепископы объяснили Овейну, что это не рай, но место отдохновения для тех, кто очистился от мучений, но еще пока недостойн вместе со святыми вкушать райские радости. Они также объяснили ему, что хотя каждый должен пройти через чистилище после смерти, суровость и длительность наказания могут смягчить оставшиеся на земле — с помощью месс, молитв и милостыни. Нельзя помочь только тем, кто оказался в огненном колодце.

Затем они отвели его на вершину горы, откуда он смог увидеть в небесах дверь, ведущую в рай. Овейна накормили небесной едой, которая подарила ему ощущения счастья и восторга (она снизошла на него в виде пламени с неба), и велели возвращаться на землю. Он не хотел уходить, опасаясь, что на земле снова будет грешить и попадет в ад, и его практически вытолкали обратно в чистилище и закрыли за ним дверь. Демоны на обратном пути не причинили ему никакого вреда, разлетаясь во все стороны, словно испуганные птицы. В зале он вновь встретился с пятнадцатью вестниками Божиими, а у ворот Чистилища — с приором монастыря, который препроводил рыцаря в церковь, где тот провел пятнадцать дней в молитве.

Дальнейшую историю рыцаря мы уже изложили выше — как и Тнугдал, он полностью изменил свою жизнь.

Путешествия в иной мир в ирландской традиции

Легко объяснить путешествие Овейна только общехристианской традицией видений. Однако каждому, кто хоть немного знаком с ирландскими сказаниями, ясно, что здесь чувствуется влияние еще одной — языческой — традиции, а именно многочисленных историй людей, попавших в иной мир — обиталище языческих богов или эльфов — и вернувшихся домой. Чтобы понять, откуда взялись эти истории, нам нужно обратиться к преданиям о заселении острова.

Древнеирландские предания и легенды говорят, что коренными жителями острова были не люди, а ужасные демоны-фоморы. Обычно они отличались некоторым физическим недостатком (например, имели только по одной ноге или руке, или же вместо человеческой головы имели голову животного), но из этого правила были исключения. Впечатляет описание внешности одного из вождей фоморов, Элата. Он предстает перед нами величественным красавцем: «До самых плеч спадали его золотистые волосы. Платье его было расшито золотой нитью, а рубаша — золотыми узорами. Золотая пряжка была у него на груди, и от нее исходило сияние бесценного камня. Два копья с серебряными наконечниками и дивными бронзовыми древками держал он в руках. Пять золотых обручей были на шее воина,

что нес меч с золотой рукоятью, изукрашенной серебром и золотыми заклепками»^{*}.

Элата к тому же — один из немногих фоморов, известных нам по именам. Другим его знаменитым соплеменником является Балор, с которым связана следующая зловещая история. Однажды друиды его отца варили ядовитое зелье. Балор подсматривал за ними, и ядовитый пар попал ему в глаз, который немедленно пропитался ядом и стал смертоносным настолько, что гибло все, на что он смотрел. Балору сохранили жизнь только под тем условием, что он будет держать свой губительный глаз постоянно закрытым. Тем не менее, он пользовался силой своего ока как военным оружием — во время битв он просто глядел на армию противника, и та падала как подкошенная.

Позже на берегах Ирландии появляются, собственно, боги. Принадлежали они к разным родам. Первым племенем было «племя Партолона». Партолон явился из потустороннего мира вместе со свитой из двадцати четырех мужчин и двадцати четырех женщин. Чуть ли не сразу он принес в жертву свою собственную жену, королеву Дилгнейд. Во время владычества племени Партолона число равнин на острове возросло с одной до четырех, появилось семь новых озер — то есть постепенно возникала та страна, которую мы знаем. Род Партолона сражался

^{*} Здесь и далее сага «Битва при Маг Туиред» цитируется в переводе С.В.Шкунаева.

с многочисленными демонами и силами зла и победил их всех. Разнятся предания о том, куда же делось многочисленное племя. Одни источники говорят, что оно вернулось в потусторонний мир, другие (более поздние) утверждают, что оно погибло во время эпидемии чумы — до сих пор около Дублина показывают холм Таллахт, известный также как «Тамлехт Муинтре Партолайн», то есть «Чумная могила племени Партолона».

Затем в Ирландию пришло племя Немед. В их эпоху на землях острова образовалось еще двенадцать равнин и четыре озера. Они тоже воевали с фоморами, но оказались не столь удачливы, как их предшественники. Сначала род Немед одерживал победы, но затем на них обрушилась таинственная и жестокая эпидемия. Умер сам Немед и две тысячи его людей, а оставшиеся попали под власть фоморов. Те потребовали, чтобы на праздник Самайн им приносили в жертву две трети родившихся детей. Боги взбунтовались и разрушили главный форпост фоморов — башню из стекла на острове Тори, убив Конана, их короля. Однако второй фоморский король, Марк, сразился с людьми Немед, от общего числа которых осталась только треть. И этому племени тоже пришлось вернуться туда, откуда они пришли.

Недолго фоморам пришлось властвовать островом в свое удовольствие — на нем высадились три могущественных племени, составлявших

союз: «Фир Домнанны», или «люди Домну», «Фир Гаилиоин», или «люди Гаилиоин», и «Фир Болг», или «люди Болг». Они поделили между собой всю Ирландию: Ольстер достался Фир Болг; Коннахт, Северный и Южный Манстер — Фир Домнанны; Лейнстер — Фир Гаиллиоин. В графстве Вестмит сохранился холм, где сходились границы всех пяти владений (так называемый «Уиснехский холм»), — это центр древней Ирландии.

Сменилось уже девять королей, как вдруг «прямо с небес» на остров низринулся Туата де Даннан — клан богов, сыновей богини Дану. Предводителем Туата де Даннан был Нуаду, или Аргетламх, что означает «Муж с серебряной рукой». Он был воителем, обладателем непобедимого меча, одного из четырех сокровищ племени. Ему не уступали женщины-воительницы: Бадб («неистовая»), Маха (персонификация битвы), и самая главная — Морриган, или Морригу, то есть «великая королева» (иногда Морриган, Маха и Бадб вместе назывались «три Морриган»). Морриган можно было увидеть на поле битвы — или облаченную в воинские доспехи, с двумя копьями в руке, или же в облике черной вороны / серого ворона.

Впрочем, воителями были все боги Дану, например Дагда. Он был богом земли и владел котлом, в котором никогда не иссякала пища, причем каждый находил в этом котле еду себе по вкусу. Кроме того, Дагда был счастливым

Илл. 33 — Золотая монета из Галлии. Ок. 150-50 года до н.э. Берлин, Монетный кабинет, AM-007/26. На монете изображен ворон, сидящий на спине скачущего коня с языком в форме змеи. Вполне возможно, что здесь отражена та же тема связи войны и ворона, что и в описании богини Бадб.

обладателем живой арфы (у нее было два имени: Даурдабла, «Дуб двух зеленей», и Койр Кетаркуйр, «Песнь четырех углов»). Когда он играл на ней, то времена года сменялись как обычно, а когда переставал — наступал хаос. Но и этот, казалось бы, вполне мирный бог не расставался со своим оружием — восьмизубой боевой палицей, которую таскал за собой на колесе, а поднять ее было не под силу и восьми сильным мужчинам. Дагда пленил и убил однорукое, стоное и четырехголовое чудовище по имени Мата.

Дагда был отцом Бригиты — богини огня и очага, Энгуса — вечно молодого бога, Мидхира — бога подземного царства, и, наконец, Огмы — покровителя литературы и ораторского

искусства, знаменитого тем, что именно он изобрел кельтский алфавит огам.

Конечно, был и свой бог моря — как же без него обойтись на острове! Звали его Лир, но известно о нем гораздо меньше, чем о его сыне — Мананнана Мак Лире. Он покровительствовал мореплавателям и торговцам. Мананнан любил проводить время на островах и особенно выделял остров Мэн и остров Арран (где он выстроил дворец «Яблоневый Эмэйн»). Как и почти все ирландские боги и герои, он владел волшебными предметами и животными, которые обладали именами и были почти личностями: мечи Мститель, Большой Демон и Малый Демон; копья Желтое Древко и Красный Дротик; лодка Метла Волн, доставлявшая своего хозяина, куда только он не пожелает; конь Роскошная Грива, свободно скакавший и по суше, и по волнам.

Илл. 34 — Лодка из Бройтера. Ок. 100 года до н.э. Дублин, Национальный музей Ирландии. Эта миниатюрная золотая лодочка (всего 20 см в длину) скорее всего была votивным подношением Мананнана Мак Лиру. Она представляет собой точную модель судна, на котором рыбаки выходили в океан. Такого рода votивы должны были принести дарителям благосклонность божества и защитить их, когда они будут на воде.

Мананнан созвал богов на свой Вечный пир, и, отведав приготовленных им кушаний, они получили дар вечной молодости.

Богом врачевания был Диан Кехт. Когда у Мананнана и его жены Морриган родился ребенок ужасной наружности, то Диан Кехт, предвидя от него великие беды, посоветовал предать его смерти. Собственноручно убив ребенка, врач обнаружил в его сердце трех гигантских змей. Если бы их не нашли, то они выросли бы еще больше и погубили бы всю Ирландию. Диан Кехт умертвил их, сжег их тела, а пепел сбросил в воду, но даже сам пепел все еще обладал силой — вода в реке закипела, и в ней погибло все живое (с тех пор она и зовется «Бэрроу», кипящая).

После череды жестоких битв с воинами Фир Болг клан Туата де Даннан предложил им заключить мир. Боги сказали, что Фир Болг могут взять себе во владение одну пятую часть Ирландии, и те согласились, выбрав Коннахт.

Дальше случилось непредвиденное и неприятное событие. Нуаду потерял в одном из сражений руку, и Диан Кехт изготовил ему новую, серебряную (поэтому бог и получил прозвище «Аргетламх», серебрянорукий). Однако боги придерживались обычая, который затем перешел к кельтам, — королем не может быть калека. Поэтому Нуаду был отправлен в изгнание, а Туата де Даннан решили, что новым королем должен стать кто-то из фоморов — в дипломатических

целях. Они пригласили Бреса, сына короля фоморов Элатхана, стать владыкой Ирландии. Тот сразу согласился, прибыл в страну и женился на Бригите, дочери Дагды. Очень скоро Брес показал, что фомор не может изменить свою природу — он обложил людей и богов такой данью, что те стали слабеть от голода. Тогда дети Диан Кехта — Миах и Аирмед — пришли к королю-изгнаннику и чудесным образом прирастили Нуаду его настоящую руку, которая покоилась глубоко в земле (кроме того, они пересадили его одноглазому привратнику кошачий глаз, и тот прижился, правда, привратник при этом приобрел некоторые кошачьи повадки). За это Миах поплатился жизнью — разгневанный отец убил сына, ибо недобрым показалось Диан Кехту такое искусство. Тем не менее, Брес был вынужден отречься от престола, а Нуаду вернулся на трон.

Тогда фоморы начали готовиться к решительной войне с богами. Подготовка заняла семь лет, по прошествии которых гиганты высадились на берегах Ирландии. Произошло это накануне праздника Самайн. Началась серия жестких битв, в которых ни одной стороне не удавалось одержать решающей победы. Наконец, наступил день знаменитой битвы при Маг-Туиред, в которой погибло множество воинов, в том числе и сам Нуаду. Но когда Луг, бог, обладавший многими умениями, вышиб смертоносный глаз Балора, удача отвернулась от фоморов. Скоро они обратились в бегство. По свидетельству

автора саги «Битва при Маг-Туиред», в этой схватке погибло несметное количество разного рода существ: их «не сосчитать никогда, как не узнать, сколько звезд в небесах, песка в море, капель росы на лугах, хлопьев снега, травы под копытами стад и коней сына Лера в бурю».

Илл. 35 — Карроумор. Реконструкция гробницы №51. 3600 год до н.э. Это круг камней с дольменом, то есть древнее погребальное сооружение из больших камней. Вероятно, ранее попасть внутрь круга можно было через коридор, сложенный из камней поменьше.

На долине Карроумор в графстве Слайго стоят дольмены, которые в народе назывались надгробными памятниками погибших в битве при Маг Туиред. И действительно, археологические раскопки показали, что это древние захоронения, окруженные дольменами.

Так фоморы были изгнаны с острова, но Бресу жизнь сохранили за то, что он даровал ирландцам способность снимать урожай каждую четверть года и указал, когда лучше им сеять, когда пахать и когда жать.

Однако племенам богини Дану недолго пришлось царствовать в Ирландии. Очень скоро на остров пришли гойделы (они же гэлы) — об этом рассказывается в «Книге захватов Ирландии», причем оказывается, что этот народ пришел из страны смерти и долго странствовал по свету. Пройдя через Египет, Крит и Сицилию, они обосновались в Испании, а затем отправились в Ирландию и окончательно осели там.

Когда Ит, один из вождей гойделов, со своими мужами прибыл на остров, королями были боги Мак Куйлл, Мак Кехт и Мак Грене. Они заподозрили Ита в том, что он желает захватить их страну, и убили его. Тогда-то сыновья Миля и отправились мстить за смерть своего соплеменника. Интересно, что в числе тех, кто поехал на новую землю, была некая Скота, дочь фараона, жена Эримона, сына Миля.

Когда гойделы высадились на остров, то встретили одну за другой трех жен трех королей, и каждая просила назвать остров ее именем. Третьей и последней была Эриу, и так как она единственная встретила пришельцев добрым пророчеством, они и остановились на ее имени. С тех пор Ирландия и называется Эрин. Хитростью и заклинаниями пытались одолеть

«Раз пришел он [Ит, сын Бреогана] один ясным весенним вечером на верхушку Башни Бреогана и принялся смотреть вдаль через море на северо-восток, покуда наконец не увидел вдалеке Ирландию. Спустился он тогда обратно к своим братьям и рассказал им об этом. И сказал Брего, сын Бреогана, что вовсе не было это землей, а лишь облаком на небе, и не желал он пустить туда брата. Но невозможно было удержать его, и тогда вывел Ит свой корабль в море и поплыл к Ирландии. Трижды пятьдесят воинов было с ним в ту пору».*

*Книга захватов Ирландии, перевод С.В.Шкунаева.

Если кто пожелает узнать, когда или в какие времена Иберния пребывала необитаемой и пустынной, то наиболее сведущие из скоттов сообщили мне следующее. Когда по Черному морю шли чада израилены, гнавшиеся за ними египтяне, как повествует Писание, были поглощены его водами. Был у египтян муж знатный из Скифии с многочисленной родней и множеством слуг, который, будучи изгнан из своего царства, пребывал в Египте в то время, когда египтяне были поглощены развершимся морем, но он не отправился вместе с ними преследовать божий народ. Уцелевшие египтяне порешили изгнать его из Египта, дабы он не захватил их страну и не подчинил ее своей власти — ведь всех их могучих мужей поглотило Черное море, и они изгнали его. И он сорок два года странствовал со своими по Африке; миновав Озеро Солеварен, пришли они к Филистинским Алтарям и, пройдя мимо Рузикады и гор Азарских, миновали реку Мальву и, перейдя Мавританию, достигли Геркулесовых Столбов. Пустившись оттуда в плаванье по Тирренскому морю, они добрались до Испании, где и жили долгие годы; здесь они невероятно как размножились и расплодились, и численность их народа во много раз возросла. Впоследствии они приплыли в Ибернию — это произошло через тысячу и два года после гибели египтян в водах Черного моря; в земли Дальриеты они прибыли в те времена, когда римлянами управлял Брут...*

* Ненний, История бриттов. Перевод А.С.Бобовича.

пришедший невесть откуда народ жившие там боги, но гэлы оказались сильнее. Так богам пришлось обратиться в бегство, а Сыновья Миля поделили между собой остров.

И вот тогда-то боги и удалились в страну вечной молодости — Тир На Н-ог. Ее владетель — Мананнан Мак Лир. Она называется еще Авалоном (Яблоневым островом), Стеклянным островом, Страной нестареющих женщин и другими именами.

В этой стране время течет по-другому. Именно сюда в ирландских и шотландских сказках уводят эльфы понравившихся им людей, а когда те возвращаются, то видят, что их родные и близкие уже состарились или даже умерли. Одна из первых таких историй называется «Ойсин в Тир На Н-Ог» и повествует о том, как Ойсин женился на дочери правителя Страны Юности и сам стал правителем, но потом захотел повидать своих близких.

«Наконец, он сказал своей жене: «Я хотел бы оказаться сегодня в Эрине, чтобы увидеть моего отца и его людей». «Если ты пойдешь, — сказала его жена, — и поставишь ногу на землю Эрина, ты никогда не вернешься сюда ко мне и станешь слепым стариком. Сколько минуло, ты думаешь, с тех пор, как ты пришел сюда?»

«Около трех лет», — сказал Ойсин. «Три сотни лет, — сказала она, — прошло с тех пор, как ты пришел в это королевство со мной. Если ты должен отправиться в Эрин, я дам тебе этого белого

коня, чтобы отвезти тебя; но если ты сойдешь с коня или коснешься своей ногой земли Эрина, конь в ту же минуту вернется, а ты останешься там, где он покинет тебя, жалким стариком»^{*}.

Но время в ином мире может течь и в обратную сторону, как это происходит в сказании «Обольщение Бекфолы». Там женщина попадает на волшебный остров Федаха Мак ин Дайла и проводит на нем день, но когда возвращается домой, то обнаруживает, что там утро того же самого воскресенья, когда она пустилась в путь. Более того, ее служанку загрызли дикие собаки, но она оказывается цела. То, что случившееся с Бекфолой не было сном, выясняется только через год, когда Фланн О'Федах, воин с острова, приходит за ней.

Но самое удивительное, что в Страну Обетованную можно было попасть и не переплывая моря. Большинство богов поселились в сидах («*Sídhe*», произносится как «ши») — это и есть знаменитые полые (или пустые) холмы. В каждом из них есть ворота, ведущие в подземное царство, где можно роскошествовать и наслаждаться жизнью. Каждый бог получил по такому кургану, а некоторые, как Дагда, даже и по два. Кроме того, сиды (так стали называться боги племени Дану, по месту своего обитания) избрали себе королей. Королем сидов Ирландии был Дагда.

* Перевод С.Шабалова.

Одна из самых удивительных историй о переплетении двух миров рассказывается в саге «Приключения Неры», действие которой начинается в канун Самайна. Этот осенний праздник окончания сбора урожая издавна ассоциировался со смертью и сверхъестественным. Король Айлиль дает своему воину Нере поручение связать ноги одному из пленников ивовыми прутьями, но прутья все время спадают, и тогда Нера закрепляет их собственной пряжкой. После этого пленник просит воина посадить его на плечи и поискать где-нибудь воды. Вернувшись, Нера оставляет пленника там, откуда его взял, но когда он снова возвращается к Айлилю, оказывается, что крепость Круахан, где они сидели, сожжена, а из отрубленных голов воинов составлена стена. В поисках врагов Нера попадает в сид, становится там слугой при дворе, находит себе женщину, и она, в конце концов, объясняет, что все, что он видел в Круахане, — иллюзия. Крепость пока цела, его военачальники все так же сидят у костра, и хотя в сиде прошло несколько дней, в реальной человеческой жизни не прошло и часа. Если он сейчас вернется к своим, то должен предупредить их, что на следующий Самайн на крепость нападут враги. Но на следующий год Айлиль велит Нере забрать из сида все, что принадлежит ему, — и тот приводит корову и бычка. Люди так впечатлены этими животными, что их войско целиком от-

правляется в сид и забирает оттуда множество сокровищ. Нера же остается в сиде навсегда.

Нера и другие люди безо всяких усилий, используя пещеру, входят и выходят из сйда. Но иногда попасть в другой мир можно было и с помощью особого камня. В саге «Болезнь Кухулина» сказано: «Тогда Кухулин отошел в сторону и прислонился спиной к высокому плоскому камню. Стала неясной его мысль, и вскоре он погрузился в сон»*. Ему было видение, после которого Кухулин провел в транс целый год, а затем снова пошел к тому же камню, и уже оттуда смог проникнуть в мир сидов.

Многие века люди лишь указывали — часто с суеверным страхом — на те или иные сиды-курганы, и только в XIX веке началось их исследование.

Один из таких курганов ранее считали домом Дагды. Ныне он известен на весь мир: это знаменитый Ньюгрейндж.

Расположен он в графстве Мит, в долине Бойн, и стоит не в гордом одиночестве, но рядом с двумя другими тумулусами (мегалитическими захоронениями) — Даут и Наут. Все вместе они образуют комплекс «Некрополь Бру на Бойн» (Дворец Бойн). Это название тоже связано с богами: Боанн/Бойн — имя матери Энгуса. Ньюгрейндж прославился главным образом тем, что в день зимнего солнцестояния солнечный луч проникает во вну-

* Перевод Т. Михайловой и А. Смирнова.

Илл. 36.
Вид на Ньюгрейндж сверху.

треннюю камеру и освещает ее на короткое время. В наши дни этот эффект могут наблюдать победители специально проводящейся лотереи.

Ньюгрейндж был скрыт от глаз людских до 1699 года. Чарльз Кэмпбелл, владелец земли, на которой стоял курган, послал своих людей за строительным камнем, и они обнаружили вход в пещеру. В 1962–1975 годах здесь проводились раскопки под руководством профессора Майкла О’Келли из университета города Корка, и именно им мы обязаны практически всем, что сегодня знаем о Ньюгрейндже. По сути, это огромное каменное строение, подобное пирамидам Гизы

в Египте, только старше их. Вероятно, гробницу выстроили около 3100 года до н.э. Безусловно, она служила для неких церемоний, видимо, была связана с погребением важных лиц. Исследование Ньюгрейнджа затрудняется еще тем, что в IX веке его ограбили викинги (они называли курган «пещерой Акад-Алдаи») и вынесли оттуда все что смогли. Скорее всего, в гробнице были и украшения — в начале XIX века некий крестьянин, обрабатывая землю недалеко от входа, обнаружил два золотых шейных обруча, золотую цепочку и два кольца.

Даже нераскопанный, Ньюгрейндж привлекал внимание людей — это место постоянно встречается в различных историях о богах и героях. Рассказывалось, что там содержатся неиссякаемые запасы эля, три постоянно плодоносящих дерева и две свиньи — одна живая, а другая приготовленная. Здесь, по легенде, был похоронен Ламфада — Луг Длиннорукий, наставник Кухулина, и здесь был зачат сам Кухулин. Сюда Ангус принес тело Диармайда, погибшего от клыков зеленого кабана, и мог говорить с ним каждый день. А самая любопытная история рассказывает о том, как Энгус выманил сид у своего отца Дагды: сначала он попросил его «на день и на ночь», а затем отказался возвращать, так как весь мир состоит из дня и ночи! Конечно, можно трактовать эти слова как ловкую шутку, но они еще и свидетельство тому, что время в сиде отличается от времени человеческого.

Итак, в конце XII века в Англии появляется трактат, повествующий о том, как на севере Ирландии, на далеком острове на далеком озере, монахи-наследники святого Патрика охраняют вход в чистилище.

Возможно, что еще до прихода августинских монахов на острове жили монахи-ирландцы, и паломники приплывали туда совершать аскетические покаянные упражнения. Однако доказать это предположение никак невозможно. Мы можем отсчитывать историю паломничества на остров святого Патрика, — то есть, по сути дела, историю посещения мира иного, — только с XII века, и она составляет важную часть истории западноевропейского паломничества.

Глава 2.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАЛОМНИКИ В ЧИСТИЛИЩЕ СВЯТОГО ПАТРИКА

Странствующие христиане: паломничество в Средние века

Паломничество определяется как «путешествие с целью поклонения Богу, связанное, как правило, с посещением сакральных мест»*. По латыни этот термин звучит как «peregrinatio», и его использовали еще античные авторы, хотя у них, например, у Цицерона, он означал вынужденное пребывание в чужих местах. Паломники есть и были почти во всех мировых культурах. Еще египтяне путешествовали к Осирису в Абидос, а греки посещали Асклепия в «исцеляющих» святилищах.

Первые христианские паломники прежде всего стремились посетить Святую землю, места, связанные с жизнью Иисуса Христа и его апостолов. Позднее любое место, где жил, умер или бывал тот или иной святой, могло стать центром паломничества.

Тремя основными паломническими центрами для западных христиан в Средние века были

* В.Задворный. Паломничество // Католическая энциклопедия, т.3. М.: Издательство Францисканцев, 2007. С.1229.

Обычной практикой для древних греков была «инкубация» — сон в святилищах для того, чтобы получить целительную весть. Интересно, что и в христианской традиции сохранялись пережитки этого обычая. Беда Достопочтенный пишет о месте упокоения св. Хада: «Например, не так давно один умалишенный, который бродил от одного места к другому, проник незамеченным в храм и провел там всю ночь. Наутро он вышел в здравом уме и ко всеобщему изумлению и радости поведал, что он вернул себе здоровье милостью Божьей».

Иерусалим (где был распят Христос), Рим (духовный центр, связанный прежде всего со смертью апостолов Петра и Павла) и Сантьяго-де-Компостела (место, где хранились реликвии апостола Иакова). Туда стекались пилигримы из самых разных стран. Христианская практика дальнего паломничества начинается с IV века, когда, благодаря императору Константину, на Святой земле появились базилики, отмечающие места, связанные с жизнью и деятельностью Иисуса — церковь св. Гроба Господня в Иерусалиме, базилика Рождества Христова в Вифлееме и т.д. Первые известные нам паломники — пилигрим из Бордо, монахиня Эгерия из Испании и св. Иероним, который прибыл как паломник, но остался в Палестине до конца своей жизни.

Около 700 года начинает набирать популярность паломничество в Рим, с X века люди уже посещают святилище Сантьяго-де-Компостела, а к середине XII века это самое популярное международное святилище в Европе. В 1164 году из Милана в Кёльн переносят мощи трех волхвов. В 1170 году, после убийства Томаса Бекета в Кентерберийском соборе, начинается паломничество англичан и других европейцев к месту его смерти. А начиная с XIII века начинает расти популярность святилищ, связанных с Девой Марией: Финистерр, Монсеррат, Ахен, Айнзидельн, Лорето, Уолсингем. Часто в них был чудотворный образ (Аннунциата во Флоренции, «Добрая Мать» в Хертогенбосе и др.).

Паломник ищет святость вдалеке или хотя бы поодаль от своей повседневной жизни. Идти можно было и за тридевять земель, и к местной святыне. В немецком языке даже существуют два слова, различающих разные виды паломничества: *Pilgerfahrt* (паломничество на далекое расстояние) и *Wallfahrt* (к местному святому). Длина пути при этом не играла роли. Все в западном христианском мире знали Рим, Сантьяго-де-Компостела и Иерусалим, но при этом обитатели Баварии знали свои местные святилища, Калабрии — свои и т.д. Для бедных и больных это было спасение. Много путешествовавшая Марджери Кемп (ок.1373 — ок.1438) использовала одно и то же слово «паломничество» для описания своих путешествий в Рим, Иерусалим, Ассизи, Сантьяго и в церковь Михаила Архангела в трех километрах от своего дома.

Паломничество никогда не было необходимым элементом христианской жизни, без него всегда можно было обойтись. Против него как помехи истинному внутреннему благочестию выступали самые первые отцы Церкви, а позже и протестанты. При желании можно найти в Евангелии осуждение паломничества — например, известные слова Иисуса, обращенные к самарянке: «... поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от Иудеев. Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу

в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Ин 4: 21-24). Можно даже сказать, что паломничества стали популярны, так как отвечали извечному стремлению человека к перемене мест, к поиску важного и священного вдали от дома, и это стремление, безусловно, было гораздо старше христианства. Так что в каком-то смысле реформаторы-протестанты были правы, когда называли эту практику языческой. Однако сводить все к чисто языческому элементу или к циническому стремлению наживы на паломниках означало бы сильно упрощать смысл паломничества.

К сожалению, не существует какой-то статистики по количеству средневековых паломников, на которую можно было бы полагаться. Цифры, которые приводят хронисты (например, касательно количества паломников в Риме в 1300-й юбилейный год), как правило, неаккуратны. Есть исключения из правил — например, мы можем судить о том, сколько паломников побывало в Регенсбурге в 1519–20 годах, по количеству проданных значков-сувениров (в 1519 году было продано 12 500 значков, в следующем году — уже 109 198 (!) оловянных и 9763 серебряных). В Ахене в 1496 году была объявлена 15-дневная индульгенция (о том, что это значило, читайте ниже) и считали всех — тогда город с религиозными целями посетило 147 000 человек.

Паломнические значки прикреплялись на одежду. По ним, а также по характерному наряду (сумка, посох, шляпа, фляжка) паломников легко было отличить в толпе (илл. 37). Изготовление

Илл. 37 — Книга деяний святого Людовика, XV век. Paris, Bibliothèque nationale de France, Ms Français 2829, fol.102r. Паломники у гробницы святого Людовика. Слепой мальчик и его поводырь (вероятно, родственник) показаны дважды — в окне, приближающемся к храму, и внутри церкви. У мальчика в руке палка слепца, на груди висит фляжка, сбоку на поясе сумка. У поводыря посох, узелок с вещами (откуда торчит ложка) повешен на грудь, чтобы не украли, фляжка видна сбоку, на поясе подвешен кинжал. У обоих шляпы одинакового фасона, украшенные паломническими значками, из которых по размерам выделяется раковина — знак совершённого путешествия в Сантьяго-де-Компостела, к святыни апостола Иакова.

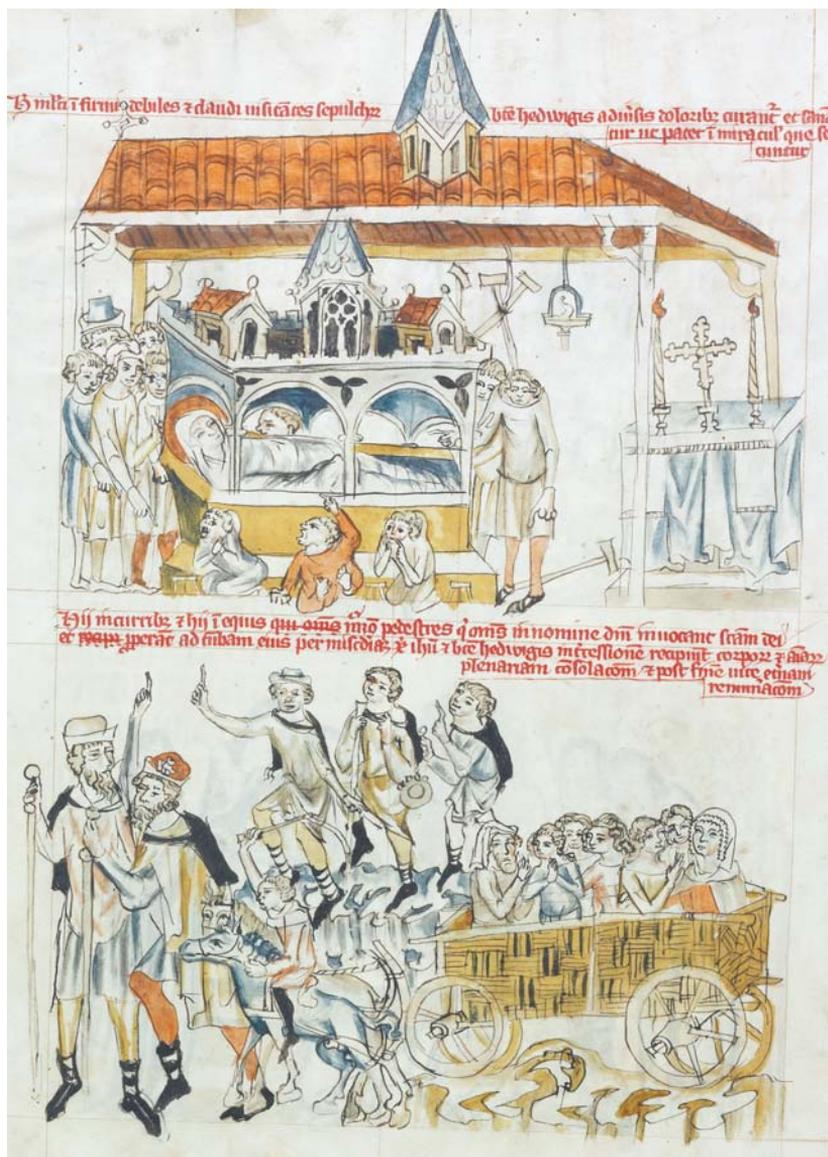
паломнических значков было важным источником дохода. Впервые о них упоминается уже в «Путеводителе пилигрима» из Кодекса Каллиста начала XII века — перед церковью святого Иакова стоит палатка, где они продаются. В конце XII века сувениры продавались в Рокамадуре, в Кентербери, в соборе св. Петра в Риме (илл. 38, 39). В 1199 году Иннокентий III даровал права на продажу значков у собора св. Петра его каноникам (членам совета клириков при храме). Он пишет, что раньше доходы от значков получал он сам, а теперь передоверяет их каноникам. Значки же папа описывает как самые простые, сделанные из свинца или олова, а носят их паломники «в знак своего благочестия и как доказательство совершённого путешествия».

Причины для дальнего путешествия могли быть самыми разными: конечно, людьми прежде всего двигало стремление помолиться за себя или за других и исцелиться от болезни (илл. 40), однако движущей силой паломничества могло быть и выполнение обета или покаяние, благодарность за совершенное благодеяние. Но самое главное — это желание прикоснуться к святыне или хотя бы увидеть ее, войти в непосредственный контакт со святым (илл. 41). Очень хорошо описывает ощущения паломника Данте, когда говорит о встрече с Бернардом Клервоским в Раю:

Илл. 38, 39 — Паломнические значки с изображением св. Леонарда и святилища св. Томаса Бекета в Кентербери. New York, Metropolitan Museum of Art, №1986.77.1 и №2001.310. Такие небольшие бляхи делались из сплава свинца и олова и были доступны самым бедным людям. Маленького размера (6-7 см в высоту), сначала они прикреплялись к одежде (как правило, к головному убору), а по возвращении их могли приклеить к страницам часослова, повесить на стену, даже вбить в мебель, чтобы сохранить память о паломничестве и всегда иметь перед глазами.

Илл. 40— Житие блаженной Ядвиги, 1353 год, Los Angeles, The J.Paul Getty Museum, Ms. Ludwig XI 7, fol.87v. Паломники у гробницы св. Ядвиги. У гробницы святой толпится народ, а на коленях перед ней стоят больной, прокаженный и хромой в поисках исцеления. Наверху висят костыли — свидетельство уже свершившихся чудес. В нижней части миниатюры изображены те пилигримы, которые едут к святой Ядвиге издалека.

Как тот, кто из Кроации, быть может,
 Придя узреть нерукотворный лик,
 Старинной жаждой умиление множит

И думает, чуть он пред ним возник:
 «Так вот твое подобие какое,
 Христе Иисусе, господи владык!» —

Так я взирал на рвение святое
 Того, кто, окруженный миром зла,
 Жил, созерцая, в неземном покое.*

Илл. 41 — Легенда о почтенных мужах Аймоне и Вермонде, ок. 1400 года. Los Angeles, The J.Paul Getty Museum, Ms.26, fol.5v. Паломники у гробницы Аймона и Вермонда в Милане. Люди стоят очень близко к святылице и стремятся прикоснуться к нему — считалось, что так вернее передается благодать.

* Рай, 31, 103–111. Здесь и далее цитаты из «Божественной комедии» Данте даются в переводе М.Л.Лозинского.

Беда Достопочтенный о гробнице св. Хада из Лиситфельда: «Хад покоится в деревянном гробу, сделанном в форме домика и имеющем сбоку отверстие, в которое благочестивые посетители могут просунуть руку и взять немного праха. Если его размешать в воде и дать выпить больным человеку или корове, они тотчас исцеляются от недуга и возрадутся возвратившемуся здоровью».

В течении ста лет, с 1424 по 1524 год, на вторую пятницу после Пасхи в Нюрнберге демонстрировались святыни. Они были выкуплены городом у императора Сигизмунда I и включали в себя как имперские реликвии (корона Карла Великого, меч, держава и крест и др.), так и те, что были связаны с Иисусом и святыми, в первую очередь — знаменитое копье, пронзившее грудь Христа, когда Он был распят на кресте, и фрагмент креста ►

Здесь паломник-хорват дважды изумлен — тем, что лик Христа выглядит именно так, и тем, что он добрался и созерцает его.

Ощущение, что ты видишь настоящее, оригинал — схоже с современным туризмом (люди стоят в очереди, чтобы мельком взглянуть на «Мону Лизу», хотя в сети доступны великолепные репродукции). Отличается же паломничество от обычного туризма тем, что в нем оригинал способен принести смотрящему благословение, чудесным образом преобразить его жизнь.

Реликвии, к которым стремились паломники, можно разделить на первостепенные — мощи святых — и второстепенные, так называемые «брандеа» — например, лоскутки одежды или пыль из гробницы, все, что угодно, что коснулось святыни. Почти все реликвии, связанные с Иисусом Христом и Девой Марией (туники, покровы, пояса), были по определению «брандеа» — ведь Иисус воскрес, а Дева Мария телесно была взята на небо. Эти реликвии можно было опустить в воду и тем самым сделать ее средством для излечения и т.д.

Чаще всего можно было дотрагиваться до гробницы, но иногда ограничивались так называемым «остенсио», показом. Эта форма была особенно популярна в позднем Средневековье, и самым известным остенсио был нюрнбергский Хайльтумвайзунг («показ святыни» по-немецки).

Было и недобровольное паломничество — покаяние, наложенное церковными или даже

Илл. 42 — Петер Фишер. Нюрнбергская книга реликвий, 1487 год. Показ реликвий с платформы. Наверху на платформе клирики читают индульгенции и демонстрируют реликвии. В среднем ярусе — охранники. Внизу паломники, мужчины, женщины и дети, причем у одной из женщин в руке маленькое круглое зеркальце, с помощью которого пилигримы могли уловить хотя бы отражение святыни. Скорее всего, после этого зеркальце тоже считалось освященным.

Господня. Утром закрывались все церкви, и народ собирался на площади, где воздвигалась особая платформа, Хайльтумштуль. Город и особенно площадь усиленно охранялись, а район, в котором жили евреи, огораживали и тоже охраняли, чтобы никому не пришло в голову устроить там погром. Прямо на платформе служили мессу, а затем поднимали и показывали святыни одну за другой, громко провозглашая индульгенции тем, кто присутствует, тем, кто в память о пяти ранах Христовых посетит пять определенных церквей в городе, и тем, кто поднимется на платформу (женщины к такому действию не допускались). А после торжественной части начиналась ярмарка, длившаяся сначала две, а потом и три недели. Уже в 1431 году ярмарка получила статус императорской, то есть купцы участвовали в ней бесплатно и им обеспечивался безопасный проезд по всей территории Священной Римской империи; для них существовали специальные льготные налоги и тарифы. Неудивительно, что народ валом валил как на показ святынь, так и на связанные с ним торговые мероприятия — и желанию извлечь прибыль в это время не был чужд даже самый знаменитый нюрнбергский художник Альбрехт Дюрер. В письме Виллибальду Пиркгеймеру из Венеции от 2 апреля 1506 года он просит друга напомнить матери о том, чтобы она обязательно пошла продавать его гравюры «в день святынь» (илл.042). ■

НАКАЗАНИЕ СУИБНЕ.

Неуспокоенность, беспокойство, постоянное передвижение — такой могла быть плата за грех. В ирландской саге «Безумие Суибне», действие которой происходит в VII веке (а записана она была в XII веке), изложен пример такой кары.

Суибне был королем Дал Арайде, и рядом с его домом св. Ронан Светлый построил церковь. Король же не знал об этом. И вот однажды раздался звон колоколов в храме, и Суибне, разгневанный тем, что кто-то посмел поставить рядом с его крепостью церковь, выскочил, чтобы выгнать святого. При этом плащ соскользнул у него с плеч, и он как был, полуголый, в бешенстве, помчался к Ронану. Дальнейшее поведение короля нельзя назвать особенно учтивым:

«В ту минуту святой человек славил Короля неба и земли и пел псалмы в Его честь, держа перед собой свою прекрасную разлинованную, разукрашенную псалтырь. Суибне же кинулся к нему и, выхватив псалтырь из его рук, бросил ее в холодные и глубокие воды озера, что было неподалеку, так что она сразу пошла ко дну. Потом обратился он к самому Ронану и, схватив того за руку, потащил за собой прочь из церкви, и так бежал он по полю, и тянул, и тащил за собой святого человека, охваченный злобой и гневом, что остановился только, когда услышал громкий крик».* ►

* Здесь и далее цитаты из саги «Безумие Суибне» в переводе Т. Михайловой.

светскими властями. Паломничество часто совершалось во искупление каких-либо грехов. Поэтому одним из наказаний, ожидающих грешную душу на том свете, была разновидность этого путешествия. Жители окситанской деревни Монтайю (на юге Франции) в начале XIV века считали, что призраки совершают своего рода покаянное паломничество. «Обычным состоянием мертвецов после смерти — и до окончательной отправки к месту упокоения — является состояние движения. Призраки только и делают, что снуют туда-сюда. <...> В этой беготне заключается их покаяние. <...> Самым виновным, и прежде всего ростовщикам, приходится бегать быстрее всех. <...> Покойники тоже совершают паломничества. Некоторые “рекордсмены” добегают до Сантьяго-де-Компостела за пять дней; другие отправляются в Сен-Жиль, в Рокамандур и т. д.»*.

По той же покаянной логике, смерть человека — это начало долгого путешествия. Никто не ожидал, что после смерти сразу окажется в аду, раю или чистилище — душе предстоял долгий путь. Последнее причастие перед смертью называлось *viaticum*, то есть то, что дается для подготовки к пути. Во многих местах сохранился дохристианский обычай класть с собой пару туфель в могилу. Почти все визионеры

* Э. Ле Руа Ла Дюри. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). Издательство Уральского университета, 2001. С. 474.

Средневековья — норвежский аристократ Олаф Астесон, английский фермер Туркилл, итальянский мальчик Альберик, французский монах Баронт — повторяют одно и то же: в загробном мире душа должна долго бродить по странным местам, пока не достигнет того места, которое полагается ей по ее заслугам или грехам. Англичанин Годескальк в 1189 году, будучи болен, духом узрел иной мир. Прежде всего он увидел дерево, на котором росло множество пар обуви, а за ним простиралась огромная равнина, вся заросшая острыми шипами, которые невозможно было сломать. Души подходили к дереву, и в зависимости от их заслуг — например, дел милосердия, которые они сотворили — им или полагалась пара обуви, или нет.

Паломничество было долгим и опасным предприятием. На него надо было накопить денег, к нему надо было подготовиться духовно и материально. Например, в 986 году некто Жеральд из Авелены, владелец земли в Дордони, размышляя о неизбежности смерти и о необходимости уплаты долга Богу, захотел отправиться в Иерусалим. Он а) получил согласие жены; б) передал некоторое количество собственности монастырю в Тюйе; в) отдал своего сына Адемара в монахи.

Можно и нужно было заручиться поддержкой святых — особыми покровителями паломников считались святой Рох (который часто так и изображался в одеянии паломника; илл. 43) и святой Христофор.

Суибне пришли звать на битву, и это спасло святого Ронана. Не пострадала и драгоценная псалтырь — ее вынула из воды выдра и поднесла святому, и ни строчки не было повреждено. После этого Ронан первый раз проклял Суибне, говоря так: «...тот, кто так оскорбил меня, явившись ко мне голым и полным гнева и злобы, так и пребудет вечно — голым, пусть разум и рассудок оставят его и отправится он скитаться и блуждать по Ирландии и по всему миру. И пусть будет так до тех пор, пока не погибнет он злой смертью». Но — о ужас! — Суибне усугубил свою судьбу, когда перед началом битвы пустил копьем в мальчика-псалмиста, прислужника святого Ронана и убил его — ему не понравилось, что тот обрызгал святой водой его наряд, так что он вымок. Не остановившись на этом, король броском дротика разбил колокол, что висел на груди у святого Ронана. И тогда, что вполне понятно, святой проклял его второй раз: «Я прошу всемогущего Господа нашего, пусть он сделает так, что человек этот уподобится брошенному им копыю. И как это копые, что бросил он в порыве ярости и гнева, так что улетело оно далеко в небеса и скрылось за облаками, пусть также и он сам отныне, как птица, не знает ни отдыха, ни покоя и летает по свету». Как сказал святой Ронан, так и случилось — некогда богатый и славный король превратился в изгоя и безумца, бродил по всей Ирландии, питался только ►

водой и салатом, свою роскошную одежду потерял, а что касается полетов, то он прыгал огромными прыжками и не мог остановиться. В конце концов его настигает смерть от копья свинопаса, подумавшего, что Суибне пытается соблазнить его жену. Царь умирает, и душа его падает на небо — ведь, как он сам говорит, «с той поры, как послан был я Божьей волей скитаться и бродить по острову, был я подобен зверю или птице и не мог никого обидеть, оскорбить или нанести иной ущерб или урон». ■

Первый Крестовый поход (1096 год), целью которого было освобождение Иерусалима и Святой земли от мусульман, тоже был для участников и современников peregrinatio, паломничеством, а те, кто отправлялись в него, соответственно, паломниками. Только в конце XII века появился термин *crucesignatus*, крестоносец (происходящий от практики нашивать крест на одежду, отправляясь в этот поход). Но и в XIII веке участники походов в языческую Прибалтику все еще называли себя пилигримами.

Еще до 1096 года существовала особая церемония по благословению паломнических инсигний (посоха и сумы), а в эпоху крестовых походов туда добавилось благословение паломнического меча. Ричард Львиное Сердце (1157–1199), например, отправляясь в Крестовый поход, обладал посохом и сумой, обычными атрибутами паломника.

Паломники-крестоносцы получали от папы полную индульгенцию — условия ее периодически менялись, но главный смысл заключался в том, что внезапно умерший во время своего путешествия крестоносец считался уже отбывшим срок покаяния и отправлялся даже не в чистилище, а прямо в рай.

Сначала такая индульгенция была привилегией крестоносцев, но уже вскоре полную или неполную (на определенное количество лет, месяцев, дней или даже часов сокращавшую пребывание в чистилище) индульгенцию могли получить

Илл. 43 — Молитвослов Иоанны Гистельской, ок. 1516 года. London, British Library, Egerton Ms 2125, fol.209v. Святой Рох. Рядом с одетым, подобно пилигриму, святым на коленях стоит ангел и указывает на рану. По преданию, святой Рох заболел чумой, но излечился благодаря собаке, которая зализывала пораженное место и приносила ему хлеб.

паломники, посетившие Рим в праздничные дни и выполнившие определенные условия. При этом учитывались усилия, приложенные людьми из разных стран. Так, в 1291 году папа Николай IV обещал всем кающимся паломникам, которые

Завещание каталонки Майенны, 1123 год
 «Во имя Господа я, Майенна, женщина, и мой сын Беренгар, хотим пойти к Святому Гробу Господню, и мы завещаем все, чем владеем, и если случится так, что мы умрем, прежде чем сделаем другое завещание, то это имеет силу. Во-первых, я завещаю своих овец монастырю Сан Кугат таким образом, что если я не вернусь, а мой сын вернется, то ему достанется из них половина, а другая половина будет считаться милостыней монастырю. А если никто из нас не вернется, то эта милостыня должна быть отдана. А моя работа по шерсти или по льну должна быть продана, чтобы сделать одеяния для церкви Сан Кугат» *.

* Цитируется по книге: Webb D. Pilgrims and Pilgrimage in the Medieval West. London-New York: I.B.Tauris Publishers, 2001.

Практика получения индульгенций за посещение определенных церквей в определенное время сохранилась в Католической церкви до сих пор. В рассказе «Особые обязанности» (1954 год) английский писатель Грэм Грин сатирически описал ситуацию, когда получение индульгенций делегируется богатым человеком нанятой секретарше, но в итоге оказывается, что она все время обманывала его, и не только не посещала храмы, но еще и находилась в состоянии смертного греха, что аннулировало все ее молитвы. Автор издевается над деловым подходом к спасению:

«— Мисс Сондерс, — обратился к ней мистер Ферраро, — я не нахожу перечня индульгенций, которые будут получены в июне.

— Он у меня с собой, сэръ. Вчера вечером я приехала поздно, потому что получение полной индульгенции в церкви святой Этельдреды потребовало от меня присутствия на вечерней службе, посвященной остановкам на крестном пути. Она положила на стол мистера Ферраро отпечатанный лист: в первой колонке значилась дата, во второй — название церкви или место паломничества, где выдавалась индульгенция, в третьей, красными чернилами, указывалось число дней, на которое уменьшалось пребывание в Чистилище. Мистер Ферраро внимательно просмотрел список.

— У меня такое ощущение, мисс Сондерс, что вы уделяете слишком много времени мелочевке. Шестьдесят дней здесь, пятьдесят там. Вы уверены, что это время потрачено вами не зря? Одна индульгенция на 300 дней может заменить пять или шесть мелких ►

посетят Латеранский собор в определенные праздничные дни, индульгенции, уменьшающие срок пребывания в чистилище. Римлянам, жителям Кампании, Марке и других близлежащих областей — на четыре года; тосканцам, апулийцам и ломбардцам — на пять лет, тем, кто придет из-за Альп или приплывет из-за моря — на семь.

Опять же, сначала полную индульгенцию можно было получить, только посетив Рим, но скоро Климент VI (1291–1352) стал, по сути дела, продавать их (формально нужно было дать дар Церкви и совершить некоторое количество добрых дел). С XIII века можно было получить индульгенцию крестоносца, профинансировав крестовый поход.

Очевидно, что паломники, путешествующие по дорогам Европы, требовали внимания. Им нужны были нормальные дороги, госпитали и трактиры по пути, еда и сувениры, защита от грабителей. На месте нужно было обдумать, как избежать толпы и обеспечить защиту святых от воровства или благочестивого вандализма. Жители городов и сел, мимо которых проходили паломнические пути, естественно, хотели использовать людской поток в своих целях и если не обогатиться, то хотя бы иметь небольшую выгоду.

Так, в 1365 году Джованна I Неаполитанская получила жалобу на то, что жители города Сен-Максимен, вопреки желанию ее отца, выстроили городские ворота не прямо рядом с церковью

Марии Магдалины, но довольно далеко от нее. Цель этого понятна — пусть паломник идет мимо лавок и таверн, что-нибудь да купит!

Вокруг паломнических мест неизбежно разворачивались ярмарки. О том, как перемешивалось священное и бытовое, говорит история о женщине, которая в 1170 году пришла в Шартр покупать шерсть. Сначала она отправилась к гробнице св. Гилдуина, помолиться о том, чтобы ей удалось купить товар по выгодной цене. Половину монетки она пожертвовала святому, половину дала нищему (а всего у нее было 9 монет). Когда она пришла на рынок, то продавец запросил 9 монет, но согласился с тем, что деньги, которые она дала святому и нищему, зачтутся ему. Но когда женщина залезла в кошелек, то обнаружила там 9 монет! Уплатив полную стоимость, она вновь обнаружила в кошельке все те же 9 монет и воскликнула: «Надо было больше дать святому и нищему! тогда бы и я имела с этого больше!»

Организация паломничества требовала продуманной инфраструктуры и влияла на развитие архитектуры. Известно, что новый тип паломнической церкви, с трехнефными трансептами и деамбулаторием, благодаря которым можно было спокойно обходить храм по периметру, возник в XII веке из чисто практической необходимости: сделать так, чтобы люди не страдали и не погибали в давке. Трагические прецеденты изобиловали — например, в 1018 году

индульгенций. И я заметил, что ваш прогноз на май меньше апрельского результата, а на июнь — и подавно. Пять полных индульгенций и 1565 дней — в апреле вы сработали очень хорошо. Я не хочу, чтобы вы сбавляли темп». ■*

* Перевод В.А. Вебера.

В феврале 1519 года гражданами вольного имперского города Регенсбурга выгнали евреев и начали разрушать синагогу. Во время погрома одна из балок упала на голову каменщику Якобу Керну, который, однако, чудесным образом не умер, но, после воззвания к Деве Марии, полностью исцелился. Это вызвало прилив паломников к месту чудесного исцеления, и очень скоро на руинах синагоги воздвигли деревянную часовню и собирались строить огромную каменную церковь. Приток людей, желавших поклониться образу Девы Марии с Младенцем, установленному на высокой колонне прямо на улице, был огромным — считается, что на Троицу 1520 года пришло 27 000 человек! Скорее всего, Регенсбург стал бы одним из главных европейских паломнических центров, однако помешало то, что город принял протестантизм, а протестанты отрицательно относились к паломничеству вообще и к регенсбургскому в частности. В 1523 году сам Мартин Лютер написал в городской совет письмо, в котором требовал прекратить нечестивую практику, мотивируя свое требование тем, что дьявол явно занял место евреев. В итоге на месте синагоги в XVI веке была возведена первая протестантская церковь города (илл. 44).

Илл. 44 — Михаэль Остендорфер. Паломники у церкви Шёне Мария в Регенсбурге. 1610 год. New York, Metropolitan Museum of Art, №39.5. Перед нами сцены религиозной лихорадки, которая окружала паломничество к Шёне Мария. Люди вокруг колонны со статуей Мадонны падают ниц и обнимают постамент; в процессии заходящих в часовню, видны крестьяне с прялками, граблями, серпами и другими сельскохозяйственными орудиями — они явно сорвались прямо с «рабочих мест» и, влекомые неведомой силой, отправились к Шёне Мария.

так много людей хотели войти в церковь св. Марциала в Лиможе на ночную вигилию перед праздником святого покровителя храма, что 50 человек погибло в толпе. Эта характерная история повторялась в разных местах. Сугерий, знаменитый аббат Сен-Дени (ок. 1081 — 1151), в те дни, когда он еще только мечтал перестроить старую каролингскую церковь в своем аббатстве, описывал, как в праздничные дни людей приходит столько, что народ в толпе не может пошевелить ни руками, ни ногами, как женщины падают в обморок и их выносят над головами остальных, как монахи вынуждены вылезать в окна, и прочие ужасы.

Ирландцы-паломники и ирландцы-путешественники

Ситуация с паломничествами у ирландцев несколько отличалась от того, что происходило на континенте и у соседей-англичан. Первые христиане появились в Ирландии, вероятно, между V и VII веками. Кельтская церковь этого времени характеризовалась интересом к монашеству, аскетизму, мистической поэзии, ощущением, что Бог пребывает всюду и особым видом паломничества, когда святой отсекает себя от родного края, от общины, от близких и не возвращается. Его паломничество, *peregrinatio pro amore Dei* — ради любви Божией — длиною в жизнь. Валафрид Страбон (806–849) аббат немецкого монастыря

Райхенау в своем «Житии св.Галла» даже пишет, что обычай паломничества стал второй натурой ирландцев.

В этом состоянии отделения от мира ирландцы отправлялись в глухие места, и многие монастыри основывались далеко от родной Ирландии, на Оркнейских, Шетландских и других островах. Они путешествовали и на континент, неся Евангелие языческим племенам — и в таком случае паломничество рассматривалось как своего рода «белое» мученичество (отказ от всего во имя любви к Господу, какие бы трудности это не включало). Не проливая крови, в отличие от мученика, паломник свидетельствовал о Христе тем, что покидал свои родные пределы, чтобы рассказать о Христе далеким народам. Благодаря этому роду паломничества Ирландская церковь сыграла такую важную роль в распространении христианства на континенте.

Примером белого паломничества является жизнь самого известного ирландского святого после Патрика — Колумбы (ок.521–597); его называют еще святой Кольмкилле («голубь Церкви») или святой Колумба Айонский. Колумба учился у епископа Финдена (или Финиана) в Клонарде, основал церковь в Дерри, проповедовал по всей Ирландии, а затем отправился за море. Как пишет автор жития св. Колумбы Адамнан: «После того, как Кольмкилле обошел всю Ирландию, посеял повсюду веру, окрестил многих, основал церкви и святые обители, в которых

он оставил старцев и реликвии, решил он исполнить свое давнее желание и отправиться в паломничество. Отправился он через море проповедовать Слово Божье горцам, и бриттам, и саксам». В Шотландии св. Колумба первым делом основал обитель на острове Айона, а затем 34 года путешествовал по Шотландии, вплоть до Абердиншира, и проповедовал христианство полудиким скоттам, живущим в гленах и горных долинах. В перерывах между своими миссионерскими путешествиями он всегда пребывал на острове Айона, где его могли найти все жаждущие совета. Там он и скончался — в церкви, во время вечерни, прямо перед алтарем.

Со святым Колумбой часто путают другого ирландского святого — Колумбана, который тоже жил в VI — начале VII века. Его имя Колум Бан по-ирландски означает «Прекрасный Колум». Как и святой Колумба, он был миссионером, но если Колумба отправился к северным берегам Шотландии, то святой Колумбан двинулся на континент и основал там несколько монастырей, существующих до сих пор. Будучи еще молодым человеком, он повстречался с женщиной, которая сказала ему, что вот уже двенадцать лет она находится в постоянном паломничестве, и если бы она была мужчиной, то и через море переплыла бы. Она упрекнула Колумбана, что он остается дома, где ежечасно подвергается соблазнам. приклонить ухо к голосу плоти. После этого, несмотря на протесты своей матери,

Колумбан покинул родной Лейнстер. Сначала он поступил в учение к некоему святому мужу по имени Синелл, затем вступил в монастырь в Бангоре, но, не удовлетворившись этим, пожелал идти в совсем неведомые и далекие страны.

Так Колумбан оказался в Галлии, где его проповедь пользовалась огромным успехом, и основал там три монастыря: Аннегре, Люксёй и Фонтен. Однако из-за разногласий с королем Теодорихом II (правил в 596–613) и его бабкой Брунгильдой Колумбан, проведя 20 лет в этих местах, вынужден был покинуть их. После долгих странствий и приключений святой попытался вернуться в Ирландию из Нанта, но его корабль несколько раз относило обратно к берегу, и он не мог плыть. Тогда все поняли, что Господь не желает возвращения Колумбана на родину, и он вновь отправился в путь — на этот раз в сторону Альп. Добравшись до Боденского озера, святой выбрал местом для нового монастыря давно разрушенный город на Рейне — Бриганцию (ныне Брегенц). Отсюда Колумбан хотел пойти еще дальше на восток и обращать вендов, которых он называл славянами. Однако ему явился ангел и показал, что хотя на свете много еще неохваченных евангельской вестью мест, но лучше святому оставаться там, где он сейчас, так он принесет больше пользы. Поэтому святой Колумбан остался.

Но только до поры до времени — через некоторое время, узнав, что его противник Теодорих II

победил Теодоберта и стал владельцем этих мест, Колумбан бежал в Италию. Там его с почетом принял Агилульф, король лангобардов, даровав святому привилегию выбрать себе в Италии любое место для поселения. Сначала Колумбан обосновался в Милане, где успешно сражался с арианской ересью, и даже написал трактат против ариан, но затем занялся любимым делом — основал новый монастырь, на этот раз в Боббио (ныне в итальянской провинции Пьяченца). Там он и скончался.

Св. Колумбан прошел буквально по всей Европе, проповедуя как простым людям, так и правителям, везде оставаясь верным аскетическому, насколько возможно, удаленному от людей образу жизни. Это и есть особенное ирландское паломничество.

Святой Брендан и Майль-Дуйн

Чистилище святого Патрика располагается на острове посреди озера, и чтобы попасть в пещеру, надо некоторое время заниматься аскетическими упражнениями. Возникновение же входа в Чистилище связано, по легенде, с миссионерской деятельностью святого, желанием убедить ирландцев в истинности христианского учения. Таким образом, тут есть три элемента, сходных с элементами традиционного кельтско-ирландского паломничества: удаленность от мира, аскетизм, евангелизация.

Однако еще большее сходство можно найти, сравнивая историю паломничества в Чистилище св. Патрика с путешествиями, которые издавна описывались ирландцами в жанре «Immrama» (в них герой совершает плавание на некие острова, выступающие Иным Миром). О том, что происходит с людьми в мире богов, мы уже рассказали в предыдущей главе, а теперь поговорим о дальних путешествиях ирландцев.

Древнейшим текстом о подобном путешествии было «Плавание Брана». Этот текст впервые записан в «Lebor na hUidre» («Книга Бурой Коровы»), рукописи XI века, однако считается, что в устном виде оно существовало как минимум с VIII века. В нем некто Бран видит серебряную ветвь с цветами и слышит пение женщины из чудесной страны, а затем ветвь и женщина пропадают, и главный герой отправляется в путешествие, чтобы найти их. По дороге он и его спутники встречают морского бога Мананнана Мак Лира,, который объясняет, как добраться до Острова женщин, и, наконец, попадают в это чудесное место:

Есть далекий-далекий остров,
Вкруг которого сверкают кони морей,
Прекрасен бег их по светлым склонам волн.
На четырех ногах стоит остров.
Радость для взоров, обитель славы —
Равнина, где сонм героев предается играм.

Ладыя равняется в беге с колесницей
На южной равнине, на Серебристой Поляне.
Стоит остров на ногах из белой бронзы,
Блистающих до конца времен.
Милая страна, во веки веков
Усыпанная множеством цветов.
Есть там древнее дерево в цвету,
На котором птицы поют часы.
Славным созвучием голосов
Возвещают они каждый час.
Сияет прелесть всех красок
На равнинах нежных голосов.
Познана радость среди музыки
На южной, туманной Серебристой Поляне.
Там неведома горесть и неведом обман.
На земле родной, плодоносной,
Нет ни капли горечи, ни капли зла,
Всё — сладкая музыка, нежащая слух.
Без скорби, без печали, без смерти..*

Заскучав, они отправляются обратно, и оказывается, хотя им казалось, что они провели на острове всего лишь год, в Ирландии прошло много лет, и никто не помнит и не знает их.

Эта история о путешествии в мир, где время течет по-другому, и куда человек может попасть, но настоящие его обитатели уже не люди. В таком архетипическом виде здесь еще нет никаких христианских мотивов.

* Перевод А.А. Смирнова.

Они появляются в двух других знаменитых рассказах — «Плавании св. Брендана» (конец VIII века) и «Плавании Майль-Дуйна» (записано в конце XI века).

Святой Брендан — аббат, и его заставляет пуститься в плавание уже не женщина, а племянник Баринт, рассказавший о чудесном острове, где живут одни монахи, и об острове, предназначенном святым, где растут все растения, а все камни драгоценны, и вообще все настолько прекрасно, что вернувшись с этого острова Баринт ничего не мог ни есть, ни пить 40 дней. Услышав этот рассказ, святой Брендан избрал из общины 14 братьев и сказал им: если на то будет Божья воля, то не отыскать ли им эту землю, обетованную святым? После продолжительного поста братия спустилась на воду, и корабль поплыл в «сторону солнцестояния» (то есть на запад). Брендан и его монахи плыли долго, попадая на самые разные острова (причем один раз за остров они приняли огромную рыбу Ясконтия, развели на ней костер и чуть не утонули). Один из монахов навсегда остался на острове отшельников, другого демоны утащили на остров, посреди которого была гора, извергающая дым и пламя. Они посетили остров, где все деревья и травы плодоносили, и в воздухе стоял чудесный аромат, словно в доме, полном гранатов. Остров без растительности, покрытый металлическим шлаком, где жили ужасные кузнецы,

и каждый из них стал швырять огромные куски руды в корабль, так что едва удалось спасти святому Брендану и другим инокам. Остров отшельника Павла, который прожил в одиночестве 90 лет и должен был во плоти ожидать Судного Дня, и многие другие.

Во время праздника апостола Петра вода в море была настолько чистой, что когда они посмотрели вниз, то увидели огромное множество зверей на дне, страшного вида, толпящихся там и касающихся головами. Братья испугались и просили своего аббата, чтобы он молча отслужил мессу, но тот только сказал им, что Господь наш Иисус Христос может усмирить любое одушевленное существо, и стал, напротив, петь как можно громче. При звуках его голоса звери заволновались, и всё их множество пришло в движение. А как только месса закончилась, звери, как будто испугавшись чего-то, бросились прочь от корабля.

Видели они во время своих путешествий и Иуду, который сидел посреди моря на грубой и безобразной скале, и волны накрывали его с головой. Он сказал путникам, что обычно находится в преисподней, где его истязают вместе с Иродом, Пилатом, Анной и Каиафой, но его отпускают на землю по воскресеньям, а также от Рождества Христова до Богоявления, от Пасхи до Пятидесятницы, и в дни Сретения и Успения. Святой Брендан даже вымолил для Иуды временную отсрочку мучений.

И когда прошло семь лет, они вдруг оказались перед пеленой тумана; их провожатый с Птичьего острова сообщил монахам, что туман окружает землю, которую они ищут все это время. Они высадились на остров, ели плоды деревьев, и пили воду из источников. По прошествии времени перед ними явился отрок, который радостно поприветствовал их и сказал, что они не могли сразу обнаружить землю обетованную, так как Господь желал показать им множество тайн в океане. Отрок велел им взять с собой столько плодов и драгоценных камней, сколько вместится на корабль. Он также объяснил им, что земля эта откроется для наследников святого Брендана, когда начнется гонение на христиан. Разрешил он и загадку всегда зрелых плодов — ведь они все время на свету, а ночь здесь никогда не наступает, потому что свет этот и есть Христос.

Сделав все, как им было сказано, святой Брендан и его монахи отправились домой, и там вскорости святой отдал душу Богу.

Еще один герой «иммрама» — Майль Дуйн. Его плавание напоминает авантюрный роман. Майль Дуйн появился на свет в результате того, что воин Айлиль Острие Битвы во время набега напал на монахиню, аббатису женского монастыря, и силой овладел ею. Вскоре сам он умер в результате нападения викингов, а ребенок, рожденный монахиней втайне, был отдан на воспитание королеве, давней подруге инокини.

Майль-Дуйн был силен и отличался мастерством в боевых искусствах. Однажды некто, желая оскорбить его, сказал, что он не знает ни отца, ни матери. После этого Майль-Дуйн не давал покоя королеве, пока та не призналась, что отцом его был Айлиль Острие Битвы. Тогда Майль-Дуйн вместе со своими молочными братьями, королевскими детьми, отправился на родину своего отца, чтобы получить наследство.

Там клирик сообщил ему, что Айлиля убили разбойники из Лайгиса, куда можно добраться только морем, и Майль-Дуйн стал собираться в дорогу, чтобы отомстить за отца. Буквально через два дня они увидели остров с двумя замками, и из одного из них доносились вопли человека, хвастающего тем, что он убил Айлиля Острие Битвы, и ничего ему за это не было. Не успели они обрадоваться, что так быстро нашли убийц, как поднялся сильный ветер и отнес их от острова.

Так начались приключения Майль-Дуйна. Они были опаснее, чем у Брендана с его спутниками. Их то хотели съесть гигантские муравьи, то животное, похожее на коня, с лапами, как у пса, но с твердыми копытами. Жуткие и странные существа встречались им в дороге. Так, видели они зверя, который то бегал быстрее ветра по острову, то устремлялся на самое высокое место и становился там головой вниз. При этом он то вращался сам внутри своей кожи, то вращалась только кожа, а тело и кости

оставались неподвижными. Иногда эти животные были довольно безобидными: скажем, красные свиньи, бродящие в саду с деревьями, усыпанными золотыми яблоками. Когда они хотели есть, то ударяли по дереву задними ногами, и яблоки падали. По ночам свиньи прятались в пещеры, а на остров прилетали птицы есть яблоки. Майль-Дуйн и его товарищи хотели собрать и себе яблок, но это оказалось сложно, так как свиньи были огненными животными и нагревали землю до раскаленного состояния. Все же людям удалось собрать некоторое количество плодов.

Некоторые острова в принципе были не опасны для жизни, но таили в себе скрытую угрозу. Таков был остров, где все, что находилось на одной стороне, становилось черным, а все, что попадало на другую сторону — белым.

Встретились им на пути целых два острова с отшельниками. Один жил вместе с говорящими птицами, что ожидают Судного Дня, а у другого был источник, из которого он питался. Источник этот по средам и пятницам струил сыворотку или воду, по воскресеньям и дням святых — молоко, а в большие праздники пиво и вино. Третий тоже оказался отшельником, но не по своей воле. Он был поваром при церкви из Тораха и рыл там могилы. Кроме того, он много воровал и собрал себе множество добра. Однажды, хороня некоего мертвеца, наш герой услышал, что тот не велит класть его над дурным

человеком, но желает быть похороненным в другом месте, а взамен обещает вечную жизнь в обители Божьей. Повар исполнил то, что ему сказали, и вскоре, нагрузив корабль наворованным добром, отправился в плавание. Корабль его остановился посреди моря, и некий человек, явившись ему, сказал, что окружает его толпа демонов, и если хочет он избавиться от них, пусть бросит все сокровища свои в море. Так он и поступил, и поселился на скале, а Господь посылал ему пищу. Этот отшельник предсказал им, что они найдут убийц Айлиля. Он также велел Майль-Дуйну простить убийц своего отца, ибо и их помиловал Господь, а они все грешники и заслуживают смерти.

Так же, как и Брендан, Майль-Дуйн теряет нескольких спутников. Первый брат умер в замке волшебного кота, когда хотел взять золотое ожерелье. Второй сгинул на острове черных плакальщиков— там жили люди с черной кожей и сетками на головах, которые беспрестанно стонали. Жребий выпал ему выйти на берег, и как только он сделал это, то кожа его тут же почернела, и он так же стал стонать. Еще двое сошли на берег, чтобы спасти его, но и их постигла та же участь. Тем не менее, их спасли, и когда они вернулись на корабль, то не могли вспомнить, что с ними было. Они говорили только, что ступив на землю жуткого острова, они должны были вести себя как все. Третий же, ступив на остров беспрестанно игравших

и смеявшихся людей, стал немедленно делать как они, и не стал возвращаться на корабль.

Кончились скитания Майль-Дуйна и его спутников так: они увидели морскую птицу из числа тех, что водятся в Ирландии, и отправились за ней. Опять увидели они остров убийц Айлиля, и высадились там, однако не стали мстить, но вместе пировали и веселились. Затем Майль-Дуйн и все его люди вернулись домой.

В этом рассказе больше всего фантастических деталей, и хотя путешествие не достигает своей цели, Майль-Дуйн и его спутники спасают свои души. Старец-отшельник очень простыми словами доносит до диких ирландцев мысль о том, что надо поступать с другими так же, как Бог поступает с ними самими: «Все вы достигнете родины, и человека, убившего твоего отца, о Майль-Дуйн, ты найдешь в замке перед собой. Но не убивай его, а прости, ибо Бог сохранил вас всех среди великих и многих опасностей, а между тем все вы грешники и заслуживаете смерти»*.

Во всех «имбрамах» путешественники передвигаются с острова на остров. Постоянно повторяется, что на некоторых островах время течет по-другому. Пересекая водное пространство, ты оказываешься как бы в другом мире, существующем по другим законам.

Схожие черты можно увидеть и в истории паломничества в Чистилище св. Патрика. Там

* Перевод А.А. Смирнова.

также надо пересечь водное пространство озера, попасть сначала на остров, где живут монахи, а затем уже с их помощью — на остров Чистилища. На втором острове ты попадаешь в иной мир, где время течет по-другому, и покидаешь его преображенным.

Таким образом, можно видеть, что Чистилище святого Патрика совмещает в себе традиции как ирландского паломничества, так и ирландского странствия в иной мир. Паломничество туда неминуемо будет отличаться от всех остальных паломничеств к реликвиям или к местам, связанным с жизнью Иисуса Христа, Девы Марии и святых.

Более того, Чистилище находилось так далеко от торных путей, что посетить его случайно, по дороге куда-то еще, тоже не представлялось возможным. Совершали это паломничество только те, кто осознал огромную тяжесть своих грехов и хотел еще при жизни искупить их, или же те, кто желал, чтобы это паломничество было поставлено им в особую заслугу.

В связи с малым количеством таких путешественников, в Средние века рядом с островом Чистилища не возникло ни ярмарки, ни продажи сувениров. Не были сюда проведены дороги, не были выстроены величественные храмы, вмещавшие множество народа.

Время для всего этого придет только в XIX веке, но сейчас мы рассмотрим рассказы

немногочисленных средневековых смельчаков, не испугавшихся сложного пути и не побоявшихся спуститься в Чистилище, и узнаем, зачем им это понадобилось.

Георгий Гриссафан — а был ли рыцарь?

Первый паломник, о котором мы знаем что-то определенное, — полупоупендарный Георгий Гриссафан. «Видение Григория» — рукопись, написанная близ Авиньона августинским монахом приблизительно в 1355 году. Несмотря на то, что рукопись была изначально написана для клерикальной аудитории (о чем свидетельствуют многочисленные сложные для восприятия мирянами философские и богословские пассажи), вскоре она была переведена на многие европейские языки и пользовалась большой популярностью.

В тексте излагается история молодого венгерского воина-наемника. В южной Италии идет война. Венгерский король Людовик Великий (1326–1382) делает Георгия капитаном в Апулии, отвечающим за многие города и крепости, в том числе за Трани и за крепость Каноса-ди-Пулья. На этом посту Георгий вел себя чрезвычайно жестоко и несправедливо, убивал сам и отдавал приказы убивать — всего погибло по меньшей мере 350 человек. Однажды ночью Георгий, лежа без сна, ужаснулся своим грехам и решил в дальнейшем бросить военное поприще. Наутро, пешком, в сопровождении всего лишь одного слуги,

он отправился в Авиньон, в котором тогда находился римский папа и его двор. Рыцарь хотел получить отпущение грехов, но та епитимья, которую ему назначили, показалась Георгию слишком мягкой. Тогда он решил отправиться в паломничество к Сантьяго-де-Компостела, а затем остаться там и вести аскетический образ жизни, пока не почувствует, что его ужасные грехи действительно прощены. В тексте специально подчеркивается, что для Георгия очень тяжело было идти в Сантьяго пешком, так как он привык ездить верхом. Дойдя до Сантьяго, он спросил у местных клириков, есть ли какое-то уединенное место, где он может остаться, и они отправили его в горы, где он пять месяцев провел недалеко от церкви Санта Мария Финистьерра. С ним все еще был тот самый слуга, и все пять месяцев он провел на хлебе и воде. А после этого он решил отправиться в Чистилище святого Патрика, будучи наслышан об этом месте и многочисленных его чудесах. Снова пешком он пересек Гасконь, Наварру. Францию, приплыл в Англию, а оттуда уже достиг Чистилища. Там он претерпел различные мучения и имел видения (ниже мы приведем их).

Чтобы придать истории достоверность, известный автор переписывает шесть писем.

1 — письмо архиепископа Ричарда Фитцральфа из Армаха, вероятно от 19 февраля 1354 года, но, возможно, написанное одной или

даже двумя неделями ранее, адресованное «Георгию из Венгрии», «жителю Апулийской области, пилигриму Господню и св. Патрика». В письме утверждается, что в предыдущий понедельник на вечерне, Фитцральф получил от архидьякона Армаха письмо о том, что Георгий не мог ждать прибытия архиепископа дольше вторника; что архиепископ тогда отправился в путь в середине ночи, прибыл в Дандалк и находится теперь в Дромискине, приходя в себя после долгого путешествия. Он просит Георгия не лишать его плодов откровения и прибыть в Дромискин или еще куда-то по своему выбору и побеседовать с архиепископом о тех вещах, о которых ему разрешено говорить. И что если ему нужны лошади, то архиепископ их пришлет.

2 — письмо-патент от архиепископа, удостоверяющее, что Георгий, молодой человек почти 24 лет от роду и благородного венгерского происхождения, как удостоверено в письмах госпитальеров, прибыл к нему за помощью в проезде к Чистилищу святого Патрика. Ему были даны письма, обеспечивающие безопасный проезд, и затем архиепископ получил свидетельства от епископа Клохера и приора и монастыря Лох Дерга, что Георгий вошел в Чистилище и завершил свое паломничество. Оный Георгий также принес в этом клятву в присутствии архиепископа. Это письмо написано в Дромискине 22 февраля 1354 года.

3 — письмо с той же датой, адресованное архиепископом его племяннику и тезке, ректору

церкви в Трине, канонику Эмли. Оно повторяет информацию из второго письма и добавляет, что отец Георгия был жителем Неаполя, хотя и венгерского происхождения, и что Георгия в паломничестве сопровождал один слуга. Архиепископ также рассказывает племяннику, что беседа, к которой он так стремился в письме №1, состоялась, и что Георгий рассказал ему много всего, открытого ему ангелом в Чистилище, и касательно живых, и касательно мертвых; тех, кто спасен, и тех, кто погиб. В конце письма Фитцральф говорит своему племяннику, который, по-видимому, находился в то время в Авиньоне, что он может показать это письмо-свидетельство «своим господам, кардиналам».

4 — письмо-патент, видимо, то, которое упоминает Фитцральф в письме своему племяннику. Написано приором Павлом и монастырем «острова Чистилища святого Патрика в клохерском диоцезе», датировано кануном дня св. Николая (т.е. 7 декабря) 1353 года. Письмо удостоверяет, что Георгий, сын господина Гриссафана, венгерского рыцаря, совершил паломничество в Чистилище, где испытал различные мучения, а после этих мучений к нему явился архангел Михаил, пробывший с ним один день, в конце которого препроводил Георгия в рай. Приор сообщает, что полностью удовлетворен состоянием совести и исповедью Георгия и считает, что тот истинно видел Чистилище и многие чудеса.

5 — письмо-патент от Николаса Мак Кахаса, епископа Клохера «у края земли», датированное кануном Рождества 1353 года, повторяющее свидетельства приора и призывающее поверить опыту Георгия, который, по-видимому, провел Рождество с епископом.

6 — письмо-патент Джона де Фроуика, приора госпиталя св. Иоанна Иерусалимского в Килмайнхэме, недалеко от Дублина. Он пишет о том, что прочел письма приора и епископа Клохерского и свидетельствует, что тоже верит, а также призывает всех читающих верить, что оный Георгий действительно побывал в Чистилище и претерпел там разные мучения. Это письмо датировано следующей средой после праздника обращения апостола Павла, то есть 29 января 1354 года.

У современного читателя все эти верительные грамоты могут вызвать смутное подозрение — зачем понадобилось так напирать на то, что рассказ Григория Гриссафана достоин доверия? Очевидно, что рукопись эта не так проста, как кажется, и является не обычным рассказом о чудесах и видениях иного мира, а чем-то большим. Очевидно также, что она создавалась или по прямому заказу, или под сильным влиянием архиепископа Армаха Ричарда Фитцральфа (около 1300–1360).

Ричард Фитцральф был отнюдь не серым провинциальным клириком. Магистр теологии и бывший вице-ректор Оксфордского университета, декан Личфилдского собора,

ода архиепископ Армаха (с 1346 года), автор двух богословских трактатов, известный проповедник и противник нищенствующих орденов, он был хорошо известен при папском дворе. Сохранился его дневник, который он вел с 1344 года, записывая в кратком виде свои проповеди.

Трижды Фитцральф был при авиньонском папском дворе (последний раз в 1349–51 годах), а во время четвертого своего визита (1357–1360) там и скончался. От этого деятельного мужа вполне можно ожидать, что он захотел подогреть на континенте интерес к Чистилищу святого Патрика.

Во время своего третьего пребывания при папском дворе в Авиньоне (1349–1351) он развернул кампанию по популяризации культуры св. Патрика. Так, в 1351 году он добился от папы разрешения даровать индульгенцию всем паломникам, которые посетят собор Армаха 17 марта, а мы знаем, что индульгенции были одним из важнейших мотивов, сподвигавших паломников в путь. В 1354 году, когда Гриссафан предположительно прибыл к папскому двору в Авиньоне, там был племянник архиепископа, также по имени Ричард Фитцральф, скорее всего и поспособствовавший тому, чтобы опыт Георгия получил письменную форму и был издан в виде книги.

Существовал ли Гриссафан на самом деле — вопрос такого же рода, как существовал ли на самом деле рыцарь Овейн из «Трактата о Чистилище

святого Патрика». Очевидно, что какая-то фигура стояла за этим персонажем, но пока ученым не удалось найти следов этого человека. В любом случае, если бы его не было, то Гриссафана стоило бы выдумать. Такой же рыцарь, как Овейн, смелый, жестокий, имеющий на душе тяжелые грехи, за которые необходимо понести епитимью — идеальный герой для трактата, пропагандирующего путешествие в Чистилище и духовные выгоды, которые можно от такового путешествия получить.

Некоторые исследователи полагали, что за именем Гриссафана скрывался венгерский рыцарь Георгий Бечеи, кастелян Левице и наместник Барса. Позже он стал членом корпуса королевских телохранителей и кастеляном Шашова и Вышеграда. В 1348 году Георгий принимал участие в итальянской кампании Людовика Великого, и в хронике Яноша Кюкюллеи говорится, что именно ему было поручено убить Карла I, герцога Дураццо в 1348 году. И хотя нет никаких свидетельств о том, что Бечеи путешествовал в Ирландию, в церкви св. Иакова в Жельезовце сохранилась фреска, посвященная его посмертной судьбе (илл. 45). Так мы можем лучше представить себе среду, из которой вышел загадочный Гриссафан, поместить его тревоги и надежды в определенный контекст.

Основной текст рукописи составляет описание видений Георгия. После исповеди, 15 дней

Илл. 45 — Жельезовце (Словакия), церковь св. Иакова. Спор за душу рыцаря, около 1388 года. В центре изображен умирающий, чья душа покидает тело через рот и имеет облик ребенка. На свитке у нее в руках — просьба ко Христу о спасении. Внизу свои права на душу заявляют ангел и демон, выше Дева Мария просит Иисуса, а Иисус просит Бога Отца, и Отец отвечает, что не откажет Сыну ни в чем. Ангел в верхнем левом углу держит свиток со словами «Хранитель добродетелей отпускает грехи», а неизвестная святая в правом углу указывает на свою надпись, гласящую «Посмотри сюда, грешник, здесь Сын посредник». Надпись в самом низу сообщает, что фреску заказала Маргит в память о своем отце.

поста и пяти дней отпеваний и заупокойных месс, Георгий и prior аббатства отправились на маленький остров, где дверь в Чистилище была завалена огромными камнями, которые, по словам priора, уже 30 лет никто не сдвигал с места. Георгий, перекрестившись, легко сдвинул эти камни, и prior своим ключом открыл дверь. Георгий вошел туда в трех белых туниках, с обнаженной головой, босой и неподпоясанный. В руки ему дали крест святого Патрика и заперли на сутки.

В пещере Георгий оказался на лестнице, ведущей вниз и спустился на глубину примерно

полтора миль. Он шел в полной темноте, не чувствуя ничего, кроме ступеней под ногами. Затем он взмолился к Господу, прося дать немного света, чтобы оценить, сколько еще надо спустаться. По его молитве появился слабый свет, напоминающий свет заходящего солнца, он светил сверху, как бы из небольшого отверстия. Георгий, ободрившись, продолжил свой путь, и у последней ступени нашел маленькую дверь. Отворив ее, он оказался на совершенно пустынной равнине, без растений или камней, с одной-единственной тропинкой. Она привела его к сияющей белизной часовне, через которую он должен был пройти, войдя в одну дверь и выйдя в другую. Разочарованный отсутствием отшельника, Георгий перед входом помолился о том, чтобы ему была дарована какая-то духовная помощь, и немедленно из другой двери появились три старца, схожие друг с другом, как три пчелы, с бородами до пояса.

Они спросили его, что он ищет, и он ответил: благодати Господа Иисуса Христа, святых и Девы Марии. На это один из старцев ответил, что невозможно помочь ни одной душе, мучимой в чистилище, и нельзя созерцать эти мучения. Однако Георгий смиренно настаивал на том, что с помощью Божией ему все возможно. Видя его настрой, один из старцев повел его в часовню, благословил и на ухо сообщил о том, что его ждет — видения, иллюзия, искушения, демоны. С демонами надо сражаться знаком креста

и Иисусовой молитвой. Он также предупредил его, что когда он подойдет к колодцу или железному мосту, и кто-то появится перед ним, того надо будет заклясть именем Христа и Его страстей, чтобы тот сказал, частью рая или ада он является. Тогда тот не сможет солгать. У этой пасти ада Георгий должен был ждать, пока не явится ангел, который сможет показать ему мучения ада и чистилища и славу рая.

Слушая эти советы, Георгий насыщался духовной радостью, проникающей во все его члены. Два других старца в это время читали вслух историю Страстей Господних. Затем они исчезли, и Георгий остался в часовне один. И началась череда видений.

1. Демоны в облике ужасных зверей. Выйдя из часовни, паломник оказался на равнине, где три тысячи демонов в облике хищных зверей извергали огонь, через который он был вынужден идти. Один из самых гнусных демонов порочил Иисуса, утверждая, что Он вовсе не воскрес, и вообще был грешником и ныне находится в аду, а вся христианская вера — безумие и коварство. Демоны обещали вернуть Георгия домой, дать ему сокровищ и высокий ранг в своем королевстве после его смерти. Но тот исповедовал веру, за что его погрузили в огонь, и он едва мог вспомнить Иисусову молитву, которая, конечно, спасла его и спугнула демонов.

2. Демоны в обличе всадников и лошадей. Георгий встречает две тысячи всадников — воинов, рыцарей, баронов, — которых он знал в прежней жизни. Они тоже критикуют христианство и превозносят мир, в котором находятся — мол, тут они проводят время за благородными занятиями, пирами и турнирами. Георгия они могут сделать королем и капитаном, если он присоединится к ним. Он произносит Иисусову молитву, и они исчезают с громом и молнией.

3. Демон в обличе красивой женщины. Георгий приближается к городу, окруженному крепостными стенами, и оттуда навстречу ему выходит прекрасная лицом и хорошо одетая женщина с короной на голове, окруженная двумястами красавицами. Впрочем, когда она подходит поближе, он замечает, что одна нога у нее коровья, а другая лошадиная. Она пытается их прикрыть, но безуспешно. Женщина тоже нападает на Христа и на веру, а кроме того упоминает о своем сиротстве и предлагает Георгию жениться на ней и быть ее заступником. Снова наш герой прибегает к Иисусовой молитве, и вот уже демоница исчезает с необыкновенно зловонным дымом.

4. Демоны в обличе купцов и торговков. Георгий входит в город, где обнаруживает огромный рынок со всякой всячиной. Когда он проходит его рядами, торговцы и торговки

комментируют его бедный вид и предлагают ему товары в кредит или даже даром, а также зовут выпить и закусить, пока он ждет изготовления одежды. Он, однако, не обращает на них внимания, твердя Иисусову молитву. Когда он проходит через город, тот прямо за его спиной проваливается в ад

5. Демоны в облике ужасных змей. Теперь Георгий видит по обеим сторонам от своей тропинки демонов, которые мучают бесчисленные души, прикованные и не способные убежать от огня. Дорогу ему преграждают огромные демоны в виде змей, изрыгающие пламя. Знак креста и молитва заставляют их исчезнуть.

6. Демоны в облике доминиканцев и францисканцев. Георгий встречает огромную процессию доминиканцев и францисканцев, которые радостно приветствуют его и говорят о необходимости перемены веры. Они называют его невеждой («laicus») и произносят речи о невозможности Боговоплощения. Здесь автор текста прерывается и объясняет читателю, что дьявол может принимать самые разные облики, в том числе самого Христа и Девы Марии. В любом случае, наш паломник поступает, как обычно. Это видение завершается пламенным обличением со стороны автора тех, кто своими коварными и запутанными речами вводит в заблуждение простых людей — например, евреев.

7. Демоны в обличе клириков и каноников. Рыцарь встречает еще одну процессию, на этот раз из каноников, священников и других клириков, поющих хвалу Господу. В конце процессии идет человек, одетый как священник, держащий в руках маленький деревянный крест размером с палец. Он приветствует Георгия «в своей епархии» и говорит, что ему уже открытием Святого Духа и милостью Иисуса Христа было открыто, что некий благочестивый мирянин придет сюда и надо направить его на путь истинный. Епископ также утверждает, что хотя Христос и был хорошим человеком, но Сыном Божиим он быть не может, ибо от такого нечистого существа, как женщина, Бог не может родиться. Если Георгий откажется от этой ереси, епископ сделает его великим правителем, своим казначеем и советником. Георгий в ответ читает Символ веры, где есть слова о вере в воскресение Христово. Епископ пускается обличать веру в воплощение и воскресение, укоряя Георгия в том, что он не знает и не понимает ни Писаний, ни тайн науки и вообще слишком молод. При этом епископ бросает крест на землю и топчет его ногами — тут уж Георгий понимает, что происходит и, перекрестившись, произносит Иисусову молитву. Епископ со свитой тут же исчезают в зловонном облаке. И снова автор вклинивается, чтобы защитить доктрину воплощения. Он объясняет, что Дева Мария еще в материнской утробе была освящена и наполнена благо-

дателью, и потому никак не может быть такой же нечистой, как остальные женщины.

8. Демоны в обличе господина Гриссафана и братьев Георгия. Далее Георгий встречается дьявола в обличе своего отца и трех своих братьев, в том числе и младшего, Стефана, которого он особенно любил. Отец радостно приветствует его, напоминая, как долго они не виделись. Он говорит, что уже мертв, и братья Георгия умерли, и здесь, в загробном мире, они в очень высоком статусе, гораздо выше того, в котором были на земле. А все потому, что когда Святой Дух сообщил им о лжи христианства, они отреклись от веры в Христа как Бога и тем самым нашли благоволение в очах Господа. Он приказывает Георгию, как отец, сделать то же самое. А если он откажется, то будет отцом проклят, кроме того, отец прямо здесь обезглавит его любимого брата Стефана. Хотя Георгий и не дрогнул перед лицом этих угроз, он более напуган и искушаем, чем в предыдущих случаях. Дрожа, он читает Символ веры, на что отец хватает Стефана за волосы и обезглавливает его. После знака креста и Иисусовой молитвы тревожное видение исчезает.

9. Демон в обличе возлюбленной Георгия. Перед отъездом из Апулии Георгий оставил свои драгоценности, в том числе три пояса, украшенных серебром, благочестивой женщине, которой

он полностью доверял. Теперь же перед ним является демон в ее обличье, в ее платье, держа в руках шкатулку с его драгоценностями. Она объясняет, что ангел Божий хотел, чтобы она участвовала в паломничестве Георгия и принесла ему ларец с его драгоценностями в качестве утешения после испытаний, выпавших на его долю. Она предлагает ему надеть один из поясов и свой роскошный головной убор, так как теперь он отправляется в рай, и ему надо выглядеть соответственно случаю. Но Георгий быстро понимает, что это обман, и его пытаются ввести в грехи тщеславия и сладострастия. Правда, сначала он пытался отказаться, используя рациональные аргументы — мол, приор сказал ему, что он должен быть в трех туниках, и вообще паломнику негоже украшать себя. Но женщина настаивает, приводя контраргументы, которым Георгий не умеет противостоять. Поэтому он просто творит знак креста и произносит Иисусову молитву, и она снова спасает его.

10. Огненное озеро. Георгий видит огромное огненное озеро, полное расплавленного свинца, смолы и серы, чрезвычайно вонючее, в котором мучаются бесчисленные души. В середине — раскаленное железное колесо, которое крутят три тысячи демонов. С каждым движением колеса тела многих несчастных рассекаются на части. Его зубцы поднимают по пятьдесят душ сразу, и затем несчастные падают кто

в расплавленную медь, кто в смолу, кто в свинец. Люди громко жалуются, а демоны насмеваются над ними. Георгий страшно напуган, но находит успокоение в Господе.

11. Дом огромных размеров. Затем Георгий видит дом, который на первый взгляд кажется ему в милю длиной и в милю шириной. Он покрыт пылающим железом или медью и заполнен огнем. Дом открыт со всех сторон, и можно рассмотреть, что происходит внутри. Он полностью заполнен разного рода котлами с кипящей серой, смолой, свинцом и т.п. В каждом котле варится двести-триста душ, которые кричат во всю мощь своих голосов, призывая на помощь Христа и святых. Рядом с домом протекает река, вода в которой в той же степени холодна, в какой жарок огонь ада и чистилища — она сравнивается с бесконечной силой смертного греха. Демоны достают души из котлов огромными раскаленными вилами, погружают их в ледяную реку, а затем снова в огонь. Георгий должен пройти сквозь этот дом, и всю дорогу он молится Деве Марии, чтобы она защитила его. Невредимым он выходит из этого места.

12. Колодец огромной глубины. Выйдя из дома, Георгий обнаруживает колодец, дна которого не видно, а внутри него находится множество горько плачущих душ. Из колодца исходит

Архангел Михаил был одним из самых популярных святых* — в Англии он уступал только святому Петру, в Уэльсе — только Деве Марии, и в Ирландии тоже достаточно следов его присутствия. (В католической традиции святыми называются все те, кто пребывает с Богом в вечности, и люди, и ангелы.) Ему были посвящены такие значимые паломнические святыни, как Мон-Сен-Мишель во Франции, Монте-Гаргано в Италии и Скеллиг Майкл в Ирландии. Связь архангела Михаила с мертвыми была засвидетельствована еще в «Апокалипсисе Павла» (IV век): «Когда же человек покается и преставился от жизни, предается он Михаилу, и бросают его в Ахеронтово озеро, и уж затем приносит его оно ко граду Божию в соседство к праведникам»**. У Беды Достопочтенного рассказывается история об умирающем епископе Вилфриде, которому является архангел Михаил и объясняет, что сейчас он выздоровеет, но через четыре года он снова ему явится, то есть, будет вестником его смерти. Из раннесредневековых молитв тоже ясно, что к архангелу ►

* Его почитанию в Средние века посвящена масса работ на самых разных языках, в том числе и на русском (книга Ольги Добиаш-Рождественской «Культ св. Михаила в латинском средневековье», вышедшая еще в 1917 году).

** Перевод В. и М. Витковских

темный отвратительный дым. Проходя мимо него, он вдруг падает в колодец, как будто бы кто-то столкнул его. Почти достигнув дна, он вспоминает Иисусову молитву и возвращается наверх.

13. Огромная высокая гора. Затем примерно в миле от себя Георгий видит гору, вершина которой теряется в облаках. Там тоже много горько плачущих и взывающих Иисусу и Деве Марии душ. Из-за дыма и облаков душ не видно, но хорошо слышно. С горы дует холодный ветер такой силы, что мог бы унести все здания мира, даже если бы все они были превращены в одну крепчайшую башню. Движимый состраданием, Георгий читает за несчастные души молитву — не вслух, а про себя, — но в конце ее души громко отвечают «аминь» и в свою очередь читают молитву за Георгия. Так читателю наглядно поясняют, что души в Чистилище знают, кто молится за них.

14. Об адской бездне. Продолжая идти, Георгий приходит к яме огромной глубины — это адская бездна. Через нее ведет железный мост, необыкновенно острый, постоянно поворачивающийся и скручивающийся со скоростью листьев тополя на ветру, так что ни одно существо само по себе не могло бы перейти через него. Внутри ямы кипят вместе все металлы, и дым и вонь таковы, что никто, обладай он даже

жизнями всех людей на земле, не мог бы посмотреть туда и не умереть. И человеку, вступившему на мост, кажется, что ад велик как целый мир. Пораженный всем этим, Георгий встает на колени и молится.

15. Явление Архангела Михаила. Как только Георгий закончивает молиться, перед ним является ангел — в возрасте Христа, в зеленых одеяниях, с короной на голове и золотым крестом в руках. На нем зеленый плащ, подобный тому, как рисуют плащи у апостолов. Он приветствует Георгия и спрашивает, что тот ищет. Паломник отвечает, что благодати Господа нашего Иисуса Христа, на что архангел говорит, что он найдет и получит ее. Тут Георгий вспоминает, что ему сказали старцы в часовне при начале пути и трижды закликает явившегося ему. На третий раз тот раскрывает ему свое имя и подтверждает, что он из явился непосредственно из рая. Георгий целует ноги ангела. Автор трактата очень взволнован странным поведением ангела. Ведь в Откровении Иоанна Богослова ангел, наоборот, запрещает такого рода поклонение («Я пал к ногам его, чтобы поклониться ему; но он сказал мне: смотри, не делай сего; я служитель тебе и братьям твоим, имеющим свидетельство Иисусово; Богу поклонись; ибо свидетельство Иисусово есть дух пророчества», Откр 19:10) и пытается объяснить его.

Михаилу взывали, желая обеспечить себе безопасный переход через полный ужасов загробный мир, в нем видели защитника и покровителя (илл.046). Именно поэтому мы часто видим архангела Михаила взвешивающим души на Страшном суде (илл.047). Неудивительно, что Георгию является именно он. ■

Илл. 46 — Шафтсберийская псалтирь, первая половина XII века. London, British Library, Lansdowne Ms 383, fol. 168v. Архангел Михаил просит о спасении душ. На этой миниатюре огромный Михаил собрал души умерших вместе и держит их на руках, как бы протягивая Иисусу, изображенному в верхней части. Архангел представлен в роли их заступника.

Илл. 47 — Тэймаутский часослов, первая половина XIV века. London, British Library, Yates Thompson Ms 13, fol.151r. Архангел Михаил взвешивает душу умирающего. У постели умершего стоят Дева Мария и Архангел Михаил — два главных святых, на которых мог уповать человек в определении своей загробной судьбы. Михаил взвешивает его душу, а два демона пытаются помешать этому процессу и фальсифицировать результаты! Эта миниатюра расположена в начале текста поминальной службы.

Во-первых, он напоминает, что св. Иоанн был апостолом и евангелистом, то есть персоной более важной, чем ангел, а Георгий — обычный человек. Во-вторых, Георгий поклонился архангелу не как таковому, а как посланнику и заместителю Божию.

16. О различных муках в чистилище. Архангел зовет Георгия посмотреть на различные муки чистилища, сообщив ему: то, что он видел пока, — пустяки по сравнению с тем, что увидит сейчас. Они попадают внутрь огненного озера, где жар, хотя и временный, так же силен, как в аду. В этом озере Георгий видит триста видов наказаний, таких ужасных, что если бы небо было пергаментом, все звезды, листья и травинки на земле — писцами, все морское побережье — чернильницей, а все ангелы использовали бы звезды, листья и травинки, чтобы писать — и то этого было бы недостаточно, чтобы передать весь бесконечный ужас этих мучений. Все души в этом озере выглядят так, как в жизни, и на них надета их обычная одежда. Можно узнать королей и королев, пап и кардиналов, клириков. Каждому определенному греху полагается особое наказание. Например, среди ленивых особо упоминаются монахи и монахини, которые не могли проснуться к утренней службе или пропустили чтение часов (молитв, которые читаются в определенное время суток) из-за своей лени. Автор видений попутно объясняет некоторые детали — например, про вид душ. Конечно, они не могут получить свое тело обратно до всеобщего воскресения, однако принимают свой земной вид, чтобы Георгий своими телесными глазами мог увидеть их. Он также напоминает, что муки чистилища отличаются от адских только своей длительностью и временным

характером, разъясняет, каким образом души, лишенные своей телесности, могут все-таки телесно страдать, и приходит к выводу, что это происходит сверхъестественным образом, чтобы могло свершиться божественное правосудие. Автор цитирует Аристотеля и богослова Иоанна де Лана (умер в 1350), и в целом это довольно сложное объяснение, предназначенное тем, кто разбирается в богословии.

17. О мучении душ в Чистилище. Георгий видит разных людей в чистилище. Он узнает свою мать и некоторых друзей в огне. Его мать слишком далеко от него, и он не может поговорить с ней, но они нежно смотрят друг на друга, как и полагается тем, кто объединен не только естественной любовью, но и любовью во Христе. Георгий очень рад тому, что мать спасется, но опечален тем, что происходит с ней прямо сейчас. Архангел также назвал ему имена некоторых людей, которые находятся в чистилище, но из них в трактате упоминаются всего три: Роберт Анжуйский (1275–1343), с которым связана война в Южной Италии, откуда Георгий убежал, король Франции Филипп VI (1293–1350), «недавно скончавшийся», и Альфонсо XI, король Кастилии (1311–1350). Они также видят большой котел, в котором никого нет и не будет, так как когда-то в нем святой Патрик претерпевал покаяние в течение семи лет. Пока они стоят и смотрят на души, с неба слетает еще один ангел

и утешает мучимых напоминанием о том, что в грядущем их ожидает вечный покой. Михаил говорит Георгию, что это утешение происходит каждую неделю (илл. 48).

18. Об аде и проклятых. Архангел Михаил за руку приводит Георгия к адской яме. Все еще держа его за руку, он ведет его через мост. Под

Илл. 48 — Ангел утешает души в чистилище. Германия, XV век. Cleveland Museum of Art №1923.266. Ангел подлетает близко к мучающимся в огне душам и почти касается их руками.

их ногами мост перестает двигаться и начинает расширяться, что похоже на одно из мучений Овейна. На середине моста они останавливаются, и по приказу архангела раскрывается ад (илл. 49). Там гораздо больше демонов, чем в чистилище, — автор сравнивает их с количеством мух на трупе, которые собрались на свой пир. Георгий и Михаил видят множество евреев, сарацинов, язычников, еретиков и плохих христиан. В аду и душ гораздо больше, чем в чистилище. Если мы разделим мир на четыре части, говорит нам автор, то окажется, что три четверти его прокляты, ведь они населены

Илл. 49 — Нарбонна (Франция), Собор Сен-Жюст-э-Сен-Пастёр. Адская пасть. В Средние века вход в ад часто изображали в виде жуткой львиной пасти, как бы пожирающей души. В центре сидит Сатана, слева от него висит Иуда, как архигрешник; из Деяний апостолов мы знаем, что он повесился и при этом «выпали все внутренности его» (1:19). По обеим сторонам от Сатаны стоят котлы с грешниками, в глубине видны еще фигуры.

язычниками и неверными. Более того, и Европу мы можем разделить на две неравные части — одну составляют христиане, а другую евреи, сарацины и еретики, и с такими расчетами выходит, что только одна пятая человечества может спастись. Конкретные люди не называются, хотя говорится, что Георгий узнал многих, а Михаил еще и сообщил ему имена многих других.

19. О лужайке великой красоты. Когда путники сходят с моста, он снова сужается и начинает двигаться. Георгий спрашивает архангела, могут ли души в аду когда-нибудь обрести жизнь вечную, и тот отвечает, что Христос, будучи самым могущественным царем во вселенной, может одной своей волей уничтожить ад или, оставив ад на месте, забрать оттуда все души и ввести их в свою славу. Однако Он не делает этого и не сделает никогда, поскольку они все приговорены к мучениям справедливо. После этого они попадают на красивейшую лужайку, конца которой не видно.

20. Лес. После лужайки Георгий видит лес несказанной красоты, где цветут цветы и поют птицы. Он решает, что это рай, и не может себе представить, что рай может находиться в каком-то другом месте.

21. Золотая стена и райские врата. Архангел Михаил объясняет, что птицы суть ангелы,

принявшие форму птиц, а лес — не рай, но предчувствие его, который Господь захотел показать Георгию, чтобы тот начал постепенно понимать, что такое рай. Далее они видят сияющую золотую стену большого города. Большие ворота закрыты и как будто охвачены огнем. Однако это оказывается не огонь, а сияющий свет, смотреть на который радостно. Архангел тут же объясняет, что стена и ворота — райские, но не небесного рая, а его образа, так как ангелы и души святых, будучи духами, не могут быть увидены телесным зрением. Поэтому для того, чтобы Георгий мог их увидеть, им было разрешено принять телесный образ. Тем не менее, увидеть Бога или славу святых Георгию будет невозможно, только образ рая. После этого архангел Михаил берет нашего паломника за руку и велит воротам открыться.

22. О входе в рай и о том, как он выглядел.

Внутри стен Георгий видит огромную равнину. Посреди нее возвышенность, образующая алтарь. Не видно ни одной живой души, ни травинки, ни деревца — повсюду лишь драгоценные камни. Глядя на них, можно забыть голод, жажду, все несчастья и вообще всю память о нашем мире. По сравнению с этим местом наш мир ужасен и отвратителен — в первую очередь из-за грязи греха, причем грязь эта оскорбляет Бога больше, чем ад, так как ад уже неисправим, а наш мир исправим.

Илл. 50. Братья Ван Эйк. Гентский алтарь. Фрагмент. Закончен ок.1432 года. Собор святого Бавона, Гент. Вокруг источника жизни и Агнца художники распределили святых по категориям, совсем как в видении Георгия. На боковых панелях слева подходят воины Христовы и праведные судьи, справа отшельники и паломники. На центральной панели слева сверху мученики, слева внизу языческие философы и еврейские пророки. Справа сверху — мученицы, справа внизу апостолы и остальные мужчины-святые.

23. О процессии святых ангелов. Георгий видит множество ангелов в облике юношей, которые поют «Свят, свят, свят», — обычную песнь ангелов, хотя каждый их чин имеет еще свои собственные песнопения и гимны, как и святые. После этого они формируют процессию, причем нижние чины идут впереди. Ангелы увенчаны золотыми коронами с драгоценными камнями.

24. О процессии святых людей. Затем он видит множество святых, распределенных на девять чинов: патриархи, пророки, ученые (doctores) Ветхого и Нового заветов, апостолы,

евангелисты, апостолы от семидесяти, мученики, исповедники, девы. Они увенчаны коронами, в подробностях описывается, как они были одеты (илл. 50).

25. О возвышении Георгия. Внезапно архангел берет Георгия и помещает его на возвышение в середине равнины, как на алтарь. Отсюда он наблюдает за тем, что происходит, — и рассказывает нам о процессии, подобной той, которая происходит во время папской коронации. Различные награды святых обсуждаются с богословской точностью. Георгий не

может увидеть разницу, так как на его взгляд все святые одинаково прославлены, но автор трактата объясняет ее.

26. О том, как открылись небеса. Архангел велит Георгию взглянуть наверх, и тот видит, что небеса раскрылись и яркий свет, как огонь, льется из отверстия. Внутри этого огня паломник может разглядеть огромный и прекрасный дворец с двумя тронами. На одном, повыше, сидит король, на другом — королева. Михаил объясняет, что Георгий видит это по особой благодати Божией, телесным взором, так же, как видел небо первомученик Стефан. Георгий спрашивает, нельзя ли ему попасть на небо, но архангел велит ему довольствоваться тем что есть, тем более, что в часовне, в самом начале пути, сам Господь преподал ему некую науку — ведь он встретился с тремя старцами, которые, на самом деле, были тремя ангелами, представляющими Троицу.

27. Просьбы паломника. Георгий впадает в подобие экстаза, но ангел встряхивает его и спрашивает, хочет ли он остаться здесь или вернуться к несчастьям мира. Тот, конечно, отвечает, что предпочитает оставаться здесь, в обществе святых. Однако Михаил тут же сообщает ему, что это невозможно. Во-первых, потому что тот образ рая, в котором они сейчас находятся, эфемерен по своей природе и через день исчезнет. Во-вторых, потому что Георгий смертен. Он предлагает па-

ломнику попросить о чем-то другом, более выполнимом. И тогда Георгий, стоя на алтаре на колоннах, просит о четырех вещах: 1) чтобы ему избежать мук ада; 2) чтобы ангел открыл ему, сколько он еще проживет; 3) чтобы ему было открыто, что можно сделать, чтобы его мать поскорее вышла из чистилища; 4) чтобы архангел Михаил заступился за него перед Богом в деле спасения матери. Михаил отвечает, что первое его желание удовлетворено Богом, второе же необычно: никому раньше не рассказывалось о сроке его жизни. Однако так как Бог особо возлюбил Георгия, то и оно удовлетворено — после выполнения неких поручений Георгий проживет совсем немного и попадет в рай. Рассказчик сообщает, что сам Георгий знает точное время своей смерти, но не уполномочен рассказывать об этом никому. Что касается третьего желания, то архангел перечисляет разные средства помочь душе матери: мессы, молитвы, милостыня (материальная и духовная). Автор трактата использует этот повод для обсуждения самых разных богословских вопросов: например, он объясняет, что хотя месса и обладает бесконечной ценностью, но никто, кроме тех, кому сам Бог открыл, не знает, как именно Господь засчитывает ее при освобождении души из чистилища. Он также обсуждает, чем созерцательная жизнь выше активной, семичастное деление духовной милостыни и иные вопросы. Что же касается четвертого пожелания о заступничестве, то архангел Михаил обещает

не только сам просить Бога, но и обеспечить заступничество других ангелов и даже самой Матери Божией.

28. Поручения паломнику. Архангел Михаил дает Георгию поручения к следующим персонам: 1) Ричарду, архиепископу Армахскому, примасу (то есть, главному епископу) Ирландии; 2) Королю Англии Эдварду III и его матери королеве Изабелле; 3) Королю Иоанну II Французскому; 4) Папе Иннокентию VI; 5) Султану Вавилонскому. Подробностей рассказчик не знает. Выполнил их Георгий или нет — тоже непонятно. Однако есть намеки: примас Ирландии должен вернуть в лоно Церкви некий большой город, на который он несправедливо наложил интердикт (запрещение служить мессы, крестить и отпевать людей, венчать пары), короли Англии и Франции должны склониться к миру (шла Столетняя война), папа должен тоже поспособствовать этому миру и к тому же дать абсолюцию (отпущение грехов) некоему князю, который давно умер, а с султаном предполагалось говорить о христианстве. Этот большой город, отлученный от Церкви, — видимо, Дрогеда. 2 декабря 1352 года архиепископ Фитцральф прочел там проповедь о том, что десятину Церкви надо платить сразу же, как только получил выгоду, а не после подсчета того, сколько на самом деле заработал. Вероятно, после этого Фитцральф еще и отлучил город.

29. Окончание путешествия. Затем архангел за руку проводит Георгия к часовне, откуда тот начал свое путешествие. Когда каноники и приор и прочие приходят открыть дверь чистилища, они видят, что Георгий не один, а с каким-то человеком. Они не могут понять, кто это, но в сердцах своих думают, что это ангел. Михаил благословляет Георгия, напоминает о поручениях и исчезает. Георгий же источает такой сладкий и приятный запах, что все присутствующие, начинают срывать с него одежду, раздирать на куски и забирать себе — и возможно, они не остановились бы перед тем, чтобы содрать и его волосы с головы, но их останавливает благородный муж, которого Георгий называет Маграт и говорит, что в этих местах он звался королем (то есть гэльский владетель этого региона).

Мы не знаем, выполнил ли Георгий свои поручения, и что с ним было дальше. Несомненно одно — автор вписывает его в современную историю и таким образом история о Чистилище святого Патрика приобретает актуальное для читателей XIV века звучание

Увлекательный рассказ возымел то действие, на которое рассчитывали авторы. В XIV–XV веках остров стали посещать паломники со всего света, и среди них совершенно необычные. Вскоре в Италии появилась рукопись о приключениях некоего рыцаря Людовика из Осерра (*Lodovycus de Sur*) в Чистилище святого Патрика.

На этот раз почти нет сомнений, что это вымышленный персонаж. Текст «Видения Людовика из Осерра» известен нам по двум североитальянским манускриптам: в одном он записан на латыни, в другом на итальянском. Этот рыцарь якобы побывал в Чистилище 17 сентября 1358 года, а 1 января 1360 уже был в Риме, где диктовал свои воспоминания францисканскому монаху из Санта-Мария-ин-Арачели, но на самом деле его видения — во многом просто пересказ видений Тнугдала.

В этой рукописи упоминаются, однако, подлинные исторические фигуры, совершившие паломничество в Чистилище святого Патрика — якобы, когда Людовик вышел из пещеры, то увидел рыцаря Малатеста Унгаро с большой свитой, идущего в процессии вместе с монахами святого Патрика.

Этот же рыцарь называется в письме короля Эдварда III от 24 октября 1358 года. Король свидетельствует, что рыцарь Малатеста Унгаро и молодой человек из Ломбардии Николаус Беккари из Феррары побывали в Чистилище, были заперты под землей один день и одну ночь и претерпели множество телесных страданий. «Унгаро», то есть венгром, рыцаря звали не потому, что он был соплеменником Гриссафана. Он принадлежал к влиятельной семье Малатеста из Римини, был племянником знаменитого кондотьера Галеотто Малатеста, сыном Малатеста «Гуастафамилья», Разрушителя семьи. В 1347 году он

получил рыцарское звание от венгерского короля Людовика I, отсюда и прозвище «венгр».

У представителей рода Малатеста были сложные отношения с папами, но в 1358 году они были вынуждены подчиниться им. Унгаро отправился в Авиньон, чтобы принести вассальную клятву Иннокентию VI (1282 или 1295 — 1362), после чего он отправился в путешествие — Фландрия, Англия, Ирландия. Визит Малатеста в Чистилище также описан в книге Доменико ди Бандини из Ареццо «Liber de insulis» (Книга об островах), которая была частью его большого энциклопедического труда «Fons memorabilium universi» («Источник памятных вещей всего мира»). Бандини слегка сомневается во всей этой истории, но его упоминание подтверждает хотя бы то, что о ней знали и обсуждали ее в Италии. Также в рукописи из Библиотеки Амброзиана в Милане было найдено письмо Чекко Мелетти из Форли к Малатеста, в котором Чекко превозносит рыцаря за храбрость, за то, что тот не побоялся дойти почти до края земного и осмелился войти в пещеру, где мрачные облака окружают черную адскую пасть, — это, конечно, не историческое свидетельство, но свидетельство тому, что о паломничестве Малатеста Унгаро говорили.

Впрочем, мотивация Малатеста очень скоро обросла романтическими подробностями. В 1396 году Томмазо III, маркграф Салуццо, сидя в туринской темнице в ожидании выкупа, коротал время за написанием романа «Livre du Chevalier

errant» (Книга странствующего рыцаря). В нем он, в частности, рассказывает, что Малатеста был влюблен в некую Виолу Новелла из Римини, а когда ревнивый муж убил ее, то не успокоился, пока не посетил Чистилище святого Патрика, обнаружил свою возлюбленную в аду, поговорил с ней, вернулся обратно, и много рассказывал о своем путешествии.

Известна нам и личность Николауса — это Никколо Беккари или дель Беккайо, брат поэта Антонио Беккари (1315 — ок.1373). Их отец Тура был мясником (беккайо) и дал своим сыновьям образование: Никколо послали в университет. Он был солдатом и ученым одновременно, одним из его близких друзей был Петрарка. Еще молодым человеком он присоединился к свите Малатеста Унгаро и вместе с ним путешествовал по Франции, Фландрии и Британским островам. Позже он стал придворным поэтом в Праге, при дворе Карла IV, и учил будущего императора Священной Римской империи Сигизмунда (1368–1417).

Итальянский исследователь Франко Кардини, предположил, что путешествие Унгаро можно рассматривать как выражение рыцарского духа — то есть, попросту, как приключение. Путешествие Унгаро становится понятным в контексте пропаганды Чистилища святого Патрика — рыцарь появляется в Авиньоне в 1358 году, вскоре после написания «Видений Георгия». Видимо, кто-то из папского окружения предложил ему посетить ирландское святилище или же

он сам, услышав о таком удивительном месте, загорелся желанием отправиться туда. Гриссафан был похож на него — жестокий рыцарь, совершивший множество убийств, да к тому же еще и венгр по происхождению, как Унгаро был венгр по прозвищу, и во искупление этих грехов предпринявший далекое паломничество. Неудивительно, что и Малатеста оказался вдохновлен этим примером.

Как бы то ни было, ни Унгаро, ни Беккайо не оставили нам свидетельств о том, что пережили во время паломничества.

В 1365 году Чистилище посетили некто Гвидо Чисси и Джон Бонэм, но об этих людях ничего не известно, кроме их имен (они упоминаются в рекомендательном письме, написанном в Даунпатрике Майло Свитменом, архиепископом Армахским, 15 марта 1365 года. В этом письме архиепископ просит приора Чистилища святого Патрика помочь Джону Бонэму и Гвидо Чисси, направляющимся на остров для спасения своих душ).

И только через тридцать с лишним лет в Чистилище появляется следующий паломник, сведения о котором дошли до нас.

Рамон де Перельос, рыцарь без страха и упрека

Каталонец Рамон де Перельос оставил нам один из самых интересных и привлекательных средневековых рассказов о паломничестве в Чистилище

святого Патрика — «Viatge al Purgatori de Sant Patrici». Написанное на каталонском языке в 1397 году, оно чем-то напоминает волшебную сказку, а чем-то авантюрный роман.

Рамон был одним из приближенных короля Хуана I Арагонского, по прозвищу Охотник (1350–1396). Этот король покровительствовал искусствам, но пренебрегал государственными делами. Умер он внезапно, упав с лошади на охоте, — как поговаривали, он был до смерти напуган представшей пред ним огромной волчицей-оборотнем.

Перельос провел детство во Франции, где был пажом Карла V. Он оставался там до смерти этого владыки в 1380 году, а затем вернулся в Арагон, где служил сначала Педро IV Церемонному, а когда тот скончался (в 1387 году), — его сыну. Рамон достиг больших высот. В 1390 году он стал управителем Русильона, а в 1403 — Авиньона. Но нам важны не столько его карьерные успехи, сколько такая черта его личности, как неумное любопытство. Все детство он слушал рассказы рыцарей о тех чудесных и опасных местах, в которых они побывали, и самым большим его желанием было тоже отправиться в путешествие. Предоставим здесь слово ему самому:

«Известно, что всякий любит узнавать о странных и чудесных вещах, и естественно, что вещи эти более приятны, когда ты можешь увидеть их сам, чем только слушать рассказы о них. Поэтому я, — воспитанный в юности моей королем

Франции Карлом, заботам которого мой отец, бывший при нем адмиралом и казначеем, поручил меня, — был при дворе, вместе со всеми рыцарями и дворянами его королевства и других христианских королевств, охоч слушать о чудесных, разных и странных вещах, что существуют в мире. И я решился увидеть эти вещи сам, чем слышать о них от многих и многих рыцарей. Я немедленно отправился на поиски приключения в этом мире, и прошел через все земли христиан, неверных и сарацинов, и других сект, существующих на земле — и был всюду, куда только человек в состоянии попасть в пределах разумного. И так, по милости Божьей, я увидел большинство странных и изумительных вещей, о которых мне говорили или описывали мне, и на земле, и на море, и я могу засвидетельствовать эти вещи, так как я видел их собственными глазами. Я претерпел большие опасности и трудности, истратил многие богатства и на земле, и на море, и меня брали в плен как христиане, так и сарацины»*.

Неудивительно было бы, если бы такой человек, как Рамон де Перельос, отправился в Чистилище святого Патрика из чистого любопытства. Но не так все просто. По своем возвращении в Арагон Рамон стал любимцем Хуана, тогда бывшего еще принцем. Они разделяли общий интерес к литературе и искусству. Де Перельос много путешествовал, и Хуан часто просил его

* Текст «Путешествия в Чистилище святого Патрика» Рамона де Перельоса цитируется по книге Medieval Pilgrimage...

привезти из путешествий ту или иную книгу. В 1378 году Рамон был на Кипре, и Хуан писал ему с просьбой привезти рукопись «О чудесах Святой Земли», а в 1379 году, навестив замок Перельоса в Перпиньяне, король писал Рамону, что нашел там столь прекрасный манускрипт с романом о Ланселоте, что решил забрать его. 13 августа 1386 года король написал Рамону в Париж, что хотел бы получить рукопись с историей о том, как рыцарь вошел в Чистилище святого Патрика: «Мы просим тебя послать нам, посредством доверенного лица, полную историю того рыцаря, который, как ты говорил, отправился в чистилище святого Патрика, и о том, что он видел, и что случилось с ним в том чистилище; ибо мы серьезно настроены узнать об этом...». Скорее всего, речь идет о трактате Генри из Солтри, или же о какой-нибудь из французских версий его, но возможно, что Хуан и Рамон читали «Видения Георгия» или даже «Видения Людовика из Осерра».

Рукопись была доставлена, и она была прочитана как королем, так и его приближенным. Когда Хуан I скончался столь внезапно, в голову Рамона пришла мысль отправиться в Чистилище, о котором они читали, и увидеть собственными глазами не только и не столько безымянных грешников, но своего усопшего короля. Очевидно, что Хуан не успел перед смертью исповедаться и не имел никаких шансов попасть прямо в рай. Возможность того, что король

может оказаться в аду, преданный Рамон предпочитал не рассматривать. Об отношениях Рамона де Перельоса и Хуана I Арагонского нам говорит следующая фраза из «Путешествия»: «Долгое время я был его любимцем, и я был любим им так сильно, как только слуга может быть любим господином. Я знал, что он сильно любит меня, и поэтому я любил его так, как только слуга может любить господина — так сильно, что не было ничего в мире, чего я не сделал бы для него».

Итак, Рамон отправляется в путь не из чистого любопытства, но из-за любви и преданности. В то время он находится на службе у папы Бенедикта XIII (1328–1423), и тот не хочет отпустить полезного ему дворянина. Но де Перельос вынуждает папу все же дать ему благословение, и начинает свое трудное путешествие.

В своей книге он подробно описывает этапы пути: в Париже он запасся рекомендательным письмом к английскому королю, и поэтому его хорошо приняли в Лондоне. Без приключений он пересек английское королевство (хотя шла Столетняя война, но вторая ее волна — Каролинская — закончилась, а третья — Ланкастерская — еще не началась) и, оказавшись в Чeshire, зафрахтовал корабль, чтобы плыть в Ирландию. Когда Рамон прибыл в Ирландию, он завел знакомство с графом Марч, кузеном английского короля Ричарда II (1367–1400), к которому у него были рекомендательные письма. Граф принял его

весьма радушно, но узнав о цели путешествия, всячески отговаривал, приведя два довода. Первый состоял в том, что придется ехать очень долго и проезжать через земли, населенные дикими неуправляемыми людьми, которым человек не может доверять, второй же — в том, что многие добрые рыцари уже входили в Чистилище святого Патрика и не возвращались оттуда. Увидев, что Рамон непреклонен, граф Марч дал ему лошадей, драгоценности и двух людей в сопровождающие — Джона Деври и Джона Талбота, которые оплачивали все расходы и переводили с ирландского. Они сопроводили Рамона к архиепископу Армахскому в Дрогеде. Снова повторилась та же история — архиепископ принял гостя весьма радушно, но не советовал ему входить в Чистилище святого Патрика, говоря, что кроме опасности, которая ожидает в самом этом месте, никто не может гарантировать безопасности де Перельоса в землях короля О'Нила и других владык, которые ему придется пересечь на пути к Чистилищу. На все описания ужасов, ожидавших его, Рамон де Перельос твердо отвечал, что он не оставит своего замысла. Когда архиепископ понял, что не может переубедить каталонца, он принял у него исповедь, причастил его и добыл у короля О'Нила письмо, которое могло помочь ему в пути. С новым переводчиком и сотней вооруженных мужчин де Перельос выступил из Дрогеды.

Проехав часть пути, он встретился с королем О'Нилом и провел при его дворе некоторое

время. Ирландские обычаи показались ему весьма необычными, и он описывает их подробно. Быт ирландцев произвел на него впечатление очень бедного, несколько раз он упоминает о скудости стола и о том, что ирландцы не пьют вина и не едят другого мяса, кроме говядины. Отмечает он и то, что жилища подданных О'Нила — временные, подобно жилищам варваров на землях султана.

Наконец, Рамон достиг города, который он называет Ла Проссесио (ученые думают, что это Термон Маграт, а сам Рамон объясняет странное название так: в этом городе никогда не наносили вреда ни одному пилигриму), в пределах которого было озеро, на котором и располагалось Чистилище святого Патрика. Приор монастыря стал, по обычаю, советовать нашему дворянину не входить в подземный мир — ведь там подвергается опасности не только тело, но и душа, и многие так и умерли в пещере. Увидев решимость Рамона, они проделали над ним все то, что полагается проделывать над больным и ожидающим смерти, и затем повели его в составе процессии к церкви, продолжая уговаривать его одуматься и лучше стать монахом во искупление своих грехов, чем подвергать себя такой страшной опасности. За Перельоса была отслужена заупокойная месса. Он составил завещание и отдал его своему племяннику, который путешествовал вместе с ним. Де Перельоса спросили, где он хочет быть по-

хоронен, на что он отвечал, что ему все равно. Последнее предупреждение рыцарю дали, открыв ворота Чистилища, и он, попросившись со всеми, вошел в опасное место. Вместе с ним вошел некий лорд Уильям де Корси (вероятно, де Куси или де Курси). Приор сказал, что спутники не должны разговаривать друг с другом. Рамон де Перельос вспоминает, что сердце его было исполнено страха, но желание узнать, что случилось с его господином, а также возможность искупить свои грехи, были сильнее страха.

Совершив крестное знамение, они вступили внутрь. Когда наш рассказчик очутился внутри, и дверь была закрыта за ним, то, сделав два шага, он понял, что пространство закончилось. Наощупь стал он искать какую-нибудь дыру или дверь, чтобы идти дальше, но ничего не было. Вдруг он начал падать и страшно испугался. Упав куда-то, он почувствовал, что хочет спать, но через некоторое время силы вернулись к нему, он сказал слова, которым научил его приор («Christi filii dei vivi miserere mei», Христе, Сын Бога живого, смилуйся надо мной), и увидел, как пещера раскрылась. Он пошел вперед и тут потерял своего компаньона.

Далее Рамон описывает чистилище очень похоже на рассказ Овейна. Единственное значимое отличие состоит в том, что среди мучимых грешников он встретил не только своего короля Хуана, но и свою племянницу, которая

была еще жива, когда он покидал Арагон, и знакомого ему францисканца. Племянница находилась в чистилище из-за неумеренного пользования косметикой, брат Франциск — из-за того, что соблазнил однажды монахиню (и Рамон специально добавляет, что брат Франциск уже на земле принес покаяние и загладил свой грех, иначе быть бы ему не в чистилище, а в аду). Причины пребывания в чистилище Хуана Арагонского де Перельос не захотел раскрыть, но дал совет всем владыкам, буде им случится прочесть сию рукопись: пуще всего опасайтесь совершить несправедливый суд. Рамон был весьма рад, что король и знакомые ему лица находятся уже на пути к спасению, несмотря на все ужасные муки, которым их подвергали.

Вернулся к воротам Рамон целым и невредимым. Там он встретил своего компаньона, де Корси, которому порядком досталось от злых духов. Один из двенадцати монахов-вестников Божиих торжественно объявил паломникам, что они теперь очищены от всех грехов и должны поскорей возвращаться к дверям, иначе приор, не найдя их, уйдет. Они пошли, и дойдя до стены, не знали, что им делать дальше. Затем они заснули, и были чудесным образом перенесены к воротам, где их встретил приор.

Обратное путешествие через Ирландию и Англию в Париж, а затем и в Авиньон к Папе прошло для Перельоса без приключений.

Он заканчивает свою рукопись призывом ко всем раскаяться и очиститься от грехов перед смертью, чтобы не подвергаться тем ужасным мучениям, которые он описал выше.

Не стоит воспринимать историю Рамона де Перельоса как какой-то акт индивидуальной доблести, независимый от того, что происходило вокруг. После смерти Хуана Арагонского один из его приближенных, известный поэт и гуманист Бернат Метже (родился между 1340 и 1346, умер в 1413) написал произведение под названием «Сон» (1399). Писал он его в тюрьме, куда его посадила новая королева Мария де Луна вместе с другими приближенными покойного монарха. «Сон» — это прозаический диалог между самим Метже и явившимся ему призраком Хуана Арагонского, своего рода защита от обвинений в том, что Бернат был каким-то образом вовлечен в убийство короля.

В первой части король и его бывший слуга обсуждают философские вопросы: что есть душа, а что дух, в чем состоит смысл религии, нравственность людей и др. А во второй части Хуан рассказывает, как после смерти был обвинен в том, что поддерживал церковную схизму, и как Бог постановил, что вместо того, чтобы поддерживать Климента VII и Бенедикта XIII (двух конкурирующих пап), ему надо было бы вовсе воздержаться от вмешательства. Дева Мария вступилась за него, так как он поддерживал введение праздника ее Непорочного зачатия

(1394), и тогда Бог вынес приговор: Хуан останется в чистилище, пока схизма не закончится. Хуан также сообщает, что его отец Педро IV Церемонный и мать, Элеонора Сицилийская, находятся в раю.

Как и Метже, Рамону де Перельос были предъявлено обвинение в государственной измене. Вероятно, его путешествие в Ирландию — такая же попытка очистить себя от подозрений. Он покинул Авиньон 8 сентября 1397 года, и был во Франции, в Реймсе, на торжествах в честь императора Венцеслава в марте 1398 года. Судя по датам, скорее Метже был вдохновлен поездкой Рамона де Перельоса, чем Перельос диалогом Метже. В любом случае — запись о потустороннем опыте и встрече с бывшим королем, будь то в Чистилище или в тюрьме, оказывается удачным ходом. Оба каталонца были оправданы и приближены к новым правителям. Метже стал королевским секретарем, а Рамон, как мы видели, выполнял самые различные дипломатические поручения.

Уильям Стрэнтон: огненное говно и дети-мучители

В 1406 (по другим данным, в 1409) году Чистилище святого Патрика посетил англичанин Уильям из Стрэнтона. Он оставил свидетельство о бывших ему видениях, которые сохранились в двух рукописях, хранящихся в Британской би-

библиотеке*. Рукописи немного отличаются, и видно, что обе они частично копируют утраченный оригинал.

Об Уильяме мы знаем только то, что он рассказывает сам. Он был родом из даремской епархии (Стрэнтон — приход к югу от Хартлпула), то есть из северной Англии. Он ничего не говорит о своем происхождении, о том, почему задумал и как осуществил путешествие в Ирландию. Очевидно, его путь был не таким долгим и сложным, как у предыдущих паломников, явившихся из более далеких областей.

Приор Мэтью совершил все необходимые ритуалы, обучил паломника Иисусовой молитве и оставил его в пещере. Там Уильям задремал, а затем увидел свет и две фигуры в белом — мужчину в одеянии каноника и женщину в одеянии монахини. Он тут же перекрестился и прочитал молитву, на что они улыбнулись и пожелали ему хорошего пути. Каноник предупредил Уильяма о том, по какой тропинке ему идти, и о том, что он встретит множество демонов. Затем он рассказал, что его самого знают в краях Уильяма как Джона из Бридлингтона, а с ним его сестра Хильда из Уитби — то есть, Стэнтон-северянина встречают северные святые. Джон Твендж, он же святой Джон из Бридлингтона, умер в 1379 году и был канонизирован в 1404, незадолго до путешествия

* Ms Royal 17 XLIII, Ms Additional 34193.

Стэнтона. Его святилище привлекало множество паломников. Святая Хильда (ок. 614–680) — одна из первых английских святых, которую называют даже духовной матерью английского народа. Святой Джон говорит Уильяму: «Ты часто приходил ко мне и к моей сестре»; очевидно, Уильям ежегодно совершал паломничества в Бридлингтон и Уитби (где находилось святилище святой Хильды).

Итак, Уильям отправляется в путь, и первым делом видит мужчин, которые не дают ему пройти на правильную, правую тропинку, якобы заботясь о его благосостоянии. Тем не менее, молитва и знак креста делают свое дело, и они разлетаются в разные стороны. Дальше страшные многоголовые и многоязыкие демоны так пугают его, что он забывает обо всем, но спасен вмешательством св. Хильды, которая называет его «безумцем» и велит все время держать в уме страсти Господни.

Затем Уильям снова встречает уже известных ему святых, а также свою умершую сестру в компании мужчины, которого она любила, но не смогла выйти за него замуж, так как брат ей запретил. Она упрекает его в этом, рассказывая, что им было предназначено быть мужем и женой и родить трех детей, но из-за Уильяма этого не случилось. Святой Джон присоединяется к упрекам и объясняет, что это смертный грех — мешать мужчине и женщине вступить в законный брак, пусть даже они сильно разнятся по

социальному статусу, и в этом грехе Уильям должен раскаяться, когда вернется на землю и понести епитимью.

Затем святой Джон показывает Уильяму мучения душ в девяти разных огнях, причем каждый огонь очищает от одного греха. В первом мучаются те, кто предавался тщеславию гордости и пышных одежд — на них золотые и серебряные воротнички, одежда с модными разрезами, колокольчики, длинные рукава, шлейфы, украшенные жемчугами и драгоценными камнями. Эту одежду постоянно срывают с них змеи, жабы, драконы и другие ужасные звери, а затем, горящую, засовывают им в рот, нос и просто кидают на их тела. Драгоценные камни превращаются в своего рода гвозди, которые грешникам забивают прямо в тело.

В остальных огнях мучаются те, кто клялся телом Христовым, Его ранами, руками и другими частями тела Христова — их разрывают на части, а потом соединяют с помощью расплавленного металла. Тех, кто ходили в таверны и смотрели спектакли в праздничные дни, набивают грязью, как мешки. Тем, кто не почитал родителей, в лицо бросают огненное говно. Грабители и те, кто занимался мошенничеством с завещаниями, мучимы с помощью тех вещей, которые они украли или присвоили — например, конокрадов кусают и разрывают на части лошади. А на тех, кто незаконноприсвоил себе землю, падают огромные горящие холмы,

деревья и скалы. Убийцам отрубают головы, а тела до неузнаваемости истязают. В восьмом огне блудники подвешены за разные части тела: кто согрешил действительно — за гениталии, кто в сердце — за сердце, кто глазами — за глаза и т.д. В последнем огне находятся те, кто не наказывал своих детей. Сами же дети и бьют их, одновременно признавая, что родители были к ним добры и нежны.

Далее Уильям приходит к скале, где души пожираемы драконами, жабами и змеями. Это сплетники и злоязычники.

Все остальные мучения, которые Уильям увидит, предназначены для клириков. В двух башнях, огненной и ледяной, находятся епископы и прелаты, которые должны были проповедовать мирянам и подавать им пример, а вместо этого позволяли им жить расслабленно и роскошно. В другом огне страдают монахи и монахини, которых пожирают отвратительные ядовитые звери, появляющиеся из их собственных пальцев рук и ног.

Затем Уильям видит своего дядю, приходского священника, который умер 16 лет назад. У того вынули язык и сердце, раздробили на куски и бросили ему в лицо. Он находится в компании таких же священников, которые не проносили мессу каждый день.

В огромном вонючем доме отдельно находятся клирики, которые тратили деньги на собственные нужды вместо того, чтобы поддерживать

церкви в приличном состоянии, и не заботились о своих прихожанах. Их рты полны молью и личинками, выползающими из огромных кип одежды. Их побивает град, который в свое время проходил через дырявые крыши их церквей.

Наконец, последнее мучение предназначено для епископа и консисторских клириков, идущих по широкому мосту, который под ними падает — они построили мост для простых людей, но сделали это из тщеславия и на деньги, полученные от взяток.

Этим видением заканчивается часть откровений, касающихся наказаний. Уильям, конечно, спрашивает, как помочь душам, на что святой Джон отвечает, что надо заказывать мессы, поститься, читать молитвы, раздавать милостыню за них. Все эти дела облегчают страдания, как добавление холодной воды в кипяток смягчает его жар.

Затем Джон исчезает, и Уильям остается один у глубокой и внушающей ужас реки. Уильям ищет мост, усыпанный шипами (о котором он, видимо, читал в видении Тнугдала), но не находит его. Зато он слышит ужасные голоса демонов, опять теряется и забывает молитву, и вновь только вмешательство святой Хильды спасает его. Он идет вдоль реки и на другом берегу видит только огромную скалу. Наконец на том берегу появляется высокая башня, и на вершине ее находится прекрасная женщина. Уильям

становится на колени, молится, а когда поднимает глаза, то от башни к нему протягивается лестница. Сначала он не может подняться по ней, так как ее ступени слишком острые, и тогда женщина бросает ему веревку. Он обвязывается ей и уже не чувствует боли. Сопровождаемый жуткими криками демонов он поднимается на башню, благодарит женщину, и та говорит ему, что это та самая веревка, которую он давным-давно пожервовал ограбленному в пути купцу. Таким образом, Уильяма спасает сделанное им когда-то доброе дело.

Кто эта женщина, непонятно. Вместе с Уильямом они выходят из башни, и видят, что снаружи земля чистая и прозрачная как хрусталь, трава не растет, но есть самое прекрасное дерево в мире, и запах вокруг лучше, чем во всех лавках пряностей вместе взятых. На дереве сидят разные птицы, поют прелестные песни. Чем дальше они идут, тем веселее и лучше становится на душе у Уильяма. Они встречают процессию монахов и священников, одетых в белое, которые приветствуют паломника как брата. Они благодарят его за каждое хорошее дело, которое он сделал в своей жизни — даже за свечу, которую он зажег в церкви перед образом некоего святого.

Уильям, конечно, хочет остаться в раю, но епископ говорит, что его время еще не наступило. В качестве компенсации он предлагает посмотреть, как судят после смерти одну аббатису. Бедной женщине зачитывают все ее

прегрешения (тщеславие, слишком много спала, слишком хорошо ела, слишком хорошую одежду носила и пр.), а когда она защищается и говорит, что исповедовалась перед смертью, сообщают, что епитимью-то она не успела совершить, так что будет мучиться в чистилище до Судного дня.

После этого епископ благословляет Уильяма, и тот без приключений выбирается обратно.

Видение Уильяма очень сильно отличается от того, что видели до него Овейн, Георгий и Рамон, да и сам он отличается от предыдущих паломников. Оно самое оригинальное и почти не заимствует мотивов из путешествий Овейна и Георгия. Сам Уильям явно не благородного происхождения, но дальше мы можем только гадать — мирянин ли он, монах, приходской священник — все это одинаково возможно. В любом случае его рассказ свидетельствует о том, что Чистилище святого Патрика в начале XV века было известно среди сравнительно простых людей и не было только экстравагантным местом паломничества для особо смелых рыцарей.

Лоренс Ратхолд и Антонио Маннини, случайные спутники

В 1411 году, примерно через пять лет после путешествия Уильяма, в Чистилище попали два необычных паломника, вместе совершивших путешествие по Ирландии. Это Лоренц Тари, венгерский

аристократ, и Антонио Маннини, итальянский купец. Лоренца Тари в английских источниках называют еще Лоренс Ратхолд из Пасто, и в нашей книге будут встречаться оба варианта его имени. Выше мы рассказывали о том, что одним из паломников был итальянец Никколо Беккайо. Позже он стал учителем будущего императора Сигизмунда, и, возможно, рассказывал тому о своем путешествии. Именно Сигизмунд выдал Лоренцу рекомендательное письмо для его паломничества — в нем он называет рыцаря управляющим двором своей жены, Барбары Цилли. Лоренц Тари-Ратхолд — историческая фигура, и мы знаем, что позже, в 1413 году, Сигизмунд поручил рыцарю съездить с дипломатической миссией в Венецию, а в 1414 году он сопровождал императора на рейхстаг в Нюрнберге.

Сохранилась бумага, выданная архиепископом Армаха 12 ноября 1411 года и удостоверяющая, что Ратхолд-Тари провел день в Чистилище. Также сохранился «Мемориал»*, продиктованный самим Тари королевскому нотариусу Джеймсу Йонгу в Дублине, и описывающий его опыт в Чистилище. Видимо, Тари взял с собой оригинал этой рукописи в Венгрию, а в Ирландии осталась копия. Йонг сообщает, что записал все по итогам длительных разговоров с рыцарем, которые они вели, пока тот ожидал в Дублине возможности вернуться на родину. 2 апреля 1412 года король

* British Library, Ms Royal 10 B 9

Генрих IV выдал ему разрешение покинуть королевство. Позже, в XVI веке, о путешествии Лоренца были написаны в Венгрии две поэмы, одна на латыни, другая на венгерском.

Историки неоднократно высказывали мнение, что паломничество рыцаря было просто прикрытием для некоей дипломатической миссии. Насколько мы знаем, Тари не нужно было искупать какой-то тяжкий грех. (Вспомним, что Георгий Гриссафан был отягощен 350 убийствами!) В отличие от кающихся, Ратхолд путешествовал с помпой: в Дублин он прибыл со своими слугами и герольдами. Скорее всего, Сигизмунд, отправляя Тари в Ирландию и Англию, хотел заручиться согласием далеких христиан на то, чтобы низложить трех пап, авиньонского, пизанского и римского, и на новом церковном соборе выбрать одного, но не хотел афишировать свои цели раньше времени, поэтому послал не официальное посольство, а секретного агента. В конце концов план императора осуществился: Констанцкий собор 1414–18 годов положил конец церковному расколу. Что касается Тари, то по поручению императора позднее он побывал с секретной миссией в Венеции (в 1413 году) — там он должен был убедить Серениссиму (так торжественно титуловали город) вместе с Сигизмундом обратиться против турок.

Тем не менее, если паломничество и было прикрытием, то каким-то уж очень сложным — Ратхолд не только осуществил его, но еще и оста-

вил запись своих видений. Причины, которые он называет Йонгу, таковы: избавиться от сомнений, пересказать своему господину императору все о чистилище святого Патрика в деталях (возможно, тот хотел проверить рассказы, слышанные им в юности от Беккайо) и испытать на себе чудеса ирландских святых. Сомнения, о которых уклончиво говорит Лоренц, могли быть связаны с разворачивавшейся в то время на территории современных Чехии, Словакии и Венгрии гуситской пропагандой (среди прочего, гуситы отрицали существование чистилища).

Итак, Ратхолд прибыл в Дублин осенью 1411 года и первым делом отправился в собор, где поклонился посоху святого Патрика — с помощью него святой, среди прочего, изгнал змей. Посетив архиепископа Армаха Николаса Флеминга (управлял епархией с 1404 по 1416) с письмом от императора Сигизмунда, он получил от того письмо к приору. О дальнейших событиях мы знаем по «Мемориалу».

После длительного путешествия с остановками он прибыл на Лох Дерг, где приор попытался отговорить его — многие погибли или сошли с ума, и надо иметь полную веру в Иисуса Христа и очистить себя постом и молитвой, прежде чем спускаться в пещеру. Постился венгр, правда, всего пять дней, что в «Мемориале» объясняется как практическими соображениями (слишком хрупкое телосложение паломника), так и символическими (в память о пяти ранах Христа).

Сам приор отвез Лоренца на остров. Там его переодели в белое и отпели. Интересно, что в Чистилище Лоренц имел с собой свечу, разделенную на девять частей, а вокруг шеи у него висело нечто вроде ожерелья из четырех кусочков Креста, перевязанных кусочками трех туник Иисуса. При себе у него была книжечка с покаянными псалмами.

Рыцарь вошел в пещеру в «шестой час Мартинова дня» (т.е. где-то в 13.00 11 ноября 1411 года) и оставался там до «сумерек следующей ночи», т.е., очевидно, до вечера того же самого дня. Йонг описывает многочисленные видения Лоренца — сначала на него напали демоны, которые рвали на нем одежду, затем его соблазнял дьявол в обличье ученого пилигрима, уверяя в том, что Иисус не Сын Божий, но соблазнитель людей, наконец, к нему подступила женщина, которую Лоренц когда-то страстно желал. Все это он преодолел силой молитвы, и тогда ему явился красивый юноша — архангел Михаил. Он правильно свидетельствовал о вере, и Лоренц поведал ему. Михаил сказал, что он покровительствует Ратхолду, поскольку тот построил церковь в его честь в своем родном городе. Лоренс простерся перед ним ниц и попросил показать души своих родных и благодетелей, чтобы он мог знать, где они находятся, в аду или чистилище. Итак, Михаил открыл тайный вход в Чистилище, и они спустились туда по спиральной лестнице. В Чистилище они увидели огненную долину с му-

чимыми душами, и в некоторых из них рыцарь узнал своих родных, но не всех. Когда он поинтересовался судьбой некоего любимого человека, Михаил сказал, что это пока скрыто от него.

Лоренцу было сообщено, что дважды в неделю, в воскресенье, когда Сын Божий родился, и в пятницу, когда Он умер, Михаил лично спускается к душам в Чистилище, чтобы утешать их. Рыцарь был поражен тем, что души, за которые он и другие вот уже двадцать лет заказывают мессы и раздают милостыню, все еще мучимы, а ангел ответил, что удивляться тут нечему, ведь написано в Откровении Иоанна Богослова, что «дела их идут вслед за ними» (14:13). Не надо прекращать заказывать мессы и делать добрые дела в их пользу. Это явно взято из текста Гриссафана, где тема добрых дел во спасение душ в чистилище раскрывается более подробно.

Когда они вернулись в пещеру, Лоренц хотел поцеловать ноги ангела, но тот запретил ему — «не касайся меня, ты не достоин», — благословил его и исчез.

Позднее, когда Йонг спрашивал Лоренца, испытал ли он все эти видения телесно или только духовно, тот отвечал, что он не знает, а знает только один Бог. Но ему кажется, что скорее телесно, так как он сжег все девять частей своей свечи к тому моменту, как вышел из Чистилища.

Как мы уже говорили, Ратхолд прибыл на Лох Дерг не один. В Дублине к нему присоединился

Антонио ди Джованни Маннини, флорентийский купец, с 1410 года находившийся в Ирландии по торговым делам. О своем паломничестве Антонио написал в письме лондонскому другу Корсо ди Джованни Рустики. Письмо было датировано 25 февраля 1412 года и передано в Лондон с помощью того же Лоренца Ратхолда. А Корсо, в свою очередь, переслал это письмо брату Антонио по имени Сальвестро, который получил его во Флоренции 12 апреля 1412 года и, переписав и снабдив вступлением и послесловием, сохранил среди других семейных бумаг.

Антонио Маннини еще в Италии знал о существовании Чистилища святого Патрика и намеревался посетить его сразу по прибытии в Ирландию, но сначала его отговорил римский священник Антонио да Фоча, который там уже побывал. Мол, это не для слабых физически людей; и добавил еще какие-то причины, о которых Маннини, впрочем, умалчивает. Тем временем, его торговые дела шли не очень хорошо. Антонио пишет, что через год жизни в Ирландии он остался совсем без денег. В общем-то, он даже пытался уехать из Ирландии (в письме Корсо Рустики от 8 июня 1411 года он упоминает об этом), но так как не было ни денег, ни попутного ветра, остался в Дублине. Он находился там и тогда, когда в столицу с помпой вступил Лоренц Ратхолд. Маннини пошел навестить венгерского аристократа и имел с ним длинную беседу. Сильно впечатленный его набожностью,

он решил присоединиться к Лоренцу в его паломничестве на Лох Дерг. В письме он пишет, что когда увидел человека, который ради спасения души отправился на край света из столицы христианского мира, ему стало стыдно за то, что он находится совсем близко от святого места, но печется только о мирском.

Два паломника покинули Дублин 25 сентября 1411 года. Маннини надеялся совершить паломничество за три недели, но из-за «опасностей дороги и многих других причин» он вернулся в Дублин только через три с половиной месяца. Из рассказа Джеймса Йонга о путешествии Ратхолда мы понимаем, что это за «другие причины» — им пришлось остановиться в Армахе (или Дромискине), чтобы нанести визит прима-су и получить обязательное рекомендательное письмо к приору, затем в Даунпатрике, чтобы поклониться мощам св. Патрика, св. Бригитты и св. Колумбы. Ратхолд провел здесь несколько дней, в посте и молитве. Лох Дерга они достигли только 4 ноября 1411 года.

По прибытии Маннини исповедовался приору и начал обычный пост на хлебе и воде. Но приор разрешил продолжать пост только три дня, поскольку становилось уже очень холодно. Поэтому Маннини вошел в Чистилище уже 7 ноября. Он поднялся на рассвете, снова исповедался, выслушал мессу и причастился. Затем он прослушал вторую мессу — мессу Благовещения, которую служил для него некий каноник брат

Корна и красные воды озера.

Согласно Тирехану, который писал в конце VII-го века, как-то раз святой Патрик провел на вершине горы Кро Патрик 40 дней и 40 ночей, и «птицы мешали ему, так что он не мог видеть ни неба, ни земли, ни воды». В «Трехчастном житии» (X век) птицы прямо называются демонами. Святой Патрик прогнал их, бросив в них колокол, и демоны покинули Ирландию на семь лет, семь месяцев, семь дней и семь ночей. Позже, когда паломничество на Лох Дерг стало популярным, у этой истории появилось неожиданное продолжение. Рассказывали, что после того, как святой Патрик кинул колоколом в птиц-демонов, они полетели к отверстию в северной части горы. Но одна из них, мать дьявола по имени Кора (Саorthannach — Огненная), ускользнула. Она полетела на озеро, которое с тех пор называется Лох на Корра, расположенное к югу от Кро Патрик. Святой преследовал ее, но она улетела дальше, на Лох Дерг, где он и убил ее. Ее кровь окрасила воды озера, и с тех пор оно называется Лох Дерг, то есть «Красное озеро». В XVII веке Филипп О' Салливан Беар написал, что святой Патрик согнал всех зловердных животных на Кро Патрик. Оттуда он изгнал некоторых на дно морское, некоторых в пещеру в самой горе, некоторых на острова близ побережья Ирландии, а некоторых — «на остров Пловцов, которому дали имя демонов». Он добавляет: «На самом ▶

Джон. Затем последовали ритуальные отговорки и увещевания передумать, и наконец приор проводил Антонио к воде, поцеловал и благословил его. На остров Чистилища купца повез в маленькой лодочке тот самый каноник Джон. Антонио был уже босым и с обнаженной головой.

Подплывая к острову, они увидели огромную черную птицу, которую и Маннини, и каноник приняли за дьявола в птичьем обличье, причем Джон не преминул рассказать своему спутнику легенду о Корне. По этому преданию, в былые времена люди, которые посещали Чистилище святого Патрика, исчезали навсегда. Патрик скоро понял, что виноват в этом демон Корна, который успешно соблазнял всех пилигримов, и попросил у Господа разрешения на то, чтобы обратить демона в черную птицу, навсегда привязанную к озеру, но вынужденную покидать остров, как только туда прибывает христианский паломник. Однако, добавил каноник, если при приближении лодки Корна издает своего рода трубный звук, то это знак того, что приближающийся паломник проклят, и душе его нет спасения. Ту же самую легенду передает и Джеймс Йонг в своем рассказе о визите Ратхолда. На счастье, птица не издала никаких звуков при приближении Маннини, и паломник был рад отделаться испугом.

Выходя из лодки, бедный итальянец упал в воду. Он счел чудом, что хотя его одежда промокла снаружи, изнутри он остался сухим, не пострадала и маленькая книжечка в его кармане.

Каноник тут же воспользовался этим несчастным случаем и Вновь попробовал отговорить Антонио от входа в Чистилище, но тот остался тверд. Первым делом на острове они пошли в маленькую часовню, где Маннини велели преклонить колена перед алтарем. Его переодели в белое, а затем, вложив крест в руки, Джон велел ему лечь на пол и так, надлежащим, произнес заупокойную мессу — как если бы Маннини и в самом деле был мертв.

После этого каноник отвел паломника к двери в Чистилище (в пяти шагах от часовни) и там сделал последнюю попытку отговорить его. Когда она не удалась, Антонио окропили святой водой, благословили и заперли в пещере. Все еще держа в руках распятие, Маннини остался в полной темноте, а каноник покинул остров. Первое, что он увидел в темноте, был огромный черный паук, исчезнувший при произнесении имени Господа. Вот как итальянский паломник описывает место своего заточения:

«Место это в ширину составляет три фута, в длину девять футов [примерно один метр на три — Д.Х.]. Оно достаточно высоко для человека, который стоит на коленях, но встать в полный рост там невозможно. Оно в точности как гроб, со сводом снаружи, а к югу, по направлению к часовне, есть «возвращение» [видимо, коридор — Д.Х.] длиной в три фута — там приор и велел мне оставаться, молиться и ждать»*.

* Цитируется по книге Medieval Pilgrimage...

деле демонический остров окружен озером. Имя озера — Дерг...». Возможно, эта традиция существовала уже в XII веке и послужила источником информации для Геральда Уэльского, когда он написал, что «часть острова оставлена во владение злым духам».

Другая легенда, объясняющая название озера «Дерг», то есть «Красное», связана с именем ирландского языческого героя. Самый популярный ее вариант такой. Жила однажды в Ирландии старая колдунья, у которой был сын великан. Ведьма знала свойства всех трав и умела готовить сильный яд. Она варила его в серебряном горшке, и сын ее окунал туда свои стрелы, так что они наносили смертельные раны. Ее звали Ведьма-с-одним пальцем, потому что у нее было всего по одному большому и гибкому пальцу на каждой руке. В то время королем Ирландии бы Ниалл. Он созвал своих друидов и спросил их, как ему избавиться от ведьмы и ее сына, ибо они доставляли ему много неприятностей. Друиды отвечали, что только один из фениев, то есть воинов, может убить чародейку, и что ее можно уничтожить только серебряной стрелой. Король послал за Финном мак Кумалом, который вместе со своими соратниками обещал убить зловещую пару. Воины нашли их, когда те собирали опасные травы на холме в Восточном Манстере. С нею был горшок, в котором она варила травы. Голл мак Морна пустил в нее стрелу, промахнулся и перевернул горшок, из которого ►

вытекла смертельная жидкость. Чтобы избежать падения, великан схватил свою мать и забросил ее через плечо, но Финн послал серебряную стрелу, и та пронзила сердце колдуньи. Великан понесся со своей ношей с огромной скоростью и достиг гор До-негола. Там он остановился перевести дыхание и обнаружил, что от его матери остались только ноги, спина и две руки — остальные части тела отвалились, когда он бежал по лесам. Великан сбросил останки своей матери, побежал дальше, и никто никогда не видел его с тех пор.

Через несколько лет фении отправились на охоту в те места, где лежали кости старой колдуньи. Пока Осиан стоял и разглагольствовал над ее останками, откуда ни возьмись появился рыжий карлик. Он велел им не дотрагиваться до костей колдуньи, потому что в ее бедре был сокрыт червь, который, если когда-нибудь выберется наружу и найдет достаточно воды, чтобы напиться, сможет впоследствии уничтожить весь мир. Затем карлик исчез, но его советом пренебрегли. Конан Маол сломал бедренную кость колдуньи своим охотничьим копьем, и оттуда вылез большой волосатый червь. Конан сбросил червя в озеро, и немедленно оттуда вырвался огромный зверь, столь ужасный, что фении спрятались от его гнева. Чудище прошло по всей стране, сея разрушение и поедая сотни людей за раз.

В этих крайних обстоятельствах Финн Мак Кумал ►

Маннини произносил молитвы, как научил его приор: семь покаянных псалмов и литаний, одну молитву «Сальве Регина» и 15 молитв «Аве Мария» в честь 15 радостей Богоматери. Но во время молитвы он уснул, так что не мог сказать, переживал ли дальнейшее телесно или только душевно. Он пишет, что у него было много видений и соблазнов, но не рассказывает о них подробно, так как это он вправе сделать только во время исповеди.

Вместо 24 часов Маннини провел в Чистилище только пять. Было так холодно, что приор заволновался и отправил каноника забрать итальянца. Открыв дверь, священник обнаружил того без сознания, с телом холодным как лед, но ему удалось пробудить его. В часовне Джон снял с купца белый далматик, тот переоделся в свою одежду и — неожиданно! — последним ритуалом на острове было священное гадание, *sortes sacrae*. Каноник достал старую псалтирь и велел Маннини открыть ее наугад. Попался 13 стих из 85 псалма: «ибо велика милость Твоя ко мне: Ты избавил душу мою от ада преисподнего». Удивленный тем, насколько стих подходит к случаю, каноник произнес «Те Деум» («Тебя, Бога, хвалим»). Затем оба вернулись на главный остров, где их встретила вся община с приором во главе, приветствовала и привела в церковь, где снова прочли «Те Деум».

Маннини вернулся в Дублин с Ратхолдом, так что, вероятно, он оставался на озере до 12 ноября — именно этой датой помечен сертификат,

выданный Ратхолду приором и предназначенный для примаса Флеминга. А к середине января 1412 года Маннини уже снова был в Дублине. Все пережитое укрепило его в надежде на лучшее, на то, что его дела наладятся. Он даже предложил своему брату Сальвестро тоже приехать в Ирландию и взять с собой жену и сына. Но скорее всего, это путешествие не состоялось, а через год, 12 октября 1413 года, Антонио вернулся во Флоренцию в компании некоего ирландца.

Можно ли считать Маннини надежным свидетелем? Дважды он упоминает в своем письме Лоренца Ратхолда (именуя того на итальянкий лад «Лоренцо Ратгольди»), но его Джеймс Йонг в своем отчете не называет. С другой стороны, зачем ему называть какого-то неблагородного купчишку, примазавшемуся к свите видного аристократа? Однако есть косвенное свидетельство — рассказывая о птице Корне, Йонг говорит, что даже рыцарь Антонио видел ее. И этот Антонио, скорее всего, именно Маннини.

Антонио Маннини отправился в Чистилище не из пустого любопытства — его привели к паломничеству сложные обстоятельства в собственной жизни. Чужестранец, без денег, без друзей, он хотел обрести поддержку Бога. В своем письме брату он не скрывал и того, что большую часть времени был откровенно напуган. Благодаря его рассказу мы гораздо лучше понимаем, как чувствовали себя паломники и почему

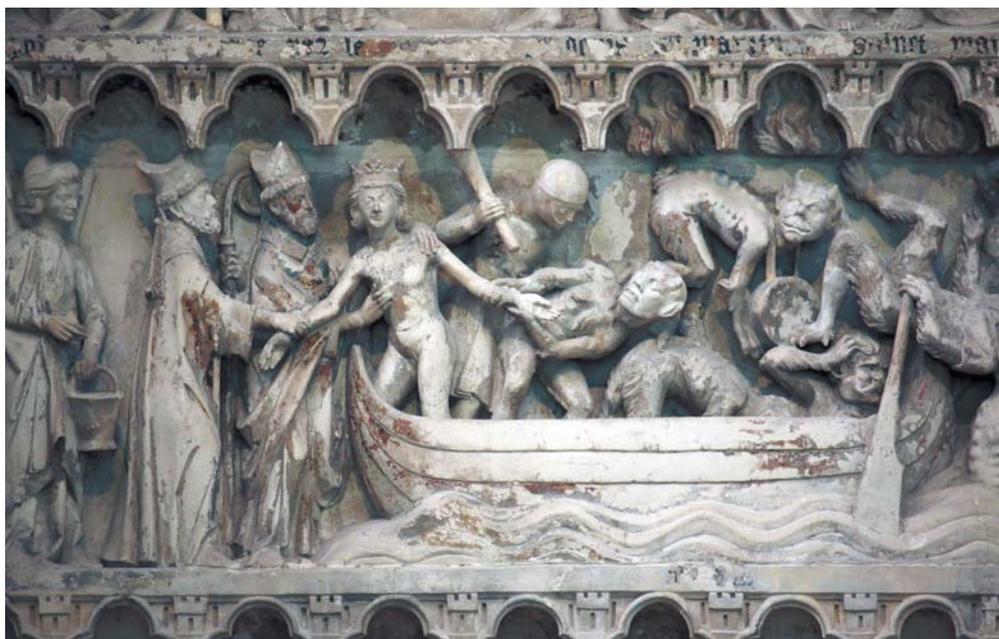
закусил свой большой палец (он обладал чудесным свойством), и обнаружил, что зверя можно убить, только если попасть ему в родинку на левом боку. Он набросился на монстра и впрыгнул ему в глотку. Внутри чудища он встретил двести живых мужчин и женщин. Родинку он нашел в 20 ярдах (18 м) под сердцем. Своим оружием он проделал дыру величиной с дверцу повозки и вышел на свободу с остальными пленниками. Зверя, истекающего кровью, оставили на берегу озера, с тех пор называемого Красным (Лох Дерг). Чудище лежало и умирало, мучаясь от боли, когда святой Патрик обнаружил его. Чтобы показать силу веры, которую он проповедовал, святой велел монстру спуститься на дно озера и лишил его всякой силы причинять вред. До сих пор, когда на озере шторм, можно видеть чудище, перекатывающееся среди волн. ■

так легко им было получить видения, находясь в пещере Чистилища.

Из всех средневековых свидетельств о Чистилище его — самое трогательное и искреннее. Он пишет о холоде, о страхе, мы понимаем его чувства. Его видения — если они вообще были — или слишком путаны, или слишком личные, чтобы он поделился ими даже с друзьями. Наконец, его рассказ никогда не был предназначен для широкой публики. Это, скорее, семейное воспоминание, которое было сочтено его братом достаточно ценным, чтобы быть сохраненным.

Все наши визионеры проходят ритуал отпевания и перевозки через воду, чтобы попасть в чистилище. Они как бы мертвы, и об этом свидетельствует не только реквием, который поют над их головами в часовне, но и то, что они пересекают водное пространство.

Вера в то, что мертвец должен пересечь водное пространство, чтобы достичь места своего упокоения, была распространена среди самых разных народов. В Средние века верили в это и многие европейцы, и свидетельства тому сохранились не только в фольклоре. Например, Цезарий Гейстербахский (1180–1240), один из знаменитых и популярнейших писателей раннего Средневековья, называл Рейн потоком мертвых. Известна также история Дагоберта, короля франков (ок. 603–639), который не раскаялся перед смертью, и потому демоны схватили его и посадили его душу на корабль. Оттуда его спас

св. Дионисий, а демонов выбросил за борт. Эта история вырезана на кенотафе Дагоберта (илл. 51)

При этом символом Церкви уже с самых ранних времен был тоже корабль. Гонорий Августунский писал, что мы отделены от нашего родного рая как бы горьким морем, *saeculum*.

Паломничество в Чистилище святого Патрика не было и не могло быть обычным паломничеством. Это действительно путешествие в другой мир.

Но верим ли мы в это сейчас и все ли верили в это в Средние века? И что произошло с Чистилищем в эпоху Реформации?

Арон Гуревич писал, что «[д]ля историка культуры проблема заключается не в том,

Илл. 51 — Париж, Базилика Сен-Дени. Гробница Дагоберта, XIII век. Дагоберт пересекает Стикс на барке Харона. Демоны пытаются овладеть им, но на помощь королю приходят святой Мартин и святой Маврикий.

ДРУГИЕ ИЗВЕСТНЫЕ НАМ ПАЛОМНИКИ XIV-XVI веков

Во французской хронике конца XIV века упоминается о некоем сеньоре Божё в Божоле, который умер недалеко от Кале в 1352 году, и который посетил *espurgatoire de Saint Patrice*. 1391 год — австрийский рыцарь Конрад фон Рихардсдорф, о нем говорится в рукописи, посвященной истории Тевтонского ордена («*Aeltere Hochmeisterchronik*», 1433-40), что он не только путешествовал к Гробу Господню, но и вместе с другими рыцарями вошел в полую гору и пробыл там день и ночь — возможно, имеется в виду Чистилище святого Патрика.

Ок. 1400 года Чистилище святого Патрика посетил некий немецкий паломник.

Впечатление было столь велико, что затем до самой своей смерти он ел только хлеб и соль, никогда больше не улыбался и говорил окружающим, что если бы они увидели хотя бы десятую часть того, что видел он, то никогда в жизни не могли бы уже быть счастливыми.

В конце концов он стал отшельником и 12 лет прожил в лесу, размышляя о тех ужасах, которые увидел в Чистилище.

В 1400 году некий аристократ из Бредероде в северной Голландии основал в Зандворте близ Гарлема часовню св. Патрика по возвращении из Чистилища.

В 1410 году городской совет Антверпена дважды наложил на неких преступников в качестве наказания паломничество в Чистилище святого Патрика. ►

«подлинными» или фиктивными были видения; существенно то, что этим видениям, которые сочли полезным и важным записать некие духовные лица, современники придавали большое значение, охотно и с жадностью слушали и включили в круг своих знаний*. Наверное, трудно ожидать, что мы сможем сказать что-то большее, каким-то детективным путем определить, видел ли действительно — хотя бы во сне! — тот или иной визионер то, что описал, или нет. Даже заимствования трудно определять, ведь они или не прямые, неосознанные, или, если осознанные, то надо иметь в виду, что средневековый человек мог выразить свои сны и мечты только с помощью привычных образов.

Зачастую мы слишком упрощаем отношение средневековых людей к историям, связанным с потусторонним миром, не принимая во внимание такие реакции, как высмеивание, цинизм, корыстное использование доверчивости в своих целях. В «Декамероне» Боккаччо (1352–54) рассказывает история о некоем крестьянине Ферондо, в чью жену влюбился аббат. Чтобы овладеть ею, он придумал хитроумный план: усыпить крестьянина, поместить его в подземелье и уверить, что он находится в чистилище, а затем чудесным образом «воскресить». Поверила ли в это полностью неверная жена, неизвестно, а вот сам Ферондо десять

*А.Гуревич. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства, М.: Искусство, 1990. С.163.

месяцев провел в заточении и не усомнился в том, что умер и пребывает на том свете:

«Когда Ферондо наконец очнулся и не мог понять, где он находится, к нему с диким криком вбежал болонский монах и отхлестал его розгой. Ферондо плакал, вопил и все спрашивал: «Где я?»»

На что монах всякий раз отвечал: «В чистилище».

«Как! — воскликнул Ферондо. — Значит, я умер?»

«Конечно, умер», — подтвердил монах.

Тут Ферондо давай оплакивать самого себя, жену, сына, а затем понес дичь несусветную.

Монах принес ему еды и питья. «А разве мертвые едят?» — спросил Ферондо.

«Едят, — отвечал монах, — я принес тебе то, что твоя бывшая жена утром прислала в монастырь на помин твоей души, — кушай во славу божию».

«Дай бог ей здоровья! — воскликнул тут Ферондо. ... Тут у него разыгрался аппетит, и он накинулся на еду и на питье, однако ж вино не пришлось ему по вкусу, и он сказал: «Господь накажет ее, что она налила священнику не из той бочки, которая около стены стоит».

...

«Здесь, кроме нас двоих, никого нет?» — осведомился Ферондо.

«Тут целые сонмы, — отвечал монах, — но только ты не можешь ни видеть, ни слышать их, равно как и они тебя».

Гильбер де Ланнуа, рыцарь из Валлонии, на службе у Герцога Бургундского. Он хотел посетить Чистилище еще в 1414 году, но по пути туда был захвачен в Англии в плен. В 1431 году ему удалось все-таки совершить это путешествие, когда его послали с миссией к королю Шотландии. Он перечисляет свои остановки в пути, называет правителей и границы, описывает остров и расположение пещеры. Но о своих переживаниях в пещере говорит только следующее: провел в ней два-три часа и видел камень, которым святой Патрик заблокировал путь в ад. Аристократ из Савойи Жак де Монмайор побывал в Чистилище в середине XV века. Уильям Кекстон, знаменитый английский первопечатник, беседовал с двумя людьми, побывавшими в Чистилище, когда жил в Брюгге в 1475 году. Один из них, каноник из Уотерфорда, по его словам, побывал в Чистилище пять или шесть раз. При этом он ничего не видел и ничего не испытал. Его спутники спали и видели чудесные сны, более ничего. И то же самое рассказал Кекстону рыцарь из Брюгге сэр Джон де Бансте. Леонхард Веттер, ульмский патриций, был в Чистилище во время царствования Максимилиана I (т.е. 1508–1519). ■

«А как далеко мы от родного края?» — осведомился Ферондо.

«Ой-ой-ой как далеко! — воскликнул монах. — Отсюда не видать».

«Ого! Стало быть, и впрямь далеко, — заметил Ферондо. — Эх нас с тобою занесло, — верно уж, мы на том свете».

Так, чередуя эти и подобные им беседы с кормлением и поркой, Ферондо продержали в темнице около десяти месяцев...»

Позже аббат «воскресил» Ферондо, и тут Боккаччо подмечает очень правдивую деталь. Несмотря на то, что крестьянин и сам верил, что был в Чистилище, вместо откровенного рассказа о пережитом, он «сообщал [односельчанам], что там деется с душами их сродников, врал напропалую о том, как устроено чистилище, и при всем честном народе рассказывал о том, что услышал он, прежде чем воскреснуть, из уст самого архангела Гавриила»*.

Поэтому не стоит удивляться тому, что среди средневековых откликов на видения в Чистилище святого Патрика были как принимающие этот опыт, так и отрицающие его.

* Перевод Н.Любимова.

Глава 3.

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ ЧИСТИЛИЩА СВЯТОГО ПАТРИКА

Популярность истории о Чистилище святого Патрика

Сведения о Чистилище святого Патрика передавались не только из уст в уста. Трактат Генри из Солтри пользовался большой популярностью в средневековой Европе. На сегодняшний день известно не менее 150 рукописей на латинском языке и столько же переводов на другие языки. Около 1208 года поэтесса Мария Французская перевела «Чистилище святого Патрика» на французский (этот текст сохранился в одном-единственном манускрипте); существует еще как минимум 7 других французских стихотворных версий, сохранившихся в 8 манускриптах, и 15 рукописей с французской прозаической версией. Уже в XIII веке появились английские переводы — стихотворная и прозаическая версия. Каталонский перевод появился в 1320 году, в том же году — леонский. К концу XIV века появилось несколько переводов на голландский и немецкий. И даже в XV веке французская, каталонская и немецкая версия все еще переписывались, а затем и печатались.

«Видения Георгия» были чрезвычайно популярны в немецко-австрийско-богемском регионе — всего насчитывается 17 рукописей с латинской версией, перевод на чешский, не менее 4 разных переводов на немецкий в 24 манускриптах, некоторые из них иллюстрированные. Каталанский рассказ Рамона де Перельоса несколько раз переводился на провансальский в XV веке.

Для сравнения — «Видение Тнугдала» известно по более чем 160 манускриптам. Мы видим, что, трактат Генри из Солтри почти сравнялся с этим текстом по популярности и, что особенно важно, рукописи с ним находятся не только в монастырских, но и в светских библиотеках.

С XIII века легенда о Чистилище святого Патрика упоминается самыми разными авторами, богословами и историками — у Цезария Гейстербахского, Винсента из Бове (1190–1264), Этьена де Бурбона (ок.1180–1261), Иакова Ворагинского (ок.1228–1298), в английских хрониках XIII–XV веков. Эти отклики были неоднородными, от безусловного принятия, как в «Золотой легенде» Иакова Ворагинского или в «Диалоге о чудесах» Цезария Гейстербахского («Пусть тот, кто сомневается в существовании чистилища, отправится в Ирландию и войдет в Чистилище святого Патрика, и у него не будет больше сомнений в наказаниях чистилища»)*

* *Dialogus Miraculorum*, XII, 38

до презрительного, как у Винсента из Бове, который заметил, что Чистилище святого Патрика — просто сказка, и у св. Бонавентуры, заявившего, что вера в то, что вход в чистилище находится в Ирландии, взята из басен.

Еще одним свидетельством тому, насколько слава — частично баснословная — окружала Чистилище св. Патрика, является то, что на знаменитом глобусе Мартина Бехайма 1492 года во всей Ирландии отмечено только оно: «St.Paterici Fegefeuer».

Данте в чистилище

Трудно сказать, знал ли Данте, автор главного средневекового видения загробного мира, о Чистилище св. Патрика. Его работа над «Чистилищем», второй частью «Божественной комедии», была закончена к 1319 году. До XVI века вообще считалось, что единственным образцом и источником для Данте была «Энеида», но в 1587 году итальянский философ Джакомо Маццони предположил, что сыграла роль и народная традиция. А с середины XVIII века началась дискуссия о влиянии на Данте записей различных видений, в первую очередь «Видения Альберика» (1110). Однако точно доказать здесь ничего не удалось. Скорее всего, Данте действительно использовал множество разных источников.

Одно можно сказать наверняка — чистилище итальянского поэта непохоже на ирландское

прежде всего своей локацией. Оно тоже имеет определенную географическую привязку, но находится не под землей, так как Данте с Вергилием выходят «чтобы вновь узреть светила» (Ад, 34, 139). Его чистилище — гора в южном полушарии, отделенном от остального мира непреодолимым океаном, расположенная напротив Иерусалима:

Илл. 52 — Данте. Божественная комедия. London, British Library, Ms.Egerton 943, fol.68v. Вергилий объясняет Данте их географическое местоположение:

*И там, и здесь — отдельный небосклон,
Но горизонт один; и та дорога,
Где несчастливый правил Фазтон,*

*Должна лежать вдоль звездного чертога
Здесь — с этой стороны,
а там — с другой,
Когда ты в этом разберешься строго*
(Чистилище 4, 70-73).

*Причину же твой разум обнаружит,
Когда себе представит, что Сион
Горе, где мы, противоточьем служит...*
(Чистилище 4, 68-70).

Данте узнает об этом, когда обращает внимание на то, что солнце — на севере, и не может понять причину этому странному явлению (илл. 52).

Чтобы попасть к горе, души должны пересечь водное пространство — так же, как и паломники в Чистилище св. Патрика пересекают озеро (илл. 53).

В горе семь этажей, каждый следующий меньше по окружности, чем предыдущий, на каждом очищаются от определенного греха. На самой вершине горы — земной рай, где Вергилий покидает Данте, а тому вскоре является Беатриче, его проводник по раю. Гора эта очень крутая и трудная для подъема. С одного уровня на другой ведут ступеньки. Но при этом подъем становится все легче и легче для души, очищающейся от своих грехов:

Илл. 53 — Данте. Божественная комедия. London, British Library, Ms.Egerton 943, fol.65r. Ангел перевозит души к Чистилищу:

*Там на корме стоял пловец
небесный,
Такой, что счастье — даже
речь о нем;
Вмещал сто душ и больше
струг чудесный.*

*«In exitu Israel» — так,
в одном
Сливаясь хоре, их звучало
пенье,
И все, что дальше говорит
псалом.*

*Он дал им крестное благо-
словенье,
И все на берег кинулись
гурьбой,
А он уплыл, опять в одно
мгновенье
(Чистилище, 2, 43-49).*

*И он: «Гора так мудро сложена,
Что поначалу подыматься трудно;
Чем дальше вверх, тем мягче крутизна.
Поэтому, когда легко и чудно
Твои шаги начнут тебя нести,
Как по теченью нас уносит судно,*

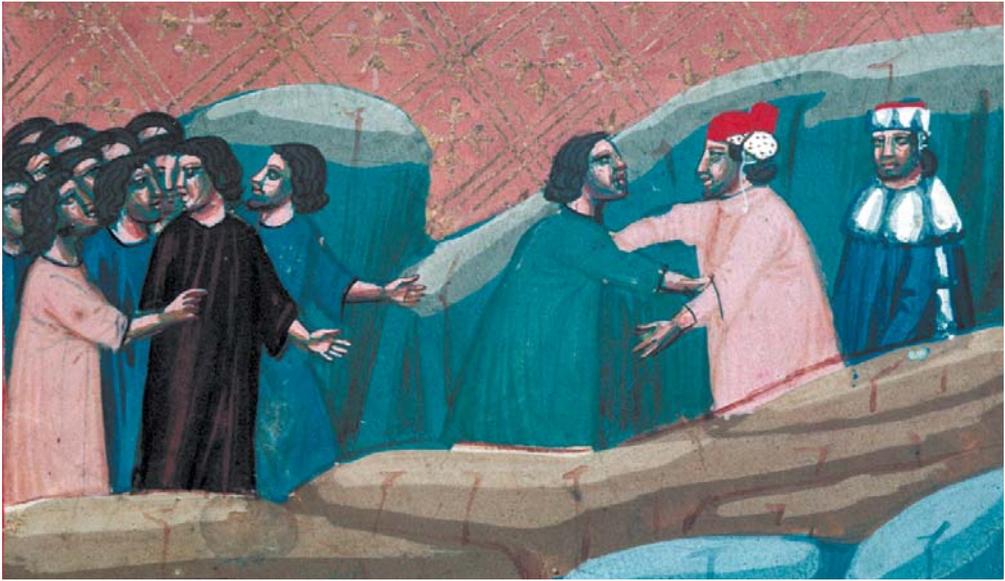
*Тогда ты будешь у конца пути.
Там схлынут и усталость, и забота.
Вот все, о чем я властен речь вести»*
(Чистилище 4, 88-96).

Поэтому, проходя сквозь различные этапы чистилища, грешная душа одновременно поднимается к Богу, а этой динамичной целеустремленности совершенно лишена структура чистилища в видениях тех, кто побывал на озере Лох Дерг.

Перед входом в чистилище у Данте — особое место для тех, кто раскаялся только перед самой смертью. Однако — любопытный момент — благодаря индульгенциям по случаю юбилейного 1300 года многим повезло:

*«Теперь уже три месяца подряд
Всех, кто ни просит, он берет свободно»*
(Чистилище, 2, 98-99)) (илл. 54).

При этом подчеркивается, что если кто умер, будучи отлучен от Церкви, тоже не может войти в чистилище:

*И все ж, кто в распре с церковью умрет,
Хотя в грехах успел бы повиниться,
Тот у подножья этой кручи ждет,
Доколе тридцать раз не завершится
Срок отщепенства, если этот срок
Молитвами благих не сократится.
(Чистилище 3, 136-140) (илл. 55).*

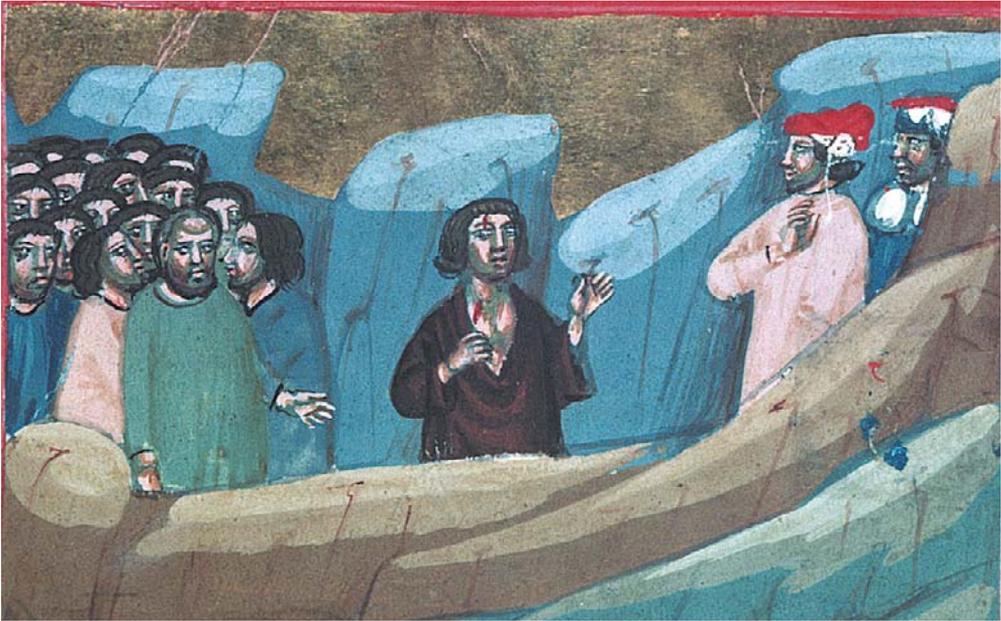
Илл. 54— Данте. Божественная комедия. London, British Library, Ms.Egerton 943, fol.65v. Каселла рассказывает Данте о покаянии душам в связи с юбилейным годом.

Среди этих людей — Манфред (1232–1266), сын Фридриха II, который просит Данте замолвить за него словечко перед дочерью Констанцей, чтобы она молилась о нем, еще раз напоминая о том значении, которое молитвы живых могут оказать на судьбу мертвых (илл. 56).

Илл. 55 — Данте. Божественная комедия. London, British Library, Ms.Egerton 943, fol.67r. Группа отлученных от Церкви в Предчистилице.

Такого в видениях, связанных с Чистилицем святого Патрика, тоже нет, хотя исследовательница Элисон Морган полагает, что души в дантовском преддверии чистилица, которые слишком долго ждали, чтобы исповедоваться, похожи на души в особом месте у Дрительма, чье видение описывается Бедой Достопочтенным. Там дух объясняет сновидцу: «Долина с ужасным пылающим огнем и ледящим холодом, которую ты видел, — это место, где мучаются души тех, кто пренебрег исповедью и карается теперь за грехи, совершенные прежде смертного часа. Однако все они раскаялись и исповедались, пусть и на смертном ложе, и попадут после Судного дня в Царство Небесное; также и молитвы еще живущих,

их благие дела, посты и особенно заупокойные службы помогут многим из них освободиться еще до дня суда». Действительно, этот фрагмент сравним с текстом Данте:

*Мы были все в свой час умерщвлены
И грешники до смертного мгновенья,
Когда, лучом небес озарены,
Покаялись, простили оскорбленья
И смерть прияли в мире с божеством,
Здесь нас томящим жаждой лицезренья.
(Чистилище, 5, 52–57)*

Поднимаясь вверх, Данте видит различных грешников: гордецов, которые не видны под

Илл. 56 — Данте. Божественная комедия. London, British Library, Ms.Egerton 943, fol.67v. Манфред в преддверии Чистилища:

*Ты видишь сам, как ты бы
мне помог,
Моей Костанце возвестив,
какая
Моя судьба, какой на мне
зарок:
От тех, кто там, вспомога
здесь большая
(Чистилище 3, 142-144)*

Илл. 57 — Данте. Божественная комедия. London, British Library, Ms.Egerton 943, fol.81r. Гордецы:

Я начал так: «То, что идет
на нас,
И на людей по виду непохо-
же,
А что идет — не различает
глаз».

И он в ответ: «Едва ль есть
кара строже,
И ею так придавлены они,
Что я и сам сперва не понял
тоже.

Но присмотришь и зреньем
расчлени,
Что движется под этими
камнями:
Как бьют они самих себя,
взгляни!»

(Чистилище, 10, 112–118);

огромными камнями, которые они принуждены тащить (илл. 57); завистников, у которых глаза защиты железной нитью (илл. 58); гневливых, которые погружены в едкий дым (илл. 59). Ленивые бегут изо всех сил; скупые лежат на земле лицом вниз (илл. 60); чревоугодники мучаются от голода и жажды (илл. 61; сладострастники горят в огне. Однако мы не встретим нагромождения ужасов, как у путешественников в Чистилище святого Патрика.

Пройдя через чистилище, поэт оказывается в Земном раю и теряет своего спутника Вергилия — этот опыт тоже схож с опытом визионеров. Все они, покинув область мучений, оказывались в месте, которое принимали за настоящий рай, и всем им объяснялось, что рай этот в большей или меньшей степени иллюзия (илл. 62).

Илл. 58 — Данте. Божественная комедия. London, British Library, Ms.Egerton 943, fol.86r. Завистники:

*И как незримо солнце для слепого,
Так и от этих душ,
сидящих там,
Небесный свет себя
замкнул сурово:*

*У всех железной
нитью по краям
Зашиты веки, как для
прирученья
Их зашивают диким
ястребам.*

(Чистилище, 13, 67–72)

Илл. 59 — Данте. Божественная комедия. London, British Library, Ms.Egerton 943, fol.91r. Гневливые:

*«Учитель, это души?» — осмелев,
Спросил я. Он в ответ: «Мы рядом
с ними.
Здесь, расторгая,
сбрасывают гнев».*

(Чистилище, 16, 22–24).

Илл. 60 — Данте.
Божественная комедия. London, British Library, Ms. Egerton 943, fol. 97v. Скупцы:

Вступая в пятый круг,
я увидел
Народ, который, дви-
гаться не смея,
Лицом к земле по-
верженный, рыдал.

(Чистилище, 19, 70–72).

Илл. 61 — Данте.
Божественная комедия. London, British Library, Ms. Yates Thompson 36, f. 107r.
Чревоугодники:

Поющий здесь и пла-
чущий народ,
За то, что угождал
чрезмерно чреву,
В алчбе и в жажде
к святости идет.

Охоту есть и пить
внушают зеву
Пахучие плоды и во-
допад,
Который растекается
по дереву.

(Чистилище, 23, 64–69).

Но у Данте появляется новый проводник, Беатриче, и Рай занимает в его поэме гораздо большее место, чем у остальных. Надо иметь в виду, что если на самого Данте при описании Чистилища мог повлиять рассказ рыцаря Овейна, то, в свою очередь, уже «Божественная комедия» могла повлиять на авторов трактатов о путешествиях Георгия Гриссафана, Лоренца Ратхолда и Людовика Осеррского, которые все были написаны после ее появления. Все эти работы принадлежат к одному кругу, и творение великого итальянца трудно понять в полной мере, если мы воспринимаем его как нечто исключительное и оригинальное. Выдающаяся по своим художественным достоинствам поэма в богословском и культурном плане представляет собой одно из множества видений, в котором повторяются уже знакомые нам мотивы:

Илл. 62— Данте. Божественная комедия. London, British Library, Ms. Yates Thompson 36, fol.116v. Преддверие рая.

*Я медленно от кручи круговой
Пошел нагорьем, и земля дышала
Со всех сторон цветами
и травой*

(Чистилище 28, 4–6).

чистилище как определенное место на земле, грешники, которым живые могут помочь своими молитвами, земной рай как переходный этап от чистилища к раю небесному.

Чистилище святого Патрика на фреске в Тоди

О том, что в Италии было известно о существовании Чистилища святого Патрика, свидетельствует и изобразительное искусство. В 1317 году, примерно в то же самое время, когда поэт писал свое «Чистилище», в монастыре сервитов Сан Марко в Тоди была выполнена фреска с изображением чистилища и св. Патрика. Городок Тоди находится в Умбрии, он стоит на Via Francigena, паломнической дороге, ведущей из Кентербери в Рим. В 1285 году в монастыре умер Филип Беници, отец-генерал сервитов с 1276 по 1285, и начал постепенно развиваться его культ. Канонизировали Беници только в 1671 году, но практически сразу люди стали прибегать к нему в молитвах, надеяться на его чудодейственную помощь, и с этой целью приходили к его гробнице. Для удобства поклонения в 1317 году останки будущего святого были помещены в стену часовни, на которой и была написана интересующая нас фреска.

В 1599 году сервиты покинули монастырь Сан Марко и взяли останки святого с собой. Вскоре после этого фреска была замазана.

Ее обнаружили только в 1974 году. Реставрация была завершена в 1985 году, но увидеть роспись сейчас можно только по специальному разрешению, так как она находится в закрытой части монастыря — теперь он носит название Сан Франческо и живут там монахини-клариссы.

Справа на фреске, выполненной Джакомо ди Мино дель Пелличиайо (1330–1410), мы видим гору, внутри которой располагаются семь пещер с мучимыми грешниками. Следовательно, художник, как и Данте, выбирает гору в качестве визуальной локализации чистилища. Мотива восхождения здесь нет, но очевидно, что в небесный град (слева на фреске), можно попасть только пройдя через чистилище (илл. 63, 64).

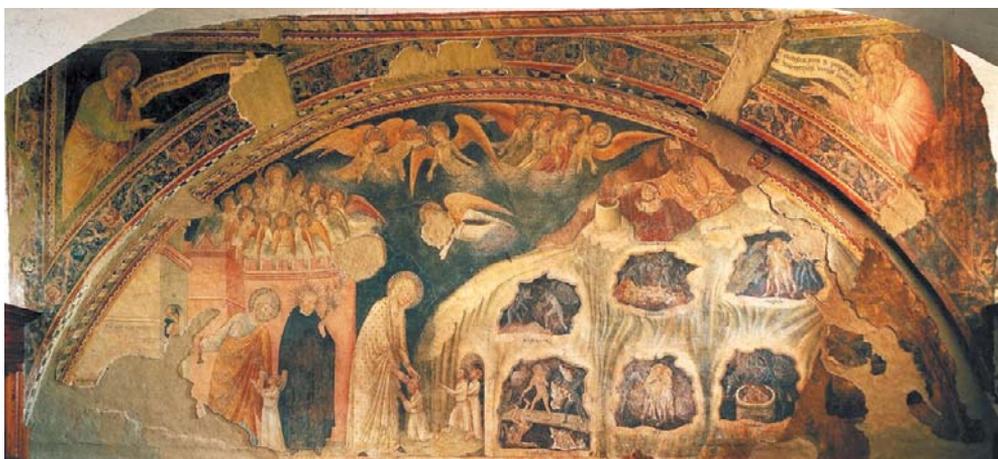
Мучения представлены в соответствии с семью смертными грехами. В верхней левой пещере мы видим надпись «avaritia» (скупость). На переднем плане лежит тело, в нижнем левом углу виден огонь. Слева демон, уши которого извергают пламя. Он трехрогий, у него длинная палка — инструмент пытки. Душу трудно разглядеть, но вспоминаются слова Данте:

*Здесь явлен образ жадности наглядный
Вот в этих душах, что окрест лежат;
На всей горе нет муки столь нещадной.*

*Как там подняться не хотел наш взгляд
К высотам, устремляемый к земному,
Так здесь возмездьем он к земле прижат.*

Илл. 63, 64 — Тоди (Италия), Сан Франческо. Фреска с изображением чистилища. В правом верхнем углу — святой Патрик.

*Как жадность там порыв любви к благу
Гасила в нас и не влекла к делам,
Так здесь возмездье, хоть и по-иному,*

*Стопы и руки связывает нам,
И мы простерты будем без движенья,
Пока угодно правым небесам.*

(Чистилище, 19, 115–126).

Прямо под фигурой Николая — еще одна пещера с надписью «*luxuria*» (похоть). Несколько обнаженных фигур лежат в пламени. Огонь олицетворяет духовную силу преобразования и очищения — «потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть» (1 Кор., 3:13). Души похотливых пытаемы тремя демонами. Левый когтит грудь жертвы, центральный с ужасной рогатой головой собирается напасть на тела, правый тыкает трезубцем в члены несчастного грешника. И снова можно вспомнить брата Дрительма: «Тут несколько темных духов вырвались из пламени и набросились на меня, окружив меня сверканием глаз и грозя мне буйным пламенем, вырывавшимся из их пастей и ноздрей. Они пытались ухватить меня грозного вида щипцами, которые держали в руках, но только пугали меня, не осмеливаясь коснуться».

В правой верхней пещере — группа душ, надпись под которыми гласит «*superbia*» (гордость). Люди пребывают между страшными, извергающими огонь чудовищами и демонами (изображения

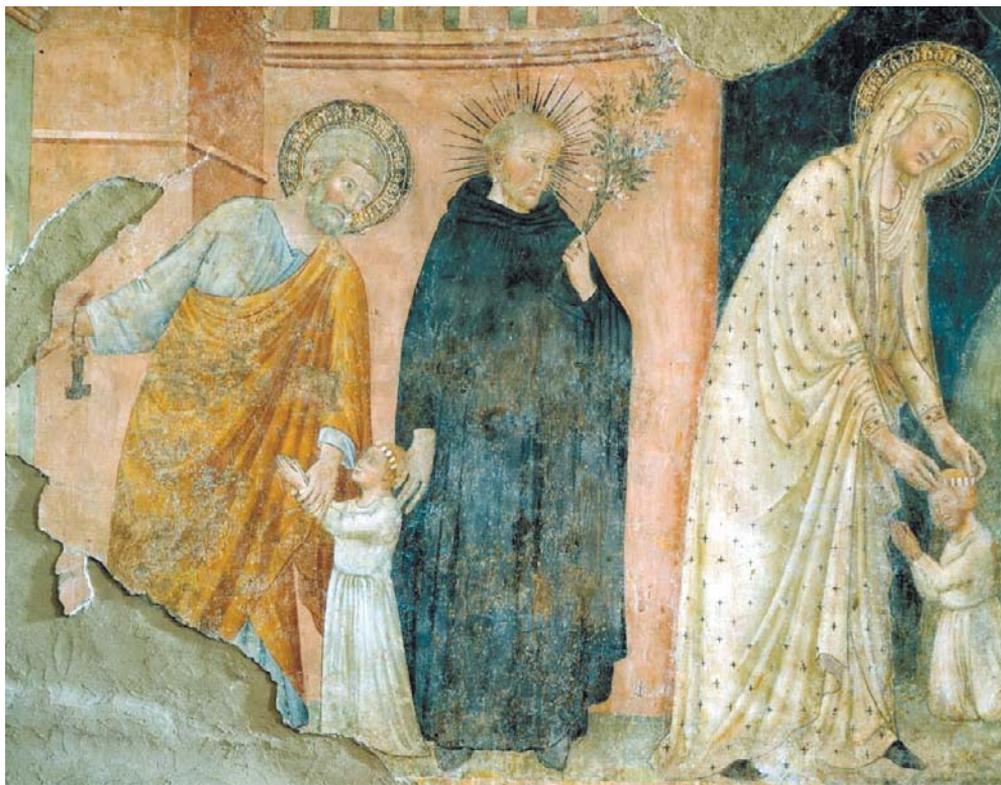
сильно пострадали, видны только их части). Внизу справа — сильно пострадавшая часть фрески. Видны две первые буквы GU — здесь было слово «gula» (обжорство). Можно разглядеть три лица. В пещере за подписью «invidia» (зависть) — три души, одна из которых явно женщина, в огненном котле. Одна из них явно женщина. Крылатый демон хватает их когтями. Слева фигуры в пламени (у центральной волосы заплетены в косичку) очищаются от гнева (ira). Седьмая пещера — «accidia» (лень). Здесь душа должна пройти по мосту, утыканному гвоздями. Другая душа уже падает в огненную бездну, где ее атакует змея. В «Видении Тнутдала» и в «Трактате о чистилище святого Патрика» тоже говорится о мосте. Видимо, эта деталь взята непосредственно из того или другого текста, поскольку у Иакова Ворагинского ее нет.

Проходом по мосту завершаются мучения грешников. Покидая гору, они устремляются к Деве Марии, молитвенно сложив руки, а она возлагает на ближайшую душу венок из белых цветов. Души уже не обнажены, но одеты в белые одежды. Вокруг Девы Марии нарисованы 12 звезд: «И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд» (Откр 12:1). В эпоху позднего Средневековья Дева Мария считалась главной заступницей грешников, поэтому неудивительно, что именно она встречает души и препровождает их к небесному граду. Она расположена гораздо выше душ.

Рядом изображен Филипп Беници. На фреске у него не нимб, а лучи, как у блаженных (ведь он еще не канонизирован на момент создания фрески), и он передает души от Мадонны к св. Петру, как психагог, то есть, душеводитель. Обычный атрибут сервитов — лилия, но у Беници оливковая ветвь. Это или указание на миротворчество, или на победу (в том числе и победу душ над грехами) (илл. 65).

Апостол Петр подводит души непосредственно к воротам небесного града, где их встречает ангел. Получается, что, как и у Данте, гора

Илл. 65 — Тоди (Италия), Сан Франческо. Фреска с изображением чистилище (фрагмент). Дева Мария, св. Филипп Беници и апостол Петр встречаются очитившиеся души.

чистилища стоит прямо напротив небесного града. На стене над воротами — звезда, символ Божественной помощи в пути и Вифлеемской звезды. Над зубцами стены — фигура благословляющего Христа, окруженного 11 ангелами. Другие ангелы летают в небе над чистилищем и небесным градом-раем.

Присутствие на фреске Девы Марии легко объяснить — она самая популярная заступница за людей, как живых, так и мертвых. Блаженный Филипп Беници просто находится на своем месте, ведь прямо за фреской лежат его мощи. Апостол Петр — страж входа в рай. Но справа над самым чистилищем мы видим еще одного святого — и это святой Патрик! Он представлен в облачении епископа, в правой руке он держит посох, который погружен в пламя, вырывающееся из чистилища через какую-то круглую структуру, похожую на колодец. Скорее всего, это действие символизирует передачу плодов молитв Церкви за души в чистилище этим самым страдающим душам. Но возможно и то, что имеется в виду передача видения чистилища недоверчивым. Фигура под рукой св. Патрика подписана, но эта надпись почти нечитаема. Обычно ее расшифровывают как «доминус Николаус» — возможно, это Николай, заменивший Овейна в пересказе Иакова Ворагинского, который был популярен в Италии.

Автор фрески или его консультант что-то знал о Чистилище святого Патрика или даже

читал рукописи, но какие именно, непонятно. На фреске есть моменты, которые заимствованы из Иакова Ворагинского, но есть и те, о которых у того не говорится (мост). В любом случае это свидетельство популярности легенды о земном входе в чистилище, находящемся в Ирландии.

Скептики и разорители

Французский историк Жан Фруассар (ок.1333 — 1405) в последней книге своих «Хроник», написанной сразу после 1400 года, описывает встречу с неким Гильомом де Лилем, французским рыцарем: «Затем в пятницу утром я и сэр Гильом де Лиль ехали верхом вместе, и по пути я спросил его, был ли он с королем в Ирландии. Он ответил мне, что да. Тогда я спросил его, какова дыра, находящаяся в Ирландии, что называют Чистилищем святого Патрика, и правдиво ли то, что говорится о ней, или нет. Тогда он сказал, что такая дыра несомненно есть, и что он сам и другой английский рыцарь побывали там в то время, как король пребывал в Дублине, и что они вошли в эту дыру, были закрыты в ней на закате, провели там ночь, а на следующее утро, на восходе, их выпустили. Тогда я спросил его, были ли у него какие-либо странные видения вроде тех, которые передают об этом месте. Тогда он рассказал о том, что было, когда он и его товарищ вошли внутрь и прошли ворота в месте, называемом Чистилище святого Патрика,

и о том, как они спустились вниз на три-четыре шага и оказались в подвале, и некий горячий воздух поднялся и так вплыл в их головы, что им пришлось сесть на ступени, которые были сделаны из камня. И после того, как они уже просидели таким образом некоторое время, у них появилось великое желание заснуть, и так они заснули и проспали всю ночь. Тогда я спросил его, понимали ли они во сне, где находятся, и были ли у них какие-нибудь видения. Он ответил мне, что они видели замечательные сны, очень красочные, совсем не такие, какие привыкли они видеть в своих кроватях, но когда утром они выбрались наружу, то по прошествии времени совершенно забыли и сны эти, и видения, и, сказал он, поэтому он думает, что все это не более, чем фантазия. Тогда я прекратил далее разговаривать об этом»^{*}.

Это скептическое описание относится как раз к расцвету паломничества — скорее всего, сэр Гильом побывал в Чистилище во время ирландского похода Ричарда II (1394–1395), то есть незадолго до путешествия Рамона де Перельоса. И хотя он принадлежал как раз к тому классу людей, которым такое путешествие импонировало, его отзыв — совершенно иной. Да, поехали туда с товарищем, из любопытства, очевидно (хотя он и не упоминает об этом), прошли все необходимые ритуалы, имели

* Цитируется по книге Medieval Pilgrimage...

видения, но видения эти явно для сэра де Лиля ничего не значили и не произвели на него никакого впечатления.

Скорее всего, скептически настроенных по отношению к Чистилищу святого Патрика людей было достаточно много (так, мы знаем, со слов некоего доминиканца из Ульма, писавшего в конце XIV века, что богослов и математик Хайнрих фон Лангенштайн (ок. 1325–1397) полагал ужасные видения, которые многие видели в Чистилище святого Патрика, следствием природных явлений, а не божественным указанием), но до поры до времени их мнение никого не волновало. Пока в конце XV века на острове не появился некий склонный к скандалам монах.

Его история впервые рассказывается в «Деяниях святых» (*Acta Sanctorum*), издававшихся болландистами, в томе, вышедшем в 1668 году. В разделе, посвященном житию св. Патрика, мы читаем, что некий безымянный голландский монах, августинец из Эймштадта, в 1494 году загорелся желанием посетить Чистилище святого Патрика. Когда он добрался до него, епископ запросил за разрешение на вход некую сумму денег, которой у брата не было. Он упросил епископа и князя этой местности, ему дали разрешительные письма, и приор впустил его, не взимая платы. И вот, исповедовавшись и причастившись, он был на веревке опущен в глубокую яму. Туда же ему спустили маленькую фляжку

с водой и кусочек хлеба. Всю ночь монах просидел дрожа и читая молитвы, с минуты на минуту ожидая появления демонов, но никто так и не пришел, и видений тоже не было. Разозленный, он подал жалобу Папе, и она была удовлетворена. Разочарованный брат снова прибыл в Ирландию и лично наблюдал за уничтожением псевдо-святого места.

Этот рассказ подтверждается короткой записью в «Анналах Ульстера» за 1497 год: «В этом году пещера Чистилища святого Патрика на Лох Герг (sic!) была разрушена настоятелем Донегола и представителями епископа в епархии Лох Эрне по соизволению Папы. Произошло это около праздника святого Патрика. Все понимали, из истории рыцаря и других старых книг, что это не было то Чистилище, знание о котором св. Патрик получил от Господа, хотя все пощещали его»*.

Из папских источников о событиях 1497 года нам неизвестно. Непонятно также, почему в «Анналах Ульстера» сообщается о разрушении с таким одобрением. В целом, вся история выглядит довольно темной и загадочной. Как мы видим, впервые развернутое объяснение, с участием безымянного монаха, начинает циркулировать только в конце XVII века и похоже на попытку как-то прояснить ситуацию задним числом.

* Цитируется по книге Medieval pilgrimage...

Как бы то ни было, ясно одно: уже через 20 лет Чистилище вновь функционировало. Мы знаем об этом из письма, отправленного Изабелле д'Эсте (1474–1539), жене мантуанского маркиза Гонзага, папским нунцием при дворе Генриха VIII Франческо Кьерикати в 1517 году (история Чистилища святого Патрика продолжала волновать жителей этой далекой от Ирландии страны).

Кьерикати живо рассказывает о своем путешествии через Ульстер к Лох Дергу, и о том, что он там обнаружил. По прибытии на берег он помахал импровизированным флагом и пошел в рожок, после чего его и его свиту из трех человек перевезли на остров за небольшую плату. На острове было два здания: дом для трех каноников, проживающих там, и дом для паломников. Остров он описывает как совсем маленький, то есть, скорее всего, это был Остров святых, а не Остров Стации. Однако, единственное каменное здание, которое он увидел, было маленькой часовней или ораторием, а его описание пещеры (с ответвлением) напоминает то, что рассказал Ратхолд. Кьерикати сообщает, что в этой пещере спал святой Патрик, и он от ужаса не стал туда даже заглядывать. У ответвления он увидел круглую платформу, и ему сказали, что здесь колодец. Отсюда, спекулирует Кьерикати, видимо и пошли все легенды о колодце святого Патрика. Про колодец не рассказывают ни Ратхолд, ни Маннини, зато

про него есть у Гриссафана — это колодец, ведущий прямо в ад.

Интересно, что Кьерикати упоминает о книге, в которую были внесены имена всех пятерых паломников, которые спустились в пещеру при нем. Он пишет, что эта книга находилась в церкви, и туда вносились имена всех, кто когда-либо посещал Чистилище, причем первым значилось имя Гварино да Дураццо, персонажа рыцарского романа, известного на русском под названием «Гверино по прозвищу Горемыка». По сюжету романа, Гверино был во младенческом возрасте лишен своего царства, а повзрослев, отправился на поиски своих родителей и обошел всю землю, в том числе попал и в Ирландию. Непонятно, издается ли Кьерикати, когда пишет о Гверино в этой книге, намекая тем самым на басни и сказки, окружавшие Чистилище святого Патрика, или говорит серьезно.

О восстановлении пещеры свидетельствует и сертификат, выданный 12 августа 1507 года «Мастером Донатом Маграэ», приором Чистилища, ирландскому священнику Нилану О'Ледану, который «выполнил все паломничества на острове названного Чистилища и оставался во рву того самого святого Патрика естественный день» и «претерпел в своем теле такие муки и боли, каких он никогда раньше не видел и не испытывал». А из «Анналов четырех мастеров», одной из самых известных хроник средневековой Ирландии, мы знаем также о некоем французском

рыцаре, который в 1516 году пользовался на пути в Чистилище гостеприимством О'Доннелов и в благодарность за это оказал им затем военную помощь в осаде замка Слайго, прислав из Франции оружие.

Более того, из письма Кьерикати ясно, что паломничество, в общем-то, процветало. Вместе с ним на остров переправилось пять человек, и в пещере теперь помещалось, по его словам, до 12 человек. Но при этом сама процедура и смысл паломничества изменились. По свидетельству Кьерикати, паломники кроме поста должны были делать обходы вокруг келий, читая молитвы, посвященные св. Бригитте, св. Патрику и св. Колумбе; они должны были в определенные часы входить в озеро по шею и молиться там. Так покаянных упражнений потихоньку становилось все больше.

Косвенным доказательством того, что паломники по-прежнему ездили на Лох Дерг, можно считать слова Эразма Роттердамского, вложенные им в уста Менедема из «Разговоров запросто» (1518): «Но удивительно, что с такими чувствами и наклонностями ты еще не побывал в пещере святого Патрика, о которой ходят толки самые невероятные и, по-моему, не слишком правдоподобные»*.

Видимо, восстановление паломничества связано с тем, что в 1504 году умер старый приор

* Перевод Ш.П.Маркиша

Лох Дерга Теренс Магвайр (упал с лестницы, как написано в тех же «Анналах Ульстера»), и до 1511 года приором был Донат Макграт, а затем на его место был назначен Томас Хэлси, священник, доктор обоих прав (светского и церковного), папский капеллан и духовник базилики св. Петра для лиц, говорящих на английском, шотландском и ирландском языках.

В 1522 году архиепископ Армаха Джордж Кромер добился официального разрешения от римского престола вновь открыть Чистилище святого Патрика для паломников. Косвенным свидетельством этому является тот факт, что служба святому Патрику, которая включена в римский миссал (богослужебную книгу с текстами месс на различные случаи и праздники) того же года, почти полностью посвящена Чистилищу святого Патрика.

Фортунат в глубокой пещере

История Чистилища святого Патрика получила в начале XVI века неожиданную трактовку в европейской популярной литературе. В 1509 году в Аугсбурге был напечатан роман о рыцаре Фортунасте, быстро переведенный на голландский, итальянский, французский и английский языки и распространившийся во множестве печатных копий по всей Европе. В 1553 году знаменитый мастерзингер Ганс Сакс сделал из романа пьесу, а в 1600 году английский автор Томас Деккер

представил свою драматическую версию. История Фортуната-путешественника, аристократа из обедневшей кипрской семьи, была в XVI–XVII веках настоящим бестселлером.

Свое прозвище рыцарь получил после встречи в бретонском лесу с богиней удачи Фортунной, подарившей ему волшебный кошель, в котором не кончались монеты. Воспользовавшись новообретенным богатством, он приобрел необходимую рыцарю экипировку и отправился на турнир в Нанте, где познакомился с неким ирландцем Люпольдом. Будучи старше Фортуната, тот принял на себя роль его учителя и слуги, и они стали путешествовать вместе. В какой-то момент Люпольд захотел отправиться на родину, так как давно не видел жену и детей, и Фортунат, естественно, отправился вместе с ним. Названия ирландских городов, которые они посетили (Waldrich и Werniks), совершенно ни на что не похожи, и не ясно, то ли немецкий автор искажил до неузнаваемости названия реально существовавших мест, то ли попросту придумал их, то ли взял из недостоверных рассказов. По мнению автора, именно в загадочном Werniks и располагался монастырь, в церкви которого, за алтарем, была дверь в Чистилище.

На наших глазах история реального места превращается в сказку, и чем дальше, тем больше. Узнав, что Фортунат — уроженец далекого Кипра, аббат монастыря приглашает путешественников к себе (причем особо подчеркивается,

как он рад подаренному вину), и после торжественной трапезы рыцарь начинает выспрашивать монаха о том, почему это место называется Чистилищем Патрика. Ответ совершенно не похож на все то, с чем мы сталкивались до сих пор. Аббат рассказывает, что в незапамятные времена, когда не было еще города, на этом месте уже находился монастырь. Тогдашний аббат, по имени Патрик, часто удалялся в пустыню для покаяния, и во время одной из таких экспедиций обнаружил глубокую пещеру, зашел туда и не смог найти пути обратно. Он упал на колени и стал просить Бога, чтобы Тот вывел его отсюда, и во время молитвы услышал вопли и плач где-то неподалеку, как от великого множества людей. Патрик был весьма напуган, но Бог смилостивился над ним и вывел его из пещеры. С тех пор, когда аббат хотел предаться покаянию, он всегда направлялся в пещеру, а позже выстроил над входом в нее часовню, и в это место потекли паломники, на чьи деньги постепенно выстроился и город. Въедливый Фортунат интересуется, что же видят и слышат паломники в пещере, на что аббат дает неожиданный ответ: «Я не спрашиваю их и не позволяю другим спрашивать. Некоторые утверждают, что слышали жалобы и крики, другие не слышали ничего, но были очень напуганы».

Конечно, после этого рассказа Фортунат тоже загорается идеей посетить пещеру, и аббат,

как и полагается, отговаривает его. Однако, в этот раз главным аргументом становится то, что в пещере легко заблудиться, и многих людей обнаружили только после четырех дней поисков. Фортунат и Люпольд решают, тем не менее, рискнуть, и на следующий день, после исповеди и причастия, им отворяют заветную дверь (автор особо указывает, что тем, кто отправляется в пещеру, дается полная индульгенция, то есть снятие наказания после отпущения грехов).

Их запирают, обещают прийти на следующий день в то же самое время, и путешественники начинают спуск. Держась за руки, Фортунат и Люпольд идут в темноте, надеясь достичь конца пещеры и вернуться назад, но, заблудившись, теряют счет времени и, страшно напуганные, просто садятся на землю и ждут когда за ними придут и окриknут от двери. Однако так как они слишком далеко от входа, чтобы слышать монахов, те уходят ни с чем, вновь заперев за собой дверь. Голодные рыцари теряют всякую надежду и смелость, хотя Фортунат продолжает молиться. На следующее утро повторяется то же самое, монахи приходят и уходят, никого не найдя.

Дальше история становится еще интереснее. Оказывается, аббат знает некоего старца, который в свое время исследовал пещеру с помощью веревок. Он посылает за ним и спрашивает, может ли тот вернуть горе-паломников, а свита Фортуната обещает ему за этот подвиг сотню

монет. Старец выражает полную уверенность в успехе своего предприятия и спускается в пещеру, обвязанный веревками. На этом месте автор прерывается, чтобы объяснить читателю — в пещеру невозможно было спуститься с огнем, так как он немедленно потухал. Старик, действительно, вскоре находит Фортуната и Люпольда и выводит их, как слепых, из пещеры. Аббат же этому очень рад, так как опасался, что если эти двое сгинут, то паломники больше не будут посещать пещеру, и его церковь лишится одного из источников дохода. Эпизод с Фортунатом в Ирландии заканчивается тем, что путешественники отправляются обратно в Кале, «так как дальше в Ирландии все настолько дикое, что невозможно проехать».

В романе о Фортунате совместились элементы более ранних, документальных и псевдо-документальных повествований о Чистилище святого Патрика (наличие пещеры, необходимость исповеди и причастия перед входом в нее, необходимость получения разрешения приора, ритуальное отговаривание паломников) и совершенно новые, сводящие всю суть паломничества к финансовой выгоде и природному феномену (вместо острова город, пещера не называется чистилищем, вместо чуда святого Патрика — заблудившийся аббат Патрик, никак не объясняются вопли и крики, ничего не говорится о видениях и, наконец, хотя в пещере легко заблудиться, есть, однако, умелец, который

измерил ее и может отыскивать потерявшихся паломников).

В итоге вместо спуска в Чистилище и посещения иного мира, как это было с рыцарями XII–XV веков, новый герой нового времени просто испытывает себя на прочность, спускаясь в страшную темную пещеру (илл. 66). Это даже не история о благочестии, так как молитвы Фортуната к Богу не возымели никакого эффекта — спас его и Люпольда вполне земной старик с веревками.

Была ли такая трактовка намеренной издевкой над Чистилищем святого Патрика и, тем самым, продолжением скептического насмешливого

Илл. 66 — Пьер Кантен Шедель. Вход в пещеру святого Патрика, ок. 1755–1763. London, British Museum, №1983, U.6. Надпись к гравюре гласит: «Пещера святого Патрика в Ирландии, известная тем, что в ней якобы появлялись призраки. Древние верили, что здесь находились ворота в ад». Гравюра явно принадлежит к той же традиции, которая породила эпизод из романа о Фортунате — пещера представлена как вход в огромное, уходящее вдаль темное пространство, в котором теряются люди с факелами. Изображение не имеет ничего общего с реальностью, к тому же в подписи допущена ошибка — вход в чистилище назван воротами в ад.

отношения к нему, или же это результат недостаточной осведомленности автора о том, что на самом деле происходило на озере Лох Дерг? И то, и другое. Характерна необходимость переосмыслить феномен Чистилища святого Патрика, найти ему понятное объяснение, избавиться от флера сверхъестественного. Вскоре это направление станет ведущим, причем как у католиков, так и у появившихся в XVI веке протестантов.

Смутные времена: так есть чистилище или нет?

В том самом 1517 году, когда Кьерикати побывал на острове Чистилища святого Патрика, августинский монах Мартин Лютер (1483–1546) вывесил на дверях церкви в Виттенберге свои тезисы. Началась эпоха Реформации. В 1534 году английский парламент принял судьбоносное решение о независимости Английской церкви от римской курии.

Как и реформаторы на континенте (Кальвин и Лютер), Англиканская церковь не верила в чистилище. В 1563 это отрицание приняло официальную форму: в 22-й из «39 статей англиканского вероисповедования» говорится, что «Римская доктрина о Чистилище, индульгенциях, почитании образов и реликвий, а также о призывании святых есть напрасный вымысел, не основанный на свидетельстве Писания и даже противоречащий слову Божию».

В том же 1563 году на Тридентском соборе Католической церкви был принят Декрет о Чистилище, в котором подтверждалось, «что существует чистилище и что души, которые пребывают там, получают помощь через ходатайство верных, и особенно через Искупительную жертву алтаря»*. Тем не менее, если англикане не признавали чистилища как такового, и уж тем более считали баснями, что вход в него существует где-то на земле, то и католики в XVII веке стали проявлять больший скептицизм. Главными защитниками доктрины чистилища в XVI–XVII веках стали иезуиты, и в их трудах учение о чистилище в целом претерпело небольшие изменения. Знаменитый проповедник, член ордена иезуитов, кардинал Роберт Беллармин (1542–1621) в своем трактате о чистилище (1588) утверждал: можно верить в то, что души в чистилище могут молиться и просить за нас. Такая концепция полностью противоположна более ранним взглядам, в соответствии с которыми эти души полностью беспомощны и только наши молитвы могут помочь им. Беллармин объясняет свою позицию так: все души в чистилище по определению выше душ живущих, так как уже утверждены в благодати и любви. Итак, возможно, что они молятся за нас.

* Декрет о чистилище (25 сессия (3-4 декабря 1563 года) Тридентского собора) // Христианское вероучение. Доктринальные тексты учительства Церкви III-XX вв. Санкт-Петербург: Издательство св. Петра, 2002, с.502.

Не исчезло чистилище и из видений христиан — так, кармелитская монахиня Мария Магдалина деи Пацци (1566–1607) описывала, что ей было видение чистилища, где души были мучимы ужасными демонами, но и утешаемы своими ангелами-хранителями. Она, так же как до нее Екатерина Сиенская (1347–1380), утверждала, что хотя души страшно мучаются, они, тем не менее, сохраняют радостное настроение духа и надежду.

Тереза Авильская (1515–1582) в своей «Книге оснований», написанной в 1570-е годы, то есть после Тридентского собора, рассказывает о некоем дворянине Бернардино де Мендоса, который пожертвовал святой Терезе землю, чтобы она построила на ней монастырь. Однако он умер, прежде, чем строительство было завершено. После первой же мессы, произнесенной в церкви монастыря, святая Тереза увидела спасение дона де Мендоса из чистилища. Такие истории своей наглядностью и обещанием быстрого избавления, должно быть, способствовали возрастанию благочестия и жертвований на Церковь! (илл. 67)

После Тридентского собора в католической Европе и Латинской Америке в большом количестве появляются «братства душ чистилища», куда могли вступать миряне, мужчины и женщины, посвящавшие себя молитве за души, находившиеся в «третьем месте». Самое известное братство такого рода располагалось в Риме,

Илл. 67— Франсуа Ланго. Святая Тереза просит за дна Бернардино де Мендоса (гравюра по картине П.П.Рубенса), ок. 1641»1672 года. New York, Metropolitan Museum of Art, №50.562.103(2). Святая Тереза в монашеском облачении стоит на коленях перед Иисусом, указывая вниз, на души, томящиеся в чистилище. По ее молитве ангелочек вытягивает из огня бородастого испанца.

Илл. 68. — Фэльс-ам-Шлерн (Италия). Бедные души, ок. 1700 года. Собирая милостыню, члены братств душ чистилища часто использовали визуальный образ — души в виде обнаженных мужских и женских тел, горящие в огне, благочестиво претерпевающие страдания и надеющиеся на помощь живых. Изображения такого рода могли быть как маленького, так и большого размера и были нацелены прежде всего на то, чтобы вызвать сострадание у смотрящих и побудить тех к молитве или милостыне, или и тому и другому вместе.

при церкви Санта Мария дель Суффраджо, и было основано в 1592 году. В 1594 году папа Климент VIII в особой булле повелел, что все остальные братства душ должны подчиняться римскому, и к 1600 году к нему оказались присоединены братства в Париже, Мадриде, Барселоне, Вене. Члены этих сообществ молились, жертвовали деньги на мессы и собирали пожертвования с других людей, а после собственной смерти могли надеяться на усиленные молитвы остальных членов братства (илл. 68).

Илл. 69— Газтано Джулио Зумбо. Душа в чистилище, ок. 1700 года. London, Victoria and Albert Museum, №А.65-1938. На подвеске очень небольших размеров (11,3х11 см) изображена страдающая, но не теряющая надежды душа в чистилище, вззирающая на Бога. Изготовленная из ваксы реалистическая фигурка предназначалась для ежедневного созерцания и молитвы за души в чистилище в приватной обстановке.

Изображения страдающих душ, за которых они молились, известны и в скульптуре, и в живописи, изготавливались они и в миниатюрном варианте, и их можно было постоянно носить с собой (илл. 69).

Как и прежде, за помощью в скорейшем избавлении душ чистилища от мучений обращались за помощью к Деве Марии и разным святым (илл. 70).

Одной из самых популярных благочестивых практик, связанных с верой в заступничество

Илл. 70 — Моллено. Святой Франциск Ассизский спасет души из чистилища, первая половина XIX века. New York, Brooklyn Museum, №X594. На этом позднем образе мы видим, что святой Франциск Ассизский, один из самых популярных католических святых, протягивает душам в качестве спасительного средства свой веревочный пояс с узелками — атрибут нищенствующего ордена францисканцев, которые намеренно отказались от кожаных ремней и стали препоясывать свою одежду простыми веревками, как крестьяне. Со временем количеству узлов на этом веревочном поясе стали придавать символическое значение: три означали добродетели целомудрия, бедности и послушания, а пять, как здесь, напоминали о пяти ранах Христовых.

Матери Божией за души в чистилище, стало в XVII–XVIII веках ношение «коричневого скапулярия». Скапулярий представляет собой два небольших куска материи со священными изображениями или надписями (например, инициалами Девы Марии и Иисуса Христа), соединенными

лентой. Его можно носить под повседневной одеждой или поверх нее. По преданию, первый скапулярий подобного рода сама Дева Мария показала в видении Симеону Стоку, генеральному настоятелю Кармелитского ордена, в 1251 году и пообещала: тот, кто умрет в скапулярии, не будет гореть в вечном огне. Позже, в XV веке, возникла легенда о том, что Дева Мария явилась папе Иоанну XXII (1244–1334) и сообщила ему, что монахи и монахини кармелитского ордена, а также миряне-члены «третьего ордена» кармелитов пользуются в иной жизни особой «субботней привилегией». При условии, что они вели добродетельный образ жизни и умерли в скапулярии, им не приходится долго томиться в чистилище. Каждую субботу (отсюда название привилегии) сама Дева Мария спускается в чистилище и забирает верных ей кармелитов и кармелиток с собой. Несмотря на то, что это всего лишь легенда, и отношение Церкви к субботней привилегии было неоднозначным (португальская инквизиция в 1609 году внесла все книги, упоминавшие ее, в Индекс запрещенных книг), вера в особую силу скапулярия в деле быстрого освобождения из чистилища была распространена в XVII–XVIII веках, существует она и сейчас. Ею были вдохновлены многочисленные произведения искусства, на которых Дева Мария раздает скапулярии (илл. 71).

Несмотря на то что Католическая церковь и подтверждала существование чистилища как

Илл. 71 — Мастер круга Диего Квиспе Тито. Дева Мария горы Кармель спасает души из чистилища, конец XVII в. New York, Brooklyn Museum, №41.1275.178. Дева Мария и младенец Иисус держат в руках скапулярии, а внизу ангел выводит благочестивые души из чистилища. Слева, с мечом и весами, наш старый знакомый архангел Михаил. Наверху изображены Бог Отец и Бог Святой Дух (в виде голубя), символизирующие мило-сердное присутствие всей Троицы.

такового, вопрос о возможности посетить его при жизни становился все более и более сомнительным. Хотя Франсиско Суарес (1548–1617), известнейший философ-иезуит, и подтвердил в своем трактате о чистилище (1603), что данное место находится неподалеку от геенны огненной, под землей, ближе к центру земли, а богослов Димас Серпи (ок. 1550 — начало XVII века) даже положительно отзывался о самом Чистили-

ще святого Патрика, все-таки все чаще раздавались голоса скептиков.

Например, в 1631 году Франсиско Фелипе де ла Крус в книге «Сокровище Церкви» выдвигает богословские контраргументы: как может тот, кто побывал в чистилище, вернуться в мир живых? Ведь он может снова совершить грехи, и тогда какая разница, очистился ли он или нет, ведь не исключено, что его ждет ад.

А знаменитый английский иезуит и мученик Эдмунд Кампион (1540–1581) в 1570 году, не сомневаясь в существовании чистилища как такового, очень сильно нападает на Чистилище святого Патрика и рассказывает, что разговаривал с одним священником, посетившим это место, и тот сообщил ему, что просто видел очень страшные сны, а пещера очень узкая и едва вмещает шесть человек. Другой английский иезуит, Ричард Стэнихёрст (1547–1618), хотя и более мягок, но не менее категоричен. В своей книге, напечатанной в Антверпене в 1587 году, он пишет, что сейчас видений в Чистилище святого Патрика больше нет, но раньше они могли быть.

Впрочем, существовала и альтернативная точка зрения, высказанная в болландистских «Деяниях святых», которые мы уже упоминали. Согласно ей, сначала видения в месте Чистилища святого Патрика прекратились, но затем, когда англикане стали преследовать католиков, вновь возобновились.

Как бы то ни было, эпоха рыцарских паломничеств в Чистилище святого Патрика подошла

к концу. Свидетельством тому стала легенда о короле Артуре, которую изложил Этьен Форкатель, или Стефанус Форкатулус (род. ок.1518) в своей книге «De Gallorum Imperia et Philosophia» (1589) — «Об империи и философии галлов». Там рассказывается, что король Артур с большим рвением относился к искоренению суеверий и предрассудков среди своих подданных, особенно в Ирландии, где Евангелие только недавно было проповедовано св. Патриком. Для этого король согласился посетить мрачную пещеру святого, куда он спустился по извилистой дороге. Он слышал, что эту пещеру считают воротами в страну теней или, по крайней мере, в чистилище, и что побывав там, бедные грешники надеются смыть свои грехи и радостно вернуться к свету дня. Форкатель даже делает предположение, что св. Патрик выдумал эту историю, чтобы напугать диких ирландцев, расположив место наказания так близко к их родине. Когда Артур спустился, его конюший, Гавейн, отговорил его от дальнейшего пути — они слышали шум воды, чувствовали серный запах и слышали звуки голосов, как будто оплакивавших потерю собственных тел. Дальше Артур обратился за советом к Мерлину, который, проглотив сердце убитого крота, обрел таким образом дар пророчества и провозгласил, что пещера была выкопана Одиссеем, который попал в Ирландию во время своих странствий, а затем время углубляло ее, пока она не стала таких размеров, как сейчас. Форкатель сводит всю историю с Чистилищем

к шутке, и, таким образом, рыцарская история совершает полный круг. Начавшись с вымышленного рыцаря Овейна, не побоявшегося испытаний чистилища, она заканчивается воплощением рыцарского идеала Артуром, который обнаруживает, что чистилище не более чем обман.

Откуда пошла история с Одиссеем в Ирландии, непонятно, но еще до Форкателя ее излагает Уильям Кэмден в своей книге 1586 года «Британия». В гомеровской «Одиссее», в 11 песне, рассказывается, как Одиссей прибыл в страну киммерийцев, где никогда не светит солнце, и, по совету Цирцеи, выкопав яму, совершил там кровавые возлияния мертвецам, после чего те явились древнегреческому герою и разговаривали с ним. Кэмден же, в разделе, посвященном графству Донегол, пишет, что в этом регионе есть озеро, а на озере остров, на острове же монастырь с неким сводом в земле. И вот про этот свод рассказывают, будто там есть разные чудовищные призраки и явления и вообще «религиозный ужас». Кэмден насмехается над теми, кто ассоциируют это место с Улиссом, который якобы спускался отсюда, чтобы поговорить с мертвыми, а затем сообщает о том, что местные связывают этот остров со св. Патриком и его Чистилищем. По всей вероятности, легенда об Улиссе зародилась в каких-то достаточнообразованных кругах, но найти ее истоки пока не представляется возможным. Форкатель даже объясняет название области — Ulster — как Ulyssis Terra, земля Улисса.

Ирландцы отказываются становиться англиканами

Разрушение и восстановление Чистилища святого Патрика на острове происходило на фоне глобальных перемен в Ирландии. Уже к концу XV века три четверти территории, ранее находившейся под властью английского короля, были им потеряны, попав под власть мятежных ирландских семейств. Говорили о «четырёх послушных графствах» — Лаут, Дублин, Мит, Килдэр. Это были единственные ирландские области, где действовали законы английской короны и выполнялись приказы английского короля. В 1495 году Ирландский парламент принял решение оградить эти области (Пейл) кольцом укреплений. Ульстер, где находилось Чистилище, в Пейл не входил, там правил род или клан О’Нилов.

Две трети ирландцев говорили по-гэльски, а землями традиционно владели кланы, причем наследовались эти земли по довольно сложному принципу, периодически распределяясь между самыми авторитетными членами клана (порядок распределения зависел от конкретной области). Следующим главой клана мог в принципе оказаться любой потомок благородного предка. Области кланов могли быть большими и маленькими. Например, у Маккарронов в Вестмите в конце XVI века было всего 1200 акров. О’Нилы, наоборот, владели гигантскими землями. Маленькие кланы были

вынуждены подчиняться большим. Большие должны были беспрестанно доказывать, что они сильны. Некоторые были лояльны английской короне, а некоторые не признавали короля или восставали против него.

Ирландский ландшафт в XV–XVII веках определяла постоянная война в большем или меньшем масштабе, от стычек до больших сражений. Воевали друг с другом, с англичанами, с наемниками из Шотландии.

После 1534 года конфликты осложнились тем, что английские власти попытались навязать Ирландии англиканство. Однако к концу правления королевы Елизаветы (1603) стало ясно, что Реформация в Ирландии потерпела сокрушительное поражение. Современники насчитали во всей стране всего — в лучшем случае! — 120 англикан. Однозначного ответа на то, почему так произошло, до сих пор нет.

С самого начала религиозные реформы Генриха VIII (1491–1547) были встречены в Ирландии плохо, что выразилось, в частности, в широкой массовой поддержке Килдэрского восстания 1534–1535 годов. Тем не менее, после подавления восстания ирландский парламент признал Генриха VIII главой Ирландской церкви, повсюду в стране распускались монастыри, в диоцезах Дублина и Мита уничтожались реликвии, и все это не вызвало почти никакого открытого возмущения со стороны высокопоставленных клириков.

При Эдуарде VI (правил в 1547–1553) недовольство стало нарастать. Когда в ноябре 1548 года епископ Стейплз прочел первую протестантскую проповедь, слышались призывы сжечь его, как еретика, ибо «он делает нас хуже, чем евреи». Епископ Джон Бейл в Килкенни жаловался, что никто из клириков не хочет помогать ему, а многие из его слуг были просто убиты, так что самому ему пришлось бежать из города, опасаясь за свою жизнь.

Ирландцы отказывались присутствовать на протестантских богослужениях, а если этого нельзя было избежать — то непристойно вели себя во время этих богослужений. Несмотря на то, что в 1563 году был введен штраф для глав семей, которые не будут появляться на дублинских протестантских службах по воскресеньям, а в октябре 1564 года королева учредила Ирландскую Церковную высшую комиссию для расследования дел тех, кто или не приходит на службы, или ведет себя на них дурно, практически все дворяне и сколько-нибудь имеющие в обществе вес люди продолжали посещать католические мессы, а протестантские службы игнорировали.

Среди ирландских клириков пытались проводить присягу на верность королю, но это вызвало такой протест, что пришлось прекратить эту практику, чтобы совсем не лишиться священников.

Более того, во многих местах сохранились католические священники и монастыри —

в 1590 году протестантский архиепископ Маграт жаловался, что в Ульстере действуют 16 монастырей, и братья там носят свои привычные одежды, служат по-прежнему и даже перешли на григорианский календарь (считавшийся тогда в Англии папистским изобретением). Ирландских священников и кандидатов в священники тайно переправляли в католические коллежи за рубежом, например, в Лувен или Париж. В Дуэ, специально для нужд английских и ирландских католиков, был открыт в 1568 году новый коллеж, в 1590 — специально для ирландцев, в Лиссабоне. К 1611 году в Испании, Франции и Нидерландах было уже 12 ирландских коллежей.

Делалось это частично на деньги Рима, а частично — на деньги ирландских аристократов и богатых купцов. Так, гильдия св. Анны в Дублине содержала в конце XVI — начале XVII веков шестерых священников для своей заупокойной часовни, причем в документах они значились как певчие. В самой Ирландии действовала сеть школ под управлением иезуитов — разумеется, подпольная. Проводились мессы и в городах, прямо в церквях, просто значительно раньше протестантских служб — например, лорд-судья Друри пишет в апреле 1577 года, что видел, как в Уотерфорде люди толпами выходили из храмов в пять часов утра. Мармадюк Миддлтон, англиканский епископ Уотерфорда и Лисмора, упоминает в 1580 году, что все открыто носят четки, поклоняются изображениям и молятся за мертвых.

Францисканцы и доминиканцы, особенно францисканцы, перемещались по стране небольшими группами, а в 1574 году даже собрали свой собор в Голуэе. Они были агентами Контрреформации, и, естественно, имели связи в Риме и других местах. К 1617 году в Ирландии постоянно находились 120 францисканских братьев. Последний монастырь доминиканцев в отдаленной части графства Майо был закрыт в 1608 году, но уже в 1614 году они снова стали прокрадываться в Ирландию, и к 1626 году на острове было 12 их домов со 110 братьями, из которых 51 был священником.

В 1623 году Юджин МакМахон, католический священник, писал в Рим, что всего в Ирландии 800 белых клириков и 300 монахов, из которых 200 францисканцев, 40 иезуитов и более 20 доминиканцев. Как мы видим, он называет очень мало доминиканцев — возможно, его данные были неверны. Общее население Ирландии около 1600 года составляло примерно миллион человек, и если подсчет МакМахона (1100 священников) верен, то получится, что на каждые 910 человек приходился один священник, в то время как в 1871 году один священник приходился на 1560 человек!

Деятельность священников и монахов в Ирландии отнюдь не только религиозный характер. В 1577 году ирландские клирики возвращались из Европы домой в том числе и с целью подготовить восстание против Елизаветы. Все мятежи второй половины XVI века — восстание Балтингласса, заговор Ньюджента, восстания

Десмондов — были пропитаны антиангликанской, католической риторикой.

В апреле-мае 1603 года во многих городах Ирландии состоялся так называемый бунт папистов. Когда новость о смерти Елизаветы I дошла до Килкенни, Вексфорда и городов Манстера, горожане и аристократы триумфально возобновили католическое публичное богослужение. Они захватили соборы и церкви, провели религиозные процессии. В Корке на Страстную пятницу публично бичевали себя, носили крест по улицам и заставляли поклоняться ему, ликовали и говорили, что новый король — Яков I — такой же католик, как они.

Однако правление Якова I (1603–1625) не оправдало их надежд. Как только закончилось Тиронское восстание, или Девятилетняя война (1594–1603), местные власти стали делать все больше попыток насильно насадить протестантизм в Ирландии. Ирландцы считались нелояльными короне гражданами, пока они остаются католиками, поэтому католицизм надо было истребить.

Власти пытались помешать католикам отправлять своих детей учиться за границу; судьи, которые отказывались судить своих собратьев-католиков за нонконформизм, карались штрафом; католикам-юристам больше не давали выступать в судах, в 1612 году два католических священника были казнены по обвинению в измене.

Последний католический судья в Ирландии был вынужден уйти со своего поста в 1607 году.

Все остальные, чтобы практиковать право, должны были принести присягу на верность. Тем не менее, все эти меры ни к чему не привели. Если в 1606 году, по данным англичан, у ирландцев было 14 католических епископов (семь находились за границей, четыре в Ольстере, два в Манстере, один в заточении в Дублине), а к 1618 году на острове не осталось ни одного епископа, то к 1630 году на острове было уже 17 епископов и архиепископов и 13 апостольских викариев.

В Ольстере, который ранее был почти не затронут английской культурой, произошли в первой половине XVII века самые значительные перемены. В 1603 году главы правивших там кланов О'Нил и О'Доннелл были побеждены англичанами, и в 1606 году началась так называемая колонизация Ольстера. Земли отнимались у бывших владельцев и передавались колонистам, которые прибывали в основном из Шотландии и были верными сторонниками английского монарха и протестантами. К началу XVIII века ирландские землевладельцы в этой области были почти полностью вытеснены пришельцами из Англии и Шотландии и были вынуждены арендовать у них свои бывшие владения.

Поменяло владельца и Чистилище святого Патрика, однако, как ни странно, паломничества туда не прекратились. К сожалению, мы не знаем имен паломников. Чуть ли не единственный известный пилигрим второй половины XVI — начала XVII вв. — некий Энгус Мак Никалл

(Aonghus Mac Niucaill), который в 1543 году задушил своего сына и в качестве покаяния должен был совершить паломничество в Скеллиг Майкл, Глендалох, Даунпатрик, Кро Патрик и Лох Дерг.

Однако европейцы не забыли про Чистилище святого Патрика. Оно вновь стало поводом для размышления о судьбе и вере человека, и эти размышления были не похожи на средневековые.

Если внимательно читать шекспировскую «Трагедию о Гамлете, принце датском», то мы обнаружим в ней скрытые указания на Чистилище святого Патрика.

Что неизвестно нашим мудрецам: Чистилище святого Патрика в шекспировском «Гамлете»

«Гамлет» Шекспира был написан, скорее всего, в 1600 или 1601 году, в последние годы жизни королевы Елизаветы, когда, как мы видели, предпринимались вялые и неудачные попытки насадить англиканство в Ирландии.

История принца, мстящего за смерть отца, существовала и до Шекспира, но только у него появляется новый персонаж — призывающий к этой мести призрак. У Шекспира он давит на чувство вины и привязанности сына: «Коль ты отца когда-нибудь любил... Отомсти за гнусное его убийство»^{*}.

Один из ключевых вопросов в пьесе — действительно ли перед нами призрак или же демон, при-

^{*} Здесь и далее, если не указано особо, «Гамлет» цитируется в переводе М.Л.Лозинского.

нявший вид отца Гамлета? И если это призрак, то откуда он явился, из ада или из чистилища? Кажется бы, добрые англиканы и думать не могут о существовании чистилища, но Шекспир тут и там оставляет намеки. Например, отец Гамлета говорит:

Я дух, я твой отец.
Приговоренный по ночам скитаться,
А днем томиться посреди огня,
Пока грехи моей земной природы
Не выжгутся дотла.

В переводе Лозинского пропало очень важное для нас выражение «for a certain term»:

I am thy father's spirit,
Doomed for a certain term to walk the night.

Это означает, что он не в аду, а в чистилище, так как именно там существуют временные ограничения на наказания, в аду же наказание вечно. В этом отношении вернее перевод Б.Л. Пастернака:

Я дух родного твоего отца,
На некий срок скитаться осужденный
Ночной порой, а днем гореть в огне,
Пока мои земные окаянства
Не выгорят дотла.

Кроме того, и у Лозинского, и у Пастернака исчез второй глагол, относящийся к грехам — purged:

Till the foul crimes done in my days of nature
Are burnt and purged away.

Очищены — это уже прямой намек на чистилище, так как используется слово с тем же корнем (purgatory — purge). Интересно, что в некоторых русских переводах, например, в переводе К.Р., оно есть («Пока очистятся, сгорев, пороки злые / Моей минувшей жизни»). Как часто бывает, намеки и контекст пропадают при более сильном с художественной точки зрения переводе, но сохраняются в более слабом.

Плохо не только то, что отца Гамлета убили — с точки зрения средневекового человека ужасно, что это была неожиданная смерть, и он не успел исповедоваться и принести деятельное покаяние, ведь тот, кто не успел помучиться за свои грехи в жизни, примет гораздо худшие муки в чистилище. Поэтому Гамлет и отмечает:

Отец сражен был в грубом пресыщенье,
Когда его грехи цвели, как май.

И продолжает в полном согласии с теорией справедливого воздаяния:

Каков расчет с ним, знает только небо.
Но по тому, как можем мы судить,
С ним тяжело».

Сам призрак тоже говорит:

Я скошен был в цвету моих грехов,
Врасплох, непричащен и непомазан;
Не сведши счетов, призван был к ответу
Под бременем моих несовершенств.
О ужас! Ужас! О великий ужас!

Несовершенства (imperfections) — тоже очень значимое слово, здесь Шекспир как бы намекает зрителю, что грехи старого Гамлета не были смертными.

Но самый откровенный намек на чистилище непосредственно связан с нашим ирландским островом — это момент, когда после встречи с призраком Гамлет клянется святым Патриком. Первым возможную связь с чистилищем тут заметил еще в 1860-е годы немецкий филолог Бенно Чишвиц. Гамлету, бывшему студенту университета в протестантском Виттенберге (об этом упоминает король в I акте), то есть, вероятно, тоже протестанту, совершенно незачем и не к лицу клясться святым Патриком. Из остальных персонажей пьесы святых поминает только безумная Офелия, когда поет о Валентиновом дне и клянется именем Иисуса и его милосердной любовью (By Gis and by Saint Charity).

Более того, после того, как призрак призывает всех из-под земли «клянитесь!», Гамлет вдруг говорит по латыни «Hic et ubique» («здесь и везде»). Современники Шекспира при этих словах не могли не вспомнить молитву, которая читалась по мертвым, лежавшим на церковном дворе — в ней говорится, среди прочего, что Божье милосердие и прощение призывается на души *hic et ubique*.

Таким образом, в пьесе здесь и там рассыпаны понятные читателям начала XVII века намеки на католические обряды и католических святых. Зачем это нужно? Одно из объяснений состоит в том, что

Шекспир не мог прямо обратиться к теме чистилища. В его пьесах часто фигурируют католические монахи, иногда обрисованные с симпатией (вспомним францисканцев из «Ромео и Джульетты»). Тем не менее, театральные пьесы подвергались цензуре и открыто говорить о чистилище, конечно же, было нельзя. Можно было только смеяться, как Кристофер Марло (1564–1593) — у него в «Трагической истории доктора Фауста» тот, невидимый, выхватывает блюдо и кубок, папа недоумевает, а кардинал Лотарингский делает предположение: «Ваше святейшество, может быть, это какой-нибудь дух, ускользнувший из чистилища, чтобы вымолить у вашего святейшества прощение грехов?»*

Даже если мы примем как должное, что отец Гамлета появляется из чистилища, то остается одна сложная проблема. Дело в том, что души в чистилище спасены. Как же отец Гамлета может призывать сына к совершению новых грехов? Не означает ли это, что он все-таки в аду? Обычно души из чистилища просят совсем другого — молитв и добрых дел для облегчения своей участи, а не участия в преднамеренном убийстве. Или же это дьявол в обличье призрака? Такая мысль непременно пришла бы в голову шекспировской аудитории. Фигура призрака так непонятна, что никогда не удастся до конца понять, кто он — действительно тень отца Гамлета или дьявол в его обличье? душа в чистилище или в аду? или вообще появившаяся

* перевод Н.Н.Амосовой.

откуда-то из языческого Аида фигура? Остается признать, что эта двусмысленность и была задумана автором, как усложняющая задачу Гамлета.

И католики, и протестанты в начале XVII века сходились в одном — правосудие должен осуществлять Бог или закон. Обычные люди не должны брать на себя эту функцию. Но как быть, если к отмщению тебя призывает родитель, которому надо повиноваться? Это моральная дилемма, еще более усугубляемая непонятным статусом этого родителя, тем, что он явился из отринутого чистилища, и при этом ведет себя так, как души в чистилище вообще-то не ведут.

Когда Гамлет говорит: «И в небе и в земле сокрыто больше, / Чем снится вашей мудрости, Горацио», он может иметь в виду как раз то «третье место», которое так недолго любил Лютер.

Вряд ли это означает, что Шекспир был тайным католиком, просто тема чистилища продолжала волновать людей. Но если Шекспир мог только намекать на чистилище вообще и использовать св. Патрика для того, чтобы у зрителей возникли нужные ассоциации, то через несколько лет, в католической Испании Кальдерон и Лопе де Вега говорили о чистилище св. Патрика совершенно открыто.

Чистилище святого Патрика глазами испанцев

В 1627 году Хуан Перес де Монтальбан пишет роман «Житие и чистилище святого Патрика», Лопе де Вега (или один из его последователей) —

пьесу «Величайшее чудо и Чистилище в этой жизни», а в 1628 году Педро Кальдерон де ла Барка — «Чистилище святого Патрика».

Во всех этих произведениях излагается одна и та же история, основанная на латинском издании «Florilegium Insulae Sanctorum, seu vitae et Actae sanctorum Hiberniae», то есть «Цветник святых острова, жития и деяния святых Ибернии», вышедшем в Париже в 1624 году.

Наибольший успех у испанских читателей имел роман Монтальбана (он выдержал почти 50 переизданий). Нам же легче всего будет следовать за перипетиями сюжета по пьесе Кальдерона, так как она была переведена на русский язык Константином Бальмонтом еще в начале XX века и более доступна русскому читателю (в 1911 она была даже поставлена бароном Николаем Дризенем в «Старинном Театре» в Санкт-Петербурге).

История начинается с кораблекрушения у берегов Ирландии, в царстве некоего Эгерю. На корабле спаслись двое, Патрик и Людовико, но Патрика скоро забирает с собой ангел, так как хотя он и должен нести свет христианства ирландцам, до этого ему надо еще посетить Рим. Через три года Людовико, уже успешный полководец, в результате сложной интриги убивает Полонию, дочь царя. Пока он находится в бегах, в Ирландии снова появляется Патрик и, чтобы доказать истинность христианского учения, воскрешает Полонию. Царь вместо того, чтобы обрадоваться, вступает с Патриком

в сложную теологическую дискуссию, спрашивая, откуда именно вернулась Полония, из рая или из ада:

Она была мертва, пусть это верно,
Ее душа тогда необходимо
Должна была быть в небе иль в аду,
В одном из этих двух пределов скрытых:
Ты сам, Патрик, так учишь нас. Но если
Она была в раю, немилосердно
Бог поступил бы, если бы вернул
Кого-нибудь из рая в мир, где может
Вернувшийся подвергнуться опять
Опасности быть вечно осужденным
И в ад сойти, изведав радость неба.
Правдивость утвержденья очевидна.
Когда ж душа была в аду, тогда
Нарушена простая справедливость:
Возможно ль допустить, чтоб человек,
Достойный кары, вновь туда вернулся,
Где может милость неба он снискать.
А так как в Боге милость с правосудьем
Одно и то же, где ж, Патрик, поведай,
Была душа Полонии теперь?

И вот тут Патрик и выступает с учением о чистилище. Он говорит, что да, все это так,

Но нечто есть еще совсем другое,
Что должен ты принять в соображенье:
Мест славы и возмездья в мире больше,

Чем думал ты. Узнай, себе на благо,
Что есть еще чистилище, куда,
Скончавшись в состояньи примиренья,
Душа для очищения вступает,
Чтоб от грехов своих освободиться,
Соделанных при жизни, в этом мире;
С грехами же никто не вступит в небо.

Заметим, что тут Кальдерон практически повторяет Шекспира: в земле и в небе есть нечто еще кроме рая и ада.

На это царь заявляет ему, что если Патрик за час не предоставит какого-нибудь вещественного доказательства того, что ад, рай и чистилище действительно существуют, то он не уверует. Бог не подводит своего святого и дает ему подробные инструкции, как найти вход в чистилище, но предупреждает, что входить туда можно, только искренне покаявшись. Патрик отправляется туда с Эгериио и свитой и, когда надменный царь, презрев предупреждения о покаянии, входит в пещеру, то немедленно проваливается в тартарары.

Далее Кальдерон описывает, как Людовико, раскаиваясь, хочет войти в чистилище, чтобы смыть свои грехи. Описание испанского автора соответствует местоположению Чистилища святого Патрика:

Со всех сторон гора окружена
Тем озером глубоким. Но спокойно

Достигнешь ты обители священной,
Что посредине острова стоит.
Там иноки живут, их попеченью
Доверена забота — неусыпно
Беседовать со всяким, кто захочет
При жизни пострадать, — молиться с ним,
Давать ему особые советы,
Узнать его грехи и заставляя
Пройти сквозь целый ряд предупреждений,
Сквозь многие обряды.

На острове Людовико встречаются монахи. Интересно, что Кальдерон не пропускает такую важную деталь, как обязательно требуемое разрешение епископа для вступления в Чистилище. Его Людовико говорит:

Уж отпущенье я себе снискал
Епископу Гибернии поведал
Грехи; мое намеренье узнав,
Меня он, полный кротости, утешил
И благосклонно дал к тебе посланье.

Монахи не хотят сразу пускать его, но герой настаивает на том, что у него есть великая причина для того. Перед входом в пещеру он ясно объясняет, для чего именно он желает войти туда:

Тысячекратно здесь я подтверждаю,
Что пытки претерпеть я жажду, ибо

Так грешен я, что это покаянье —
Ничто для искупления грехов,
Иду, чтоб здесь найти мое спасенье.

Если для средневековых паломников Чистилище святого Патрика было скорее страшным видением того, что может ожидать после смерти нераскаявшихся грешников, то Людовико больше похож на Тнугдала, который был действительно наказуем мучениями.

На выходе из чистилища Людовико рассказывает о том, что видел. Рассказ его совпадает с теми историями, которые мы слышали от рыцаря Овейна и других средневековых паломников. Сначала он шел в темноте, затем упал с ужасным грохотом и оказался в яшмовом чертоге, где к нему подошли двенадцать одетых в белое людей. Они велели Людовико не поддаваться угрозам и мучениям демонов, но призывать имя Христово. Людовико прошел через ад и чистилище, спасаясь от пыток именем Господним, и, перейдя через мост, увидел град небесный. Оттуда вышла процессия во главе со св. Патриком, который обнял грешника за то, что тот сдержал свое обещанье, и сказал ему возвращаться назад, ибо смертные не могут войти в град, где не меркнет свет.

Людовико просит разрешения стать монахом, а в заключение перечисляет многочисленных свидетелей истинности того, о чем он рассказывал:

Да завершится здесь повествование,
История события, о котором
Свидетельствует ясно Дионисий
Картезианец, Генрих Сальтаренский,
Матеус, и Ранульф, и Гейстербах
Момбрицио, Марко Маруло, Рото
И Беллярмин, Гибернии примас
Бенедиктинец Бэда-проповедник
И Фраи Димас Серпи, и Солино
И Томас Мессингам, и благочестье
Всех христиан, своим правдивым словом
Дающих подтверждение ему.

В сущности, Кальдерон просто переделывает на барочный лад «Трактат о чистилище святого Патрика», написанный еще в XII веке. Вопрос в том, чем объясняется этот интерес испанских авторов к странному и далекому паломничеству. Не может быть простым совпадением то, что в 1629 году, всего через несколько месяцев после премьеры пьесы Кальдерона, в Мадриде была основана коллегия св. Патрика (она располагалась на улице, которая до сих пор называется Calle de los Irlandeses, то есть «улицей ирландцев»). В 1630 и в городе Алькала была основана семинария св. Патрика.

Отчего же вдруг испанцы так заинтересовались святым Патриком и его Чистилищем? Дело в том, что в начале XVII века многие ирландцы-католики бежали в Испанию — католическую страну! — от преследований англичан. Среди них

были как раз те самые О'Нилы и О'Доннеллы, лишившиеся своих владений в Ольстере, где находилось Чистилище святого Патрика. Все они полагали, что Испания должна оказать Ирландии финансовую и военную помощь. Заключив Динглский договор 1529 года (с Джеймсом Фитцджеральдом, 11-ым графом Десмонд), император Карл V даровал ирландцам те же права, что и гражданам Испании (перед лицом протестантской угрозы). А Филипп III даже назначил особого Протектора, который должен был заниматься ирландцами. Он выделил деньги и на образование ирландских коллегиеумов по всей стране. План был таков, что ирландские студенты учились на испанские деньги, а потом возвращались на родину, чтобы продолжать там дело Контрреформации, а также готовить ирландцев к грядущей войне с англичанами, в которой, как они надеялись, победят испанцы. Кроме того, ирландским дворянам предлагали присоединиться к испанским военным орденам, особенно к ордену Сантьяго. Ирландцы начали жениться на испанках и некоторые из них переменили имена на испанский манер, чтобы облегчить себе карьеру при дворе.

Во время Девятилетней войны (1594–1603, она же Тиронское восстание) испанцы послали на помощь ирландцам 4000 солдат. Но после победы англичан в Испанию повалило еще больше ирландцев, мужчин и женщин. Зазвучали недовольные голоса: ирландцев называли алкоголиками и преступниками, ирландок —

проститутками, утверждалось даже, что эти эмигранты так быстро размножаются, что скоро заполнят всю Испанию. Монарх пытался справиться с проблемой, посылая ирландцев сражаться с Нидерландами и не допуская в испанские порты никаких английских или ирландских кораблей, чьи члены команды провозглашали, что являются католиками. Тем не менее, напряженность в обществе из-за присутствия такого обилия беженцев возрастала, возрастала и потребность в том, чтобы создать положительный, привлекательный образ Ирландии для испанцев.

До того в испанской культуре (если не считать путешествия Рамона де Перельоса) можно было найти разве что дальний отголосок легенды о Чистилище святого Патрика. Если мы откроем второй том «Дон Кихота» Мигеля Сервантеса, вышедший в 1615 году, то найдем там историю спуска благородного рыцаря в некую пещеру Монтесиноса, где он видит странные вещи. Время в этой пещере течет по-иному — Дон Кихот проводит во владениях Монтесиноса три дня, а снаружи прошло только полчаса. Санчо (в главе 55) тоже попадает в подземелье, однако в отличие от своего господина не имеет никаких видений и заботится только о том, как бы выбраться оттуда подобру-поздорову («Боже всемогущий, помоги мне! — говорил он про себя. — Для меня это сущее злоключение, а для господина моего Дон Кихота это, должно пола-

гать, было бы изрядным приключением. Он бы, уж верно, принял эти пропасти и подземелья за цветущие сады и дворцы Гальяны и питал надежду, что за этими мрачными теснинами пред ним откроется цветущий луг»^{*}).

Генри Салливан, профессор университета Миссури, предположил, что если в первой части романа Дон Кихот и Санчо совершают грехи в гротескной манере, то во второй они в такой же гротескной манере проходят сквозь чистилище. Это прохождение сквозь чистилище приводит к тому, что Дон Кихот, абсолютно сумасшедший в начале второй книги, излечивается в ее конце и принимает смерть как христианин. Идея того, что можно и даже желательно пройти сквозь чистилище во время своей земной жизни, возникает у Сервантеса, скорее всего, под влиянием современной ему мистической мысли. Очищение это отчасти можно сравнить со знаменитой «темной ночью души» святого Хуана де ла Крус (1542–1591). Иезуит П. Луис де ла Пуэнте пишет в 1612 году о том, что у Господа есть двойное чистилище (*duplex Purgatorium*), одно под землей, а другое на этой земле, со всеми нашими горестями и бедами. Конечно, чистилище после смерти лучше, так как там душе не грозит опасность на совершать новых грехов. Зато на земле можно отстрадать за грехи быстрее и, кроме того, можно страдать не только за себя.

* Перевод Н.М.Любимова.

Визуализируя эту идею, Сервантес, намеренно или бессознательно обращается к образу спуска в пещеру, как это было с паломниками, отправляющимися в пещеру Чистилища святого Патрика. А если мы вспомним трактовки XVI века, в которых Чистилище святого Патрика превратилось просто в странную глубокую пещеру (приключения Фортуната и короля Артура), то связь с ирландским паломничеством будет более очевидна.

Недовольные англиканы: разрушение 1632 года

Увы, в XVII веке Чистилище святого Патрика привлекало к себе внимание не только английских и испанских авторов, но и внимание властей. Они были крайне недовольны тем, что на остров постоянно стекаются паломники. В 1632 году произошло, вероятно, самое трагическое событие в истории Чистилища святого Патрика. На тот момент острова на озере принадлежали Джеймсу Маграту, одному из сыновей знаменитого Майлера Маграта.

История Майлера Маграта так характерна для Ирландии того времени, что заслуживает отдельного рассказа. Он родился в Термонмаграте в 1523 году. Майлер был так благочестив, что пошел против обычаев времени, отказавшись от наследства, хотя был старшим сыном, и вступил в орден францисканцев. После обучения

в Риме его в 1565 году назначили епископом Дауна и Коннора в Ольстере, после чего он поехал в Ирландию, чтобы поддерживать католиков и сопротивляться англиканству. Однако по пути его схватили англичане и заточили в лондонский Тауэр. В тюрьме хитрый ирландец заверил королеву, что его сан не помешает ему принять Акт о супрематии (по которому королева являлась главой Церкви Англии), после чего его отпустили. По возвращении в Ирландию он был назначен в 1570 году англиканским епископом Клохера, но при этом только в 1580 году Рим за ересь лишил его сана епископа Дауна и Коннора. Майлер Маграт был, видимо, единственным человеком, который одновременно выполнял обязанности англиканского и католического епископа! В дальнейшем Католическая церковь не оставляла надежд на то, что Майлер вернется в ее лоно, и приглашала его приехать в Рим (а во время Девятилетней войны он попал в плен к О'Нилам, которые выпустили его при условии, что он снова станет католиком), но он предпочел оставаться протестантским епископом до конца жизни и умер в 99 лет в своем замке в Кашеле. Джеймс был одним из его пяти сыновей, получившим земли в Термонмаграте во владение в 1609 году.

13 сентября 1632 года члены Английского Тайного Совета и лорд-юстициарий Адам Лофтус выпустили прокламацию, обязывающую Джеймса, как владельца участка, под страхом штрафа в 1000 фунтов снести и «полностью уничтожить монастырь дурной славы, называе-

мый Чистилищем святого Патрика, с ложем св. Патрика и со всеми сводами, кельями и другими домами и строениями, а все суеверные статуи и материалы бросить в озеро, и что он должен сравнять с землей часовню, полную суеверий, и никаких лодок и паломничеств не должно быть <...> во время жизни Джеймса Маграта, самовольно или умышленно»*.

Из этого текста очевидно, что после восстановления Чистилища в начале XVI века характер паломничества совершенно изменился. Если раньше паломников было очень мало, и деньги с верительными грамотами они вручали епископу, то теперь они посещали остров толпами, а деньги отдавали хранителю места.

Решение Тайного совета о разрушении Чистилища было принято, так как было ясно, что просто перекрыть доступ на остров не получится — люди все равно найдут способ пробраться туда. Естественно, Чистилище святого Патрика было не единственным католическим местом, разрушенным по решению Совета, — ранее в том же году в Дублине был уничтожен францисканский монастырь на Корк-стрит, а иезуитские церковь и колледж на Бэк-лейн были аннексированы в пользу Тринити-колледжа.

25 октября 1632 года протестантский епископ Клохера Джеймс Споттисвуд прибыл на

* Цитируется по книге: O.Rafferty, *Catholicism in Ulster, 1603–1983: an interpretative history*. University of South Carolina Press, 1994.

остров в компании двадцати хорошо вооруженных мужчин. Через несколько дней в своем письме архиепископу Армахскому он написал, что правильно сделал, так как ни шериф Донегола, ни старший шериф Фарманах не оказали ему ни малейшего содействия. Шериф Донегола вообще не явился, а шериф Фарманах наотрез отказался плыть на остров. Он также пишет, что они были вынуждены ожидать три часа, пока не появилась лодка — а был дождливый холодный день, и не было никакого убежища.

Первым делом Споттисвуд нашел пещеру и хорошенько раскопал ее. Он не нашел никакого секретного прохода — ни к часовне, ни к озеру, и, по его словам, это была простая яма. В своем отчете лорду-примасу, епископу Ашеру, он пишет: «Первое, что я старательно искал, была пещера, так как я помнил, что Ваша милость велели мне раскопать ее до основания и не оставить в ней камня на камне, и так я и сделал. Я приказал копать ее со всех сторон, пока мы не дошли до скалы, но мы не нашли тайного прохода ни в часовню, ни в озеро, да и сама почва не позволила бы этого. Словом, эта пещера была бедной нищей дырой, выложенной камнями, делом человеческих рук без особого мастерства. Затем она была прикрыта землей, как делают хозяева, когда хотят прикрыть свиней от дождя»*.

* Цитируется по книге: M.P.Carroll. Irish Pilgrimage: Holy Wells and Popular Catholic Devotion. Baltimore and London: John Hopkins University Press, 1999.

Затем он сломал часовню, все каменные круги, вокруг которых ходили паломники, полагая их остатками келий великих ирландских святых, и все дома, которые были на острове. Его отчет чрезвычайно подробен, он даже упоминает, что один дом они оставили на острове, чтобы в том случае, если начнется шторм и они не смогут выбраться, они могли бы там укрыться, но затем снесли и этот дом. По словам епископа, местные жители ожидали, что святой Патрик накажет нечестивцев, но ничего плохого с ними не случилось.

Споттисвуд не упоминает о том, был ли кто на острове, кроме команды разрушителей. Об этом пишет в Тайный Совет донегольский дворянин сэр Уильям Стюарт: «Аббат, священники и монахи, которые находились на острове, узнали о приказе ваших лордств; поэтому ночью они украдкой ускользнули с острова на лодке, которая вмещает по меньшей мере 40 человек»*.

Чтобы понять, что это за монахи, нужно иметь в виду, что незадолго до разрушения в Чистилище святого Патрика появились францисканцы. Как мы помним, они находились в Ирландии незаконно, что не останавливало их деятельности — они не просто прятались по домам сочувствующих католиков, но основывали свои маленькие монастыри. 25 августа 1625 года францисканский архиепископ Дублина Томас Флеминг написал письмо

* Цитируется по книге: L.Shane. Saint Patrick's Purgatory: A Record From History and Literature. London: Burns, Oates & Washbourne, 1932.

папскому интернунцию в Брюсселе, в котором упоминал, что паломничество в Чистилище процветает и не хватает места, чтобы разместить всех паломников. В этих обстоятельствах Хью О'Рейли, архиепископ Армаха, обратился за помощью к францисканцам, так как их было больше всего среди монахов в Ирландии и они привыкли к жизни в не слишком цивилизованных местах. Францисканцы приняли предложение, но потребовали папского одобрения. Очевидно, они хотели какого-то подтверждения их прав нахождения на острове, так как до того там находились августинцы. Епископ и владелец земли (упоминавшийся выше Джеймс Маграт) согласились, что такое одобрение необходимо, и создали резиденцию для францисканцев. Было также условлено, что если когда-нибудь августинцев вновь станет достаточно, чтобы вернуться, они не вправе изгнать францисканцев, но должны будут сосуществовать. Петиция к папе римскому была подписана 11 марта 1631 года. Пока что францисканцы обосновались на островке рядом, названном в их честь «Островом братьев» (Friars Island).

После бегства братьев Стюарт и его люди решили проверить близлежащий остров (видимо, остров Святых) и нашли там 471 человека «занимающихся такими глупостями, какие невозможно себе представить у христиан». Всех их они отвезли на берег. В этом рассказе совершенно непонятно, что именно делали люди на Острове Святых. На Стюарта первоначально была возложена мис-

сия уничтожения Чистилища святого Патрика, но он не осмелился ничего раскапывать и ограничился только тем, что вывез с острова паломников и ликвидировал перевоз через озеро.

Из рассказов Стюарта и Споттисвуда ясно, что пещеру в этот раз засыпали на Острове Стации, в то время, как ранее она находилась на Острове Святых. Мы не знаем, к сожалению, на каком из островов находилась та пещера, которую засыпали в 1497 году. Ирландская исследовательница Алиса Кёртэйн даже считала, что пещера вообще всегда находилась на Острове Стации, но специально к приезду разрушителей в 1497 году на Острове Святых была сделана фальшивая пещера, которую и засыпали, а уже в 1632 году разрушили правильную пещеру. Возможно, и наоборот: изначально пещера была на Острове Святых, но с тех пор, как ее разрушили, центр паломничества переместился на Остров Стации. Именно после этого прекратился спуск в пещеру, замененный покаянными упражнениями.

Споттисвуд блестяще справился с ролью ликвидатора. Тайный совет был доволен. Доступа к Чистилищу больше не было. Но паломничества на остров отнюдь не прекратились.

Глава 4.

ЧИСТИЛИЩЕ ПОСЛЕ ЧИСТИЛИЩА

В 2003 году с группой русских паломников я приехала в Чистилище святого Патрика. Мы постились, молились, не спали 24 часа, обходили вокруг так называемых «покаянных лож» или кругов, исповедовались, слушали проповедь приора и были на мессе. Вместе с нами то же самое делали десятки людей — каждое лето на Лох Дерг приезжает около 30 000 паломников — ирландцы, американцы, англичане, поляки и другие. Никто из нас и не думал о видениях или посещении потустороннего мира.

Несмотря на исчезновение главной, казалось бы, цели паломничества, оно чрезвычайно популярно. Что же произошло в период с 1632 года по 2019? Как получилось, что паломничество не вымерло, но лишь видоизменилось? Что и почему привлекает людей сегодня на Лох Дерг?

Чтобы ответить на эти вопросы, нам нужно обратиться к истории Ирландии XVII–XVIII веков.

Ирландские католики в XVII–XVIII веках

Королева Елизавета I умерла 24 марта 1603 года, не оставив наследников, и так закончилась

династия Тюдоров. Новым королем Англии стал Яков I (1566–1625), начавший династию Стюартов. Он был сыном двоюродной сестры Елизаветы, печально известной Марии Стюарт. Уже 30 марта был заключен Меллифонтский мир, положивший конец Девятилетней войне, а род О'Нилов, правивший в Донеголе был прощен. По условиям мира глава рода О'Нилов соглашался править своими землями по английским законам. Однако уже в 1607 году его обвинили в измене, и призвали в Лондон предстать пред королем. Сев на корабль, глава клана отправился отнюдь не в Лондон, а, как мы знаем, в Испанию, а вместе с ним остров покинули Рори О'Доннелл и 100 других аристократов. Король Яков воспользовался этой возможностью, чтобы захватить их земли — бегством измена как бы считалась доказанной, — находившиеся главным образом в Ольстере, и начать раздавать и продавать их новым поселенцам из Англии и Шотландии.

Началась так называемая колонизация Ольстера, в конечном счете приведшая к разделению Ирландии и североирландской проблеме, не решенной до сих пор.

В XVII веке в Ирландию эмигрировало больше людей, чем в колонии Северной Америки, — 100 000 против 14 000 к 1641 году. Три четверти поселенцев были шотландцами. Донегол, в котором находится Чистилище святого Патрика, был одним из шести ольстерских

графств, и тоже подвергся колонизации, а всего в Ирландии для переселенцев было предоставлено около 4 миллионов акров. При этом, бедные ирландские крестьяне никуда не делись, а просто стали батраками при новых господах. Так, Ольстер стал одновременно и католическим, и протестантским.

В 1625 году Яков I скончался, и на престол взошел его сын, Карл I. К концу правления Якова I Ирландия, особенно в северной своей части, была совсем не той страной, что в 1600 году. Бывшие владельцы земли, старые аристократы, либо отправились в изгнание после Девятилетней войны, либо пытались приспособиться к новым реалиям. Новый король нуждался в деньгах и предложил ирландским католикам-аристократам множество уступок (касающихся владения землями и свободы вероисповедания) в обмен на финансовую поддержку, однако из-за сложных отношений с английским парламентом не выполнил свою часть обязательств. Более того, он отправил в Ирландию в качестве лорда-депутата сэра Томаса Вентворта, который вызвал всеобщее недовольство своими штрафами и планами протестантской колонизации Коннахта.

22 октября 1641 года ирландские католики, под предводительством сэра Фелима О'Нила, подняли восстание. Они взяли город Данганнон и замок Чарльмонт в Ольстере. Уже на следующий день силы католиков овладели городками

Манимо, Портадаун, Тандраджи и Ньюри. Захватить дублинский замок им не удалось, но в Ольстере восставшие добились больших успехов. В ноябре Рори О'Мор, один из главных организаторов восстания, массово убивал английских и шотландских поселенцев в отместку за то, что тем достались его земли, и за религиозную дискриминацию. Всего за время восстания погибло 12 000 человек, как в результате насильственных действий, так и плохого содержания в плену.

Бунтовщики в 1641 году настаивали, что они восстали не против короля, а против злоупотреблений местного правительства, что их цель — защита католических свобод, а не нанесение вреда королю и его подданным. Но вскоре все вышло из-под контроля. Истребление протестантов началось не только в Ольстере, но и в Слайго, Роскоммоне и Голуэе. В декабре к восстанию стали присоединяться и другие католические землевладельцы — все равно английское правительство не различало верных католиков и католиков мятежных. Протестанты отвечали тем же.

Англия наполнилась слухами — так, Джон Темпл сообщал, что католики уничтожили 300 000 человек (и это притом, что всего на острове тогда было 100 000 протестантов!). Появились памфлеты и баллады, описывающую ужасную жестокость католиков по отношению к протестантам.

Восставшие пытались получить контроль над территориями вне Ольстера, но в конце кон-

цов им не удалось полностью овладеть даже этой областью — вмешались шотландские наемники.

Тем временем в Англии разворачивалась гражданская война, завершившаяся 30 января 1649 года казнью Карла I. После этого роялистская армия была распущена, Парламент полностью контролировал Англию, и наступило время задуматься об Ирландии. 20 апреля Оливер Кромвель, пришедший к власти благодаря своим исключительным военным талантам, заявил о своем намерении отправиться в Ирландию. Кромвеля беспокоила не только судьба протестантизма в Ирландии, им двигал и корыстный интерес. Дело в том, что еще 19 марта 1642 года Парламент провел так называемый «Adventurers' Act», по которому, каждый, кто внесет 200 фунтов на военные расходы, получит 1000 акров в Ирландии. Кромвель изрядно вложил в это предприятие.

Через 15 лет после разрушения Споттисвудом Чистилища святого Патрика, в августе 1649 года, Кромвель вступил в Ирландию с армией приблизительно в 12 000 человек, которая начала уничтожать роялистов и бунтовщиков — как католиков, так и протестантов — и конфисковывать их земли. Были убиты тысячи человек (в целом с 1649 по 1653 год в Ирландии умерло от насилия, голода и заразных болезней около 20% населения), устроены показательные бои в Дрогеде и Вексфорде. Кромвель до сих пор считается в Ирландии одним из величайших злодеев. Сам он вернулся в Англию

в 1650 году, но его армия оставалась в Ирландии и завершила завоевание острова 12 апреля 1652 года захватом Голуэя. «Акт о поселении» 1652 года изгнал католиков-землевладельцев в Коннахт — когда Кромвеля спросили, куда идти тем, кого он лишил земель, он ответил: пусть отправляются в ад или в Коннахт.

Как и его предшественники-монархи, Кромвель назначал лордов-лейтенантов для управления страной. 26 июня 1657 года «Акт о конфискации имущества бунтовщиков в Ирландии» формально положил конец восстанию и позволил правительству законно отбирать земли, принадлежавшие как самим бунтовщикам, так и их наследникам, и перераспределять их.

По подсчетам Уильяма Петти, английского экономиста XVII века, в 1664 году в Ирландии было на 616 000 людей меньше, чем в 1641. Он высчитал, что 504 000 погибло между 23 октября 1641 и 23 октября 1652 от «меча, чумы, голода, трудностей и изгнания». Около 80 000 землевладельцев потеряли свою собственность.

Перераспределение земель коснулось в основном богатых или сравнительно зажиточных землевладельцев. Однако в конце XVII века, видя, что католики по-прежнему составляют 75% населения, английские власти всерьез взялись за исправление этой ситуации.

В 1695 году в ирландском — исключительно протестантском — парламенте пытались провести билль об изгнании из страны всех монахов

и высших чинов католической иерархии. Тогда он не прошел, так как против выступил католический австрийский император Леопольд, заключивший союз с англичанами против Людовика XIV Французского. Однако как только война закончилась, билль был триумфально принят. Это произошло в 1697 году. Акт об изгнании 1697 года (Banishment Act) просто выслал всех епископов и монахов из Ирландии (тем, кто возвращался, грозила смертная казнь). Тем не менее, в каждом приходе мог остаться один священник, если он был зарегистрирован. Цель этого акта состояла в том, чтобы никаких легальных рукоположений в Ирландии больше не было. Паломничества к святым источникам тоже были запрещены, так как они представляли угрозу государству и миру. Штраф за нарушение запрета составлял 10 шиллингов или публичную порку. Половина штрафа шла доносчику. Те же, кто ставил ларьки в местах паломничества и продавали там эль и еду, платили уже 20 шиллингов. Тем же актом запрещалось устанавливать кресты, надписи и изображения — все должно было уничтожаться. За ним последовали и другие антикатолические законы.

А в 1704 году, в правление ярой протестантки королевы Анны (занимала престол в 1702–1714) был принят печально известный «Акт о предотвращении дальнейшего роста папизма» (Act to prevent the further growth of popery). Он начал серию анти-папистских законов, последний из которых был принят в 1728 году.

Если суммировать все, что в них говорилось, мы получим следующую картину:

- Католики не могут покупать землю.
- Католики не могут заключать договор на аренду фермы более чем на 31 год. Плата за аренду должна составлять не менее двух третей от ежегодной ценности фермы.
- Когда католик умирает, его имущество не может унаследовать старший сын, оно должно быть разделено между всеми сыновьями. Если один из сыновей становится протестантом, он может унаследовать все имущество.
- Ни один католик не может быть адвокатом, судьей или прокурором, а также членом совета присяжных.
- Католики не могут заседать в парламенте и голосовать на выборах.
- Католик не может занимать общественную должность — например, он не может быть государственным служащим, членом городского совета, шерифом.
- Католики не могут посылать своих детей учиться за границу, они также не могут основывать школы дома.
- Католики не могут быть опекунами сирот.
- Католики не могут владеть оружием, записываться в армию и владеть лошадью, стоящей более 5 фунтов.
- Католики не могут быть констеблями
- Католики не могут жить в некоторых городах вообще.

- Католики имеют свободу вероисповедания, но на их церквях не может быть крестов или шпилей. Священники не могут носить облачение открыто или демонстрировать священные эмблемы. Они должны быть зарегистрированы и дать клятву лояльности. Архиепископы, епископы, иезуиты и другие монахи должны покинуть страну.

- Католические паломничества, особенно на Лох Дерг, запрещены.

Все те же самые законы применялись и к протестантам, женатым на католичках, и снимались только в том случае, если жена перейдет в протестантизм и епископ будет уверен в ее искренности (Акт 1697 года о предотвращении смешанных протестантско-католических браков).

Однако, за строгим соблюдением всех антикатолических законов никто не следил. Дело в том, что мишенью их была прежде всего католическая элита, которую нужно было лишить силы, авторитета и денег. Бедняки мало кого интересовали, и в том, что касается паломничества, власти проявляли определенную гибкость. Что касается земли, то если в 1688 году у католиков во владении находилось 22% всей ирландской земли, то к 1714 году (год смерти королевы Анны), после многочисленных конфискаций земли у всех, кто был неверен англичанам (или был заподозрен в неверности), и последующей перепродажи этих

Ирландский Тайный Совет, письмо в Лондон от 27 августа 1719 года: «Палата общин предложила метить каждого, уличенного в том, что он является незарегистрированным священником, монахом и т.д., с 1 мая 1720 года клеймом в виде буквы Р на щеке. Однако Совету в целом такое наказание не понравилось, и его поменяли на кастрацию, что по убеждению членов Совета будет наиболее эффективным средством для очищения нации от этих нарушителей мира и покоя в королевстве...».*

* Цитируется по книге: T.N. Burke. English Misrule in Ireland: A Course of Lectures. New York: Lynch, Cole & Meehan, 1873.

земель протестантам, у католиков осталось всего 14%. К 1780 эта уже небольшая цифра понизилась до рекордно низких 5%. Несмотря на все меры, в период с 1703 по 1789 год всего-навсего 5 500 ирландских католиков обратились в протестантизм и присоединились к так называемой Ирландской церкви. Почти все эти обращения были связаны с желанием все-таки наследовать землю или сделать карьеру (а также обеспечить будущее своим детям).

Конечно, этими законами многие возмутились и находили способы обойти их. Многие католики номинально принадлежали к Ирландской церкви, чтобы иметь возможность наследовать землю (когда в 1734 году «обратился» Александр МакДоннелл, пятый граф Антрим, то все большие владения в Ольстере стали протестантскими) или практиковать право — в последнем случае они могли действовать в интересах своих католических клиентов.

Анти-папистские законы частично были отменены биллем 1778 года — опасаясь того, что в Ирландии, как и в Америке, разгорится восстание (а с острова как раз удалили армию в 12 000 человек, которую отправили сражаться с провозгласившими свою независимость американскими колониями), англичане решили принять превентивные умиротворительные меры в отношении ирландских католиков. Теперь можно было завещать землю одному наследнику и заключать договор об аренде земли

до 99 лет. В ответ на это в самой Англии пошла волна «бунтов Гордона», так как теперь уже протестанты начали опасаться, что правительство слишком потакает католикам. Но либеральные меры продолжались, и в 1782 году был принят «Акт католического облегчения», касающийся уже католического духовенства. Были разрешены католические школы и въезд и пребывание в Ирландии католическим епископам. Более того, тем же самым актом католикам наконец-то разрешили покупать землю. Но только с 1829 года католики, наконец, могли избираться в парламент и занимать любые должности (кроме лорда-канцлера и лорда-лейтенанта Ирландии). Однако священников все еще нельзя было выбирать в парламент, иезуитам предписывалось покинуть страну, другим монахам нельзя было заниматься прозелитизмом, а католические облачения можно было носить только в церкви.

Паломничество к исчезнувшему Чистилищу

Неудивительно, что в это бурное время Чистилище святого Патрика, даже разрушенное, становится своего рода символом ирландской веры. Поток паломников туда не иссякает, потоки нападков со стороны протестантов тоже. А если на что-то активно нападают, то можно быть уверенным в том, что это явление живо и раздражает своим существованием окружающих.

Собственно, о том, что творилось в XVII веке на островах Святых и Стации, можно судить по очень отрывочным сведениям.

В 1638 году, вскоре после разрушения, королева Генриэтта Мария пыталась вступить за восстановление Чистилища, но лорд Вентворт, тогдашний лорд-лейтенант Ирландии, ответил ей. В своем письме от 10 октября 1638 года он пишет, что восстановление невозможно, так как все разрушено до основания, и кроме того, остров находится посреди шотландских поселений, и могут начаться беспорядки.

Есть свидетельство итальянского епископа монсиньора Ринуччини (1592–1653) о том, что во время восстания в Ольстере, в 1647 году бунтовщики пытались вернуть Чистилище, но безуспешно. Монсиньор прибыл в Ирландию по поручению папы, чтобы направлять бунтовщиков и поддерживать их связь с Римом. В своих воспоминаниях он пишет: «Я предложил, что им [армии О’Нила] следует вернуть себе Слайго, расположенный на море и на границе, и потому очень ценный для Коннахта. Из этого места они могли бы пройти в Ольстер и, напав на твердыню Эннискиллен, освободить из рук еретиков столь славное Чистилище святого Патрика. Молитвы возносились из этой глубокой пещеры с незапамятных времен, и когда они начались, известно неточно. Однако известно, что святой избрал это место, и в те откровения, которые даны были ему Богом, потомки верили и, возможно, доказали их. Ныне

кальвинисты в гневе сравнивали пещеру с землей, и едва можно обнаружить хоть какие-то следы этого места, так они стремятся истребить саму память о нем. Мне показалось, что вернуть его равноценно славным апостольским миссиям, и я бы в некоторой мере завершил свою карьеру, если бы в этом месте, покрытом пуританами как нападками, так и набросанной сверху землей, смог водрузить Крест. Однако я был недостойн того, чтобы увидеть воплощение этой надежды, так как недовольство и запоздалое поступление денег полностью разрушили этот замысел*».

В том же 1647 году протестантский епископ Генри Джонс пишет и публикует книгу «Чистилище святого Патрика, книга, содержащая описание, изначальное развитие и разрушение этого места, полного суеверий» (St. Patrick's Purgatory: containing the description, original progresse and demolition of that superstitious place). Интересен сам факт появления этого труда в то время, когда, казалось бы, место паломничества было разрушено и католики тщетно пытались вернуть его себе.

Тогда же, в 1647 году, в Лондоне была опубликована поэма «Странствие великого Плутона по Великобритании и Ирландии» («Grand Pluto's Progresse through Great Britain and Ireland»), где Плутон — дьявол, который «оставил серное ложе, чтобы посетить свою уютную маленькую

* Цитируется по книге: G. Aiazzi, *The Embassy in Ireland of Monsignor GB Rinuccini: Archbishop of Fermo, in the Years 1645-1649*. Dublin: A. Thom, 1873.

ферму на земле и посмотреть, как там его стадо»^{*}. Когда он прибывает в Ирландию, то приветствует народ словами, из которых ясно, что он устроил Чистилище святого Патрика, чтобы всех ввести в заблуждение. При этом автор стихов указывает в примечании, что хотя Чистилище было полностью уничтожено в 1632 году, со времени последнего восстания оно было вновь восстановлено и увеличено мятежниками.

Далее мы встречаем упоминание Чистилища святого Патрика в прошении, посланном в 1660 году архиепископом Армаха папе Александру VII. Он просит включить это место в число самых святых мест в Ирландии, посещение которых давало паломнику право на получение индульгенции. В 1607 году Павел VI, составляя подобный список, Чистилище не упомянул.

Джон Ричардсон в своей книге 1717 года, посвященной суевериям и безумию паломничества в Ирландии в целом, и паломничеству к св. Патрику в особенности (“The Great Folly, Superstition, and Idolatry, of Pilgrimages in Ireland; Especially of That to St. Patrick’s Purgatory”), пишет, что где-то 34 года назад, то есть в конце XVII века, некто Людовик Пирр из Бретани прибыл на остров (Остров Стации) и пытался найти вход в Чистилище. Два года прошли безрезультатно, он потратил все свои деньги и наконец, в присутствии католического

^{*} Цитируется по статье: W. Pinkerton. Saint Patrick’s Purgatory. Part IV. Modern History // Ulster Journal of Archaeology, vol.5, 1857.

и протестантского священника, обнаружил окно с металлическими решетками и пещеру за ним. Тут же обрызгали все святой водой, чтобы духи не вырвались наружу, и католический священник в страхе убежал. Затем он рассказывал своей пастве, что вход в Чистилище найден, он сам видел его и там пахнет серой. Однако протестантский священник настоял на том, чтобы продолжали копать и оказалось, что это подвальное окошко. После этого Людовик окончательно разочаровался в своих поисках и вернулся домой во Францию.

Конечно, Джон Ричардсон, как протестант, был идеологически ангажирован, и его рассказ излишне сатиричен. Однако в сам факт того, что кто-то приезжал и пытался найти вход в Чистилище, легко поверить.

С католической стороны стоит упомянуть рукописный сборник, созданный в Дублине в 1686 году*. В нем на первых двенадцати страницах записаны три произведения, где страдания ирландского народа сравниваются со страданиями библейских евреев: «Плач по Ирландии» (о несчастьях страны после вторжения Кромвеля), «Народ Ирландии скорбит» (молитва во время заселения Ольстера в 1654 году) и «Во имя Отца, исполненного добродетели» (поэма о переселении ирландцев в Коннахт по приказу Кромвеля). За ними следуют различные религиозные стихотворения, в том числе и, поэма «Друг, который идет в Лох Дерг».

* Ныне хранится в Британской библиотеке в Лондоне: Ms Egerton 187

Таким образом, судьба Лох Дерга помещается в контекст несчастий, случившихся в Ирландии. Сама по себе эта поэма очень старая, по преданию, записанная еще в утерянной Кашельской псалтири начала XI века. По сути, это просто подробные рифмованные инструкции о том, какие молитвы и в каком порядке надо читать во время паломничества, как надо поститься, как и когда обходить покаянные лежа. В стихотворении не говорится о посещении чистилища, но сказано о том, что надо без сна провести сутки в запертом помещении:

Двадцать четыре часа без сна
В холодной тесной темнице
Без возможности покинуть ее быстро
...Пещера Патрика*.

В том же году о Чистилище упоминает в своей книге, вышедшей в Милане, Джон Баптист де Бурго, апостольский викарий графства Клэр, рассказывая, что его тетка по матери совершила паломничество на Лох Дерг, и посещение острова принесло ей такую пользу, что она оставила все свои деньги Церкви.

В 1651 году в отчете ирландских иезуитов в Рим упоминается нападение парламентской армии на Чистилище и последующее изгнание францисканцев — видимо, они все-таки верну-

* Цитируется по книге Medieval Pilgrimage...

лись на остров в какой-то момент после разрушения 1632 года. И хотя затем мы не встречаем упоминаний братьев вплоть до начала XVIII века, нет никаких сомнений, что они все это время обеспечивали заботу о паломниках.

В описании архидьякона Хьюсона 1701 года говорится, что остров находился в полуразрушенном состоянии (илл. 72). Маленькие кучи камней помечали места исчезнувших святынь.

Илл. 72 — Остров Чистилища. Иллюстрация к книге Джеймса Уэра «De Hibernia & Antiquitatibus ejus, Disquisitiones», 1654. London, British Museum, №1852, 1116.533. На карте хорошо видна жалкая хижина, в которой запирали паломников на ночь, и под которой, вероятно, находилось некое подземное помещение. Круги, носящие имена различных святых, считались их бывшими кельями, и паломники должны были босиком обходить их, читая определенный набор молитв.

Существовали также хижины, в которых жили паломники, но в 1701 году пещера еще не использовалась. Хьюсон также сообщает, что во время паломничества можно было пить сколько угодно холодной воды, курить или нюхать табак.

Он пишет, что люди сидели в трех пещерах — в одной помещалось 30 человек, в другой 16, в третьей 14. Мужчины и женщины размещались отдельно. Приор особо предостерегал от сна, уверяя, что дьявол уже унес две полные пещеры людей. Эта же легенда повторяется и в описании острова в «Gentleman's magazine» в 1775 году, причем в этом рассказе упоминается, что у паломников было в обычае колоть друг друга булавкой, ведь если заснет хотя бы один из них, то дьявол может унести всю пещеру. Согласно пророчеству, он сделает это с тремя пещерами и уже унес две.

Подобная же история рассказывалась и о лодке (две уже утонули, должна утонуть и третья). В середине XIX века один джентльмен даже слышал, как паломники обсуждают, будут ли утонувшие таким образом пользоваться какой-нибудь выгодой в ином мире или нет.

В Акте 1704 года Чистилище святого Патрика было упомянуто особо (запрет собираться «в мнимо святых местах, таких, как Чистилище святого Патрика в графстве Донегол»), но люди продолжали тайно приезжать на Лох Дерг. Его упоминание в официальном запретительном документе свидетельствует о популярности места.

Трудности, связанные с посещением Чистилица, видимо, вызвали в проповеди одного брата в начале XVIII века слова о том, что благодать Божью можно стяжать не только в таких отдаленных и труднодостижимых местах, как Рим или Лох Дерг, но и дома, ведя праведную жизнь.

Из отчета католического епископа Хью МакМахона, посланного в Рим в 1714 году, ясно, что паломники приходили со всей Ирландии, а не только из близлежащих мест. Епископ отмечает, что паломничество совершается не тайно, а в открытую, и никто этому не препятствует, несмотря на действующие законы. Конечно же, он приписывает это заботам божественного провидения и заслугам св. Патрика и в целом положительно относится к практике паломничества. При этом средневековые ритуалы уже не вполне понятны даже для самого епископа — так, он критикует обычай читать заупокойную мессу по паломникам, спускающимся в пещеру, считая его неподходящим для воскресных и праздничных дней. Связь паломничества со смертью для мира, очевидная в более раннюю эпоху, от образованных клириков XVIII века начинает уже ускользать. Местные протестанты тоже не были против происходящего на их глазах паломничества. Напротив, они извлекали из него пользу, о чем свидетельствует поведение протестантского священника прихода Темплкарн, Александра Калхуна, который, собственно, принимал епископа МакМахона во время визита того на

остров. Сэр Джеймс Колдвелл, местный землевладелец даже написал в 1710 году жалобу на Калхуна протестантскому епископу Клохера. Она заключалась в том, что Калхун, вместо того, чтобы препятствовать паломничеству, поощряет его. Причем поощряет для того, чтобы самому извлекать из этого финансовую выгоду. Сэр Джеймс Колдвелл, чей отец прибыл в Ирландию в XVII веке из Шотландии во время колонизации, был пламенным протестантом и успешным купцом. У него была налажена торговля, он строил многочисленные склады вдоль реки Эрн. Итак, он обвинил Калхуна по нескольким пунктам: а) тот содержал лодки для переправки пилигримов на остров; б) имел лавки, в которых торговали всякой всячиной для возвращавшихся с паломничества; в) владел монополией на предоставление корма лошадям паломников; г) у себя дома приютил францисканца, который, собственно, перевозил пилигримов на лодках. Никаких документов касательно того, что жалоба получила ход, не сохранилось. Очевидно, положение вещей так и сохранялось дальше.

Самое подробное описание паломничества образца начала XVIII века оставил нам Джон Ричардсон в упоминавшейся выше книге. По его словам, подходя к берегу озера, паломники снимали обувь и чулки и босиком входили в лодку. Там они получали благословение приора и девять дней ходили вокруг разных камней, читая молитвы. Все эти девять дней они жили на хлебе

и воде. Затем их запирали в пещеру на 24 часа (очевидно, она была восстановлена к 1717 году), причем в это время нельзя было спать. Ричардсон, как и Хьюсон, уверяет, что в пещере было очень тесно, и приор запугивал паломников тем, что если они задремлют, то дьявол унесет их. В пещере надо было читать те же молитвы, что и на острове. Выпускали паломников в то же время суток, что и впустили. Полностью обнаженные, они окунались в воду, в знак того, что очистились от своих грехов, а их духовные враги оказались потоплены в Красном озере (Lough Derg), как египтяне в Красном море.

Ричардсон приводит в своей книге инструкции и пояснения, якобы списанные им с листка, который он получил прямо на острове св. Патрика. В частности, там поясняется, что обувь надо снимать в подражание Моисею, который, увидев неопалимую купину, разулся в знак святости места, на котором стоит. То, что паломники прибывают по воде, объясняется через 65-й псалом («Мы вошли в огонь и в воду, и Ты вывел нас на свободу»). Девять дней поста символизируют девять чинов ангельских. Пещера называется Гробом.

Ричардсон также сообщает, что каждый день паломники слушают мессу, им читают проповедь на ирландском (то есть, гэльском), языке, и они должны исповедоваться — за деньги! Некоторые из приплывших на остров не только тратят деньги, но и зарабатывают, совершая па-

ломничество за кого-то другого. Ричардсон обличает алчность как монахов, так и католиков-мирян, но не упоминает в этом контексте о протестантах. Между тем как мы видели, переправа на остров находилась в руках протестантской семьи Калхун, так что наживались на этом не только католики и не только клирики.

Следующее по времени описание паломничества относится к 1735 году, когда в Лувене была напечатана книга брата Доминика О'Бруллахана. Он рассказывает о важнейшем новшестве: на острове появилась и вторая пещера, так как количество паломников увеличилось. Бывало и так, паломников было настолько много, что они не помещались в пещере — в этом случае они бодрствовали в часовне. Он объясняет, что паломники по выходу из пещеры погружаются в озеро трижды во имя святой Троицы (при этом женщины и мужчины погружаются отдельно, что особо отмечает брат Доминик, желая избежать обвинения ирландцев в варварских обычаях). Паломничество все еще продолжалось девять дней, не считая бдения, и заупокойная месса все еще читалась.

В 1780 году происходит знаменательное событие: управление островом переходит в руки клохерского диоцеза, и первым приором-не-монахом назначается Патрик Мюррей. Произошло это потому, что францисканцы поняли, что не справляются с наплывом паломников (ведь еще в 1751 году папа Бенедикт XIV распорядился закрыть

на острове все францисканские новициаты, где готовили послушников, и число братьев резко уменьшилось). Впрочем, братья остались на острове, чтобы помогать приходским священникам.

Приор Патрик Мюррей первым делом распорядился закрыть пещеру. По двум причинам — во-первых, пещера вызывала нападки и насмешки, во-вторых, он боялся, что паломники могут там задохнуться. Так закончилась вторая эпоха паломничества на Лох Дерг, когда спуск в чистилище имитировался хотя бы внешне. К 1786 пещера была заменена на некую временную конструкцию. Протестантский ректор Темплкарна, Филип Скелтон, оставил нам описание Лох Дерга в 1786 году, из которого видно, что это было уже наземное, а не подземное сооружение, напоминающее пещеру. Впрочем, паломники продолжали вести себя там так же, как в пещере — Скелтон повторяет издевки своих предшественников протестантов над паломниками, снова сообщая, что у каждого из них в руках большая булавка, которую он втыкает в соседа, если тот начинает засыпать. Филип Скелтон пытался объяснить мигрирующие с острова на остров пещеры таким образом: многие паломники, чтобы не платить за перевоз, самостоятельно перебирались на остров Святых ночью, и именно поэтому в конце концов паломничество перенесли на другой остров. Скелтон также утверждал, что люди совершают паломничество только тогда, когда их заставляют священники, а те, в свою очередь, делают это,

так как договариваются с лохдергскими! Да и сами паломники на треть представляют собой получивших плату от более богатых за то, что совершат паломничество за них. Это типичная для протестантов критика, сводящая все к исключительно корыстным целям.

В 1790 году пещеры засыпают окончательно, и начинает строиться часовня св. Патрика, известная сейчас как «тюремная часовня», из-за того, что ее используют для вигилии, то есть ночного бдения. Там паломников запирали на 24 часа, отсюда «тюремная» в названии. Ночное бдение существует и по сей день, но продолжается всего лишь одну ночь, то есть 12 часов, и базилику при этом не запирают — можно входить и выходить свободно. Так постепенно отмирают старые средневековые обычаи — последовательно исчезли оригинальная пещера, пещера вообще, запоры на дверях.

В 1813 году сократился до трех дней и срок паломничества (таким он остается по сей день). К тому времени вместо отдельных смельчаков Лох Дерг посещали настоящие толпы — например, в 1826 году остров посетило около 15 000 человек, а в 1846, перед началом великого голода — 30 000.

Уильям Карлтон — противник народного благочестия

О том, как проходило паломничество в начале XIX века, в совершенно изменившихся обстоятельствах, мы знаем из полусатирического

рассказа «Лохдергский пилигрим» Уильяма Карлтона, написанного в 1829 году, но повествующего о событиях 1813 года.

На момент совершения паломничества Карлтону было 19 лет от роду, и он собирался стать священником. Он был сыном богатого фермера, благочестивым и довольно наивным мальчиком. За месяц до паломничества он узнал историю о затонувшей на озере по пути в Чистилище святого Патрика лодке. Историю эту рассказывали с прибавлением различных чудесных подробностей: будто бы священник, который был в лодке, пошел по водам прямо к острову в то время, как все остальные пошли ко дну. Уильям решил, что и он сможет повторить подвиг священника, ведь не зря же он постоянно постится и молится. Но на всякий случай решил потренироваться в хождении по водам отцовского пруда. После нескольких дней усиленного поста и молитвы он попробовал пойти по воде и, конечно же, законы физики не отменились — его спасло только умение плавать.

Эта неудача не обескуражила его, и одним летним днем он отправился в путь. Сначала он довольно долго шел пешком (Карлтон пишет, что в его время полагали, что к озеру следует идти босиком), по пути встретив двух женщин с запасом сухарей на время паломничества (да, скудную провизию паломники должны были нести с собой). Прибыв на остров после долгого пути, уже изранив ноги, он вынужден был сразу

же приниматься за прохождение молитв и очень сильно настрадался. Наблюдения Карлтона весьма критичны: ни о какой сознательной молитве речь не шла, народу было очень много, присутствие Господне совершенно не чувствовалось, и, в целом, вся молитва была совершенно бесполезным делом — то, чем он занимался, было не раскаянием, а каким-то церковным наказанием. Качеством хлебцев он остался недоволен, спать в хижине с дурно пахнущими соседями и насекомыми ему тоже не понравилось.

Генри Инглис в своем «Путешествии по Ирландии в 1834 году» подтверждает рассказ Карлтона: паломникам можно было есть один раз в день, хлебцы приносили с собой. Если паломник падал в обморок, то ему давали подогретую и благословленную воду из озера, называя ее при этом вином.

Впрочем, сон был недолгим. Уже в полночь всех разбудили и погнали в Тюремную часовню, где ни в коем случае нельзя было спать — сон был символом греха, который захватывает душу человека. Автор обрушивается на часовню, называя ее монстром, который погубил многих, оставил детей сиротами, а жен вдовами, и не совсем понятно, что он имеет в виду. То ли то, что многие задохнулись и погибли прямо на этом месте, то ли то, что люди сходят с ума в процессе ночного бдения.

Несколько раз в часовне Карлтон засыпал, но его будил специальный человек с палкой.

Кроме того, все пускали по кругу табакерки, чтобы взбодриться. Во время его пребывания в часовне произошел ужасный случай: с галереи второго этажа упал человек (то ли заснул, то ли сошел с ума), который на следующий день скончался от полученных травм.

На второй день есть было все еще нельзя, но спать было можно. На третий день в три часа Карлтон отправился обратно, и по дороге его обокрали те самые женщины, с которыми он познакомился на пути туда. Так бесславно закончилось путешествие юного ирландца. История спуска в Чистилище превратилась в фарс.

Впрочем, дома все ожидали его на коленях, чтобы он благословил их, и на мессе в воскресенье все тоже подходили под его благословение. Любопытно, что Карлтон раздал не только духовное благословение, но и вполне материальное — домой он принес с собой камушки с острова — обычай, который осуждали все протестантские критики Чистилища святого Патрика. Эта практика не была исключительной для Лох Дерга, многие ирландские паломничества, особенно к святым источникам, включали в себя сбор камушков в качестве талисманов.

Для Карлтона пост и физические страдания уже почти не имеют ценности и весь опыт паломничества легко превращается в какое-то бесполезное и мучительное времяпрепровождение. В своем рассказе он вовсе не обращается к теме чистилища и не видит связи между теми

В 1855 году, во время Крымской войны, в журнале «The Catholic Layman Magazine» появилось письмо от некоего Хамфри О'Лири, озаглавленное «Способ спасти жизни в Крыму». О'Лири рассказывает о своей встрече с матерью солдата. Женщина была неграмотна и попросила О'Лири записать ее письмо сыну. С письмом она посылала несколько камней из священного источника в Барригоун, а в письме сохранилась инструкция по поводу того, как их использовать. Сын женщины, по словам О'Лири, сражался с the Rooshins in Sebastable (то есть с русскими в Севастополе). Камни были посланы в шелковом мешочке, и солдат должен был носить их на шее, так как, по словам женщины, ни с кем из тех, кто носит благословенные камни из Барригоуна, не может случиться ничего плохого. О'Лири пытался ее переубедить, говоря, что это суеверие, но женщина стояла на своем, и он сдался.

мучениями, которые переживали паломники, и теми, которая душа переживает в чистилище для того, чтобы очиститься и искупить свои прегрешения. Частично это можно объяснить тем, что он писал свой рассказ, уже обратившись в протестантизм, но нельзя упускать и того момента, что в XIX веке сама Церковь не подчеркивала этой связи паломничества с Чистилищем.

Кроме того, Церковь старалась защититься от нападков протестантов и продемонстрировать: то, что происходит на острове, не имеет никакой связи с языческими обычаями и простонародными суевериями, но происходит в духе просвещенного католицизма. Во второй половине XIX века на острове запретили собирать камушки и ввели обязательное поклонение гостии, а в конце XIX века паломники, по желанию, могли совершать лодочные экскурсии на остров Святых — под руководством священника, с гимнами, литаниями и молитвами.

Это направление — акцент на сознательном покаянии, скептическое отношение к собственному средневековому наследию, минимизация чисто физических испытаний — сохранилось в XX и XXI веках.

Лох Дерг сегодня

Сегодня паломничество в Чистилище святого Патрика можно совершить сравнительно легко. С 1780 года ответственность за него несут

священники Клохерского диоцеза, называемые приорами, но не являющиеся монахами. Им помогают постоянно находящиеся на острове священники и светские волонтеры. У острова есть свой сайт*, аккаунты в Фейсбуке, Твиттере и Ютьюбе, а забронировать трехдневное паломничество (стоимостью в 75 евро) можно онлайн. Для тех, кому даже три дня на острове кажутся тяжелым испытанием, предлагают однодневные визиты. Более того, на остров приезжают школьники, да и просто туристы, а по особой договоренности там можно провести конференцию или семинар.

Зайдя на сайт мы прочтем следующее описание паломничества: «Трехдневное паломничество предлагает вам возможность сделать передышку и испытать объятия глубокой любви и милосердия Божьего. Приезжайте, получите собственный, личный и уникальный опыт в атмосфере сострадания и исцеления, которая наполняет тишину Острова». Ни слова не говорится о чистилище, земном или небесном, речь идет только о святом Патрике: «Трехдневное паломничество следует традиции святого Патрика. Тот, кто совершает паломничество на Лох Дерг, идет по духовным следам святого Патрика». В разделе, посвященном истории острова, о входе в чистилище не говорится ровным счетом ничего, а в хронологии острова мы читаем: «Остров Стации привлекал людей

* <https://www.loughderg.org/>

пещерой, про которую говорили, что здесь святой Патрик проводил время в молитве».

Пилигримы прибывают на Остров Стации с 11 до 15 часов дня (их пост уже начался в полночь). Период, когда можно совершить паломничество, очень короток, с 1 июня по 15 августа каждого года (13 августа — последний день для желающих начать его).

Основа паломничества — это последовательность молитв, называемая «Стация». За три дня нужно закончить 9 стаций. 5 из них совершаются вокруг «Покаянных лож», 4 — ночью в Базилике (так называется церковь святого Патрика). Паломники ходят вокруг покаянных лож, вокруг Базилики и стоят у воды, читая в оговоренном количестве апостольский Символ веры, «Отче наш», «Богородице Дево радуйся» и 16-ый псалом. Ежедневно утром и вечером в Базилике совершается месса, и многие паломники используют свое пребывание на острове для того, чтобы подумать о своих прегрешениях и исповедоваться. Пост уже не подразумевает полное воздержание от пищи — паломники, как и прежде, могут пить воду в неограниченном количестве, но кроме того, раз в день они могут выпить горячего чая или кофе с сахаром и съесть хлеба — причем на выбор предлагаются тосты или местный овсяный хлеб. Это называется «Лохдергская трапеза»; первую паломник может получить, когда он закончил первую стацию, вторую — в любое время на второй день, а третью он берет с собой, покидая остров,

и может съесть в любой момент. Пост заканчивается в полночь третьего дня.

Почему же память о чистилище изглажена, почему о нем не рассказывается паломникам, и чего они ищут сейчас, если не возможности попасть в иной мир и загладить свои грехи?

Вера в чистилище как в конкретное место, где горит вполне материальный огонь, начала после Первой мировой войны постепенно исчезать из сознания простых католиков. Особенно этот процесс усилился после Второго Ватиканского собора (1962–1965), и теперь многие католики, причем не только миряне, искренне полагают, что Церковь больше не верит в чистилище вообще. Это, конечно, заблуждение. В 2007 году газеты пестрели заголовками вроде «Папа отменил лимб» (то есть особое место, куда по преданию, попадали некрещенные младенцы), но даже это было преувеличением — в выпущенном Ватиканом документе под названием «Надежда некрещенных младенцев» говорилось очень осторожно: «Международная Богословская Комиссия считает теорию лимба проблематичной и стремится к поиску других путей решения проблемы»; «столь необходимое для некрещенных младенцев крещение в жизни и вере Церкви не было возможным. Мы же можем надеяться на их спасение»^{*}.

^{*} Надежда спасения некрещенных младенцев. Документ Международной Богословской комиссии // http://www.vatican.va/roman_curia/congregations/cfaith/cti_documents/rc_con_cfaith_doc_20070419_un-baptised-infants_ru.pdf

Такие же осторожные, обтекаемые формулировки мы встречаем и в Катехизисе Католической церкви касательно концепции чистилища: «Те, кто умирает в благодати и дружбе Божией, но не совершенно очищенными, хотя им и обеспечено вечное спасение, после смерти претерпевают очищение, чтобы обрести святость, необходимую для вступления в радость небесную». О том, как именно происходит очищение, подробно не говорится, хотя высказывается мнение, что «церковное Предание, ссылаясь на некоторые тексты Писания, говорит об очистительном огне». Как видим, в учении Церкви нет никакой определенности по поводу того, как именно происходит очищение, является ли огонь материальным или нет.

Самое удивительное, что эта неуверенная позиция не менялась со Средних веков. Церковь никогда в официальных документах не заявляла о бесспорном существовании материального огня в чистилище. И сегодня, так же как в Средние века, есть сторонники материального чистилища, где души мучаются в огне, но их стало гораздо меньше. В Риме даже существует Музей душ чистилища, основанный в конце XIX века французским священником отцом Виктором Жуэ — он путешествовал по всей Европе и собирал документальные и материальные свидетельства о явлениях таких душ. В числе экспонатов музея книги с прожженными страницами в виде отпечатков рук, такая же одежда и мебель,

а также сопроводительная документация — показания свидетелей: мирян, священников, епископов и прочее.

До сих пор действует «Общество помощников душам чистилища», основанное в 1856 году, и другие похожие ассоциации («Друзья страдающих душ», «Люди чистилища» и так далее), цель которых состоит в молитве за находящихся в чистилище. Члены подобных объединений — такие же католики, как и все остальные. Однако в общем и целом вера в материальное чистилище представляет собой ныне маргинальное явление, и лучшим доказательством этому является тот факт, что Клохерский диоцез, рекламируя паломничество на Лох Дерг, ничего не рассказывает про то, что когда-то на острове, по легенде, был самый настоящий вход в иной мир.

Бесплодное паломничество

В 1984 году замечательный ирландский поэт и будущий нобелевский лауреат Шеймас Хини пишет свою шестую книгу стихов. Она называется «Station Island», и в русскоязычной традиции известна как «Остров покаяния». Но имеется в виду, конечно, тот самый остров Стации, где теперь проходит паломничество на Лох Дерг.

Такое же название, как и сборник, носит самое длинное стихотворение в нем, состоящее из 12 частей. Структуру его сам поэт описал так: «трехчастное дантовское путешествие,

Истории о душах, которые возвращаются из чистилища и оставляют отпечатки своих горящих рук, циркулировали в народных поверьях довольно давно. Характерную легенду пересказывает Шарль Нодье в своей новелле 1837 года «Инес де Лас Сьеррас». Девушка, убитая разбойниками, является своим мучителям по ночам и кладет пылающую руку им на сердце. Наконец, в канун Рождества она является им в очередной и последний раз: «В то самое время как колокол в Маттаро, призывая христиан к торжественной службе, пробил час искупления, они, по обыкновению, сошлись к ужину при свете пылающего очага. Внезапно в галерее замка раздается голос. «Вот и я!» — вскричала Инес. То была она. Они увидели, как она вошла, откинула погребальное покрывало и села между ними в самом богатом своем уборе. Охваченные изумлением и ужасом, они видели, как она ела хлеб и пила вино живых; говорят даже, что она танцевала и пела, по обычаю прошлых дней; но внезапно рука ее запылала, как в их тайных свидениях, и коснулась сердца рыцаря, оруженосца и пажа. И тогда все кончилось для них в этой брэнной жизни, ибо их обожженные сердца окончательно превратились в пепел и перестали посылать в жилы кровь. Было три часа ночи, когда люди Гисмондо, привлеченные наступившей тишиной, явились, как обычно, на место пиршества; и на этот раз они унесли четыре трупа».*

* Перевод Р.А.Зевинной.

уменьшенное до трехдневной станции (station), ни ада, ни рая, только Патриково Чистилище»*. А в интервью Григорию Кружкову Хини высказался еще определеннее о связи стихотворения с дантовской «Божественной комедией»: «Двадцать лет назад у меня было сильное искушение перевести «Божественную комедию», в частности, «Inferno». Не решился лишь потому, что недостаточно знал итальянский и не чувствовал себя вправе. Но когда я перечитывал ее, она неожиданно соединились с моим паломничеством на озеро Лох-Дерг. Так возникла поэма «Остров покаяния», написанная терцинами, — она и есть, в некотором роде, мое переложение дантовской «Комедии»**.

Поэт отправляется на Лох Дерг и встречается там призраков из прошлого, которые вступают с ним в диалог. В отличие от средневековых паломников, они не мучимы и пребывают в непонятном месте. Среди них и жертвы религиозной розни в Северной Ирландии (владелец магазина Уильям Стратхирн, кузен Хини Колум Маккартни, заморивший себя голодом член ИРА Фрэнсис Хьюз), и писатели и поэты, которые повлияли на Хини (например, писавшие о Лох Дерг Уильям Карлтон и поэты Патрик Кавана и Джерард Мэнли Хопкинс), и люди, связанные с его

* Цитируется по книге: D.O'Driscoll. Stepping Stones: Interviews with Seamus Heaney. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2008.

** Иностранная литература, 2004, №2 (<http://magazines.russ.ru/inostran/2004/2/kr8.html>).

детством (его бывший школьный учитель мастер Мёрфи, священники, путешественник Саймон Суини).

Так же, как у рыцаря Овейна, Рамона де Перельоса, Григория Гриссафана, Уильяма Стрэнтона, Данте, Шекспира — мертвые у Хини хотят что-то сказать живым. Они упрекают поэта в невыполнении обязательств, в том, что он в своих стихах приукрашивал действительность, в том, что не участвовал активно в событиях североирландского конфликта, да и сам он раскаивается в своей «не отлученной от груди жизни, которая позволяла ему ходить во сне с молчаливым попустительством и недоверием» (*my unweaned life that kept me competent / To sleepwalk with connivance and mistrust*). Однако обычная молитва и покаяние не помогают ему искупить свои грехи. Хини мается, пока в конце своего путешествия не встречает Джеймса Джойса. Это его архангел Михаил, его Вергилий. Джойс объясняет ему, что он должен делать то, что может лучше всего: писать. «Ты не освободишься от своих обязательств с помощью обычных ритуалов. То, что ты должен делать, ты должен сделать один, так что возвращайся в упряжь» (*Your obligation / is not discharged by any common rite. / What you must do must be done on your own / so get back in harness*). По его мнению, поэт слишком долго делал то, чего от него ожидали и теперь пытается облегчить душу с помощью паломничества, но оно для детей и крестьян. Джойс

Вспоминая о юношеских паломничествах на Лох Дерг во время учебы в университете, Хини писал: «Строго говоря, совершая паломничество, ты получал полное отпущение грехов, но настоящей мотивацией была проверка самого себя в тяжелых условиях — пост, хождение босиком по камням в любую погоду, бодрствование всю первую ночь и второй день. В конце всего этого наступал определенный катарсис. Когда мы отплывали прочь с острова, то пели лохдергский гимн «Славься, дивный святой Патрик», но глубоко внутри тело и душа пели другое: «Смотри, мы сделали это!»*

выступает в роли священника, который наконец освобождает Хини от груза вины и грехов и дает ему отпущение при условии, что тот выполнит свою личную епитимью — поэтическую работу.

У Данте, послужившего для Хини образцом, Беатриче говорит поэту:

*«Для пользы мира, где добро гонимо,
Смотри на колесницу и потом
Все опиши, что взору было зримо»*
(Чистилище, 32, 103–105).

Рыцарь Овейн и все паломники после него записывают свои переживания в назидание другим, ради их спасения. Но Джойс в поэме не упоминает ни о какой пользе, которую Хини мог бы принести миру. Речь идет только о той пользе и радости, которую он может принести сам себе.

Современный паломник, как и средневековый, так же мучим виной за совершенные грехи. Однако иногда древние ритуалы уже не могут помочь ему, и он вынужден изобретать свои собственные.

* Цитируется по книге: D.O'Driscoll. Stepping Stones: Interviews with Seamus Heaney. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2008.

Эпилог

*Я на воде и на бобах пятнадцать дней постился
За то, что я любил девах и с ними веселился —
Девах в лохмотьях и шелках; но, черт возьми, что
толку
От их тирьям и тра-ляля, лохмотьев или шелку?
— Тирьям-па-пам и тра-ля-ля!*

*Отправился я на Лох-Дерг, и стоя на коленях,
Предался покаянью там в неистовых молениях;
Со мною рядом старичок поклоны клал до ночи,
Прислушался я невзначай, а он одно бормочет:
— Тирьям-па-пам и тра-ля-ля!*

*Для человеков этот грех — как для огня солома,
И матерям не устеречь своих сыночков дома;
Они в Чистилище горят в стенаньях и в печали,
Я спрашивал их, как дела, и так мне отвечали:
— Тирьям-па-пам и тра-ля-ля!*

*Когда я в лодке плыл назад, устав весь день
молиться,
Вдруг появилась над кормой чудовищная птица,
Крылами хлопала она и яростно глядела;
И что мог лодочник сказать, узрев такое дело?
— Тирьям-па-пам и тра-ля-ля!*

*Я снова в кабаке сижу, хмельн и грешен плотью,
Идите, дурочки, сюда — в шелках или в лохмотьях;
Я сто очков даю вперед любому обалдую,
Любую девку отобью, как только им спую я:
— Тирьям-па-пам и тра-ля-ля!*

В стихотворении Уильяма Йейтса*, написанном в начале XX века, мотивы, известные нам по средневековым преданиям — пост, наказанные души в Чистилище, птица Корна — предстают в фарсовом, издевательском виде. На ужасы чистилища, на страшную птицу, на красивых девок и на кабак, то есть и на грех, и на покаяние ответ один — *тирьям-па-пам и тра-ля-ля!* Средневековые паломники в Чистилище святого Патрика серьезно относились к жизни, смерти, своей и чужой посмертной судьбе. Не таково отношение Йейтса в этом стихотворении. Его прежде всего характеризует ощущение отсутствия Бога, обесмысливающее как грех, так и раскаяние. Говоря словами другого поэта, на этот раз русского,

*нам восхищенье неизвестно,
нам туга, пасмурно и тесно,
мы друга предаем бесчестно
и Бог нам не владыка.*

Чистилище было одной из опор, на которой строилось мировоззрение средневекового чело-

* Перевод Григория Кружкова. Печатается с любезного разрешения автора.

века. Люди верили в него и боялись его, они делали добрые дела и молились из страха за себя и из желания помочь родным, близким, да и просто любимым людям, находящимся в «третьем месте». Любой поступок имел точно измеренную кару, и сам Господь, как бы милостив Он ни был, не избавлял грешников от нее. Нам неуютно в таком мире, и зачастую он представляется нам жестоким и кошмарным, однако он проникнут надеждой на то, что в конце концов всех страдальцев в чистилище ждет рай, и верой во взаимопомощь живых и мертвых. Их нелегко разглядеть за описаниями страшных казней и испытаний в чистилище, однако без них сами эти пытки теряют смысл.

В отсутствие Бога у Йейтса теряют смысл и совершаемые грехи, и совершаемое покаяние. Есть большой соблазн свести все к простому противопоставлению: если раньше паломники приезжали в Чистилище святого Патрика для того, чтобы своими глазами увидеть загробный мир, в который верили, то сейчас люди едут на остров, чтобы вернуть веру в Бога, а вместе с ней — смысл и структуру своей жизни. Однако, судя по ответам паломников последнего десятилетия, причины могут быть самыми разными. Кто-то, как и в Средние века, просто приезжает помолиться за себя и за своих родных, живых и мертвых. Кто-то действительно хочет вернуть утраченную или ослабевшую веру. Кто-то хочет испытать себя. Для кого-то это

прекрасная возможность «детокса», бегства от шумного мира (паломники на острове отключают мобильные телефоны и не могут ни с кем связаться), чтобы поразмыслить о своей жизни. Многие отмечают неожиданный эффект — чувство солидарности, возникающее от общих трудностей, ощущение давно утерянной общности с людьми, легко завязывающиеся разговоры о самом сокровенном. Наконец, многие исповедуются впервые за 20-30 лет.

Напрашивается простой вывод: в Средние века Остров Святых был входом в чистилище, в иной мир. Сегодня Остров Стации сам стал иным миром, путешествие туда — все равно что путешествие в чистилище раньше. Люди испытывают физические страдания сами и видят, как страдают другие, они отрезаны от внешнего мира и не могут связаться с ним, в идеальном случае они покидают остров очищенными от своих грехов и с ощущением, что, преодолев себя, они совершили нечто ценное и важное.

В основе христианства как религии лежит искупление грехов (Иисус умирает на кресте, искупая тем самым грехи человечества; страдая в чистилище, души умерших искупают свои собственные грехи). В начале книги я задалась вопросом: что ищут люди на месте исчезнувшего входа в Чистилище святого Патрика? На первый взгляд кажется, что каждый ищет свое, но возможно, что сознательно или бессознательно люди продолжают искать возможность искупить

свои грехи постом, молитвой и бодрствованием. Ведь ощущение необходимости искупления — очень старое, пронизывающее всю нашу культуру. И оно не исчезает, даже если человек утратил веру или даже никогда не верил.

Так, парадоксальным образом, паломничество в чистилище продолжается в отсутствие чистилища как такового.

Избранная библиография

Battenhouse R.W. The Ghost in «Hamlet»: A Catholic Linchpin? // Studies in Philology, 1951, Vol.48, №2. Pp.161 — 192.

Bárány A. Political pilgrimage in later medieval Central Europe: a case study of a Hungarian traveler to Ireland // Global Encounters European Identities (eds M. N. Harris with A. Agnarsdóttir and C. Lévai. Pisa University Press, 2010.

Colles R. The History of Ulster: From the Earliest Times to the Present Day. Vol. 2. London: Gresham, 1919.

Connolly S.J. Contested Island: Ireland 1460-1630. Oxford University Press, 2009.

Cunningham J.B., Whalley M. Lough Derg and Its Unusual «Guardian» Rev. Alexander Calhoun, Grandfather of John Caldwell Calhoun, Vice-President of the U.S.A. // Clogher Record, 1981, Vol. 10, No. 3. Pp. 419-422.

Cunningham B., Gillespie R. The Lough Derg pilgrimage in the age of the Counter-Reformation // Éire-Ireland, 2004, 39, no. 3. Pp.167-179.

Curayne A. Lough Derg: St.Patrick's Purgatory. London: Burns, Oates & Washbourne, 1944.

Delehay H. Le Pèlerinage de Laurent de Paztho au Purgatoire de S.Patrice. Bruxelles: Société des Bollandistes, 1908.

De Wilde P. Les pèlerinages au purgatoire de saint Patrice en Irlande. Leuven University Press, 1995.

Dinzelbacher P. The way to the other world in the medieval literature and art // Folklore, 1986, 97, no.1. Pp.70 — 87.

Dixon V.F. Saint Patrick of Ireland and the Dramatists of Golden-Age Spain // *Hermathena*, 1976, №121. Pp.142-158.

Duffy E. *The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, 1400-1580*. Yale University Press, 2005.

Giblin C. The Franciscan ministry in the diocese of Clogher // *Clogher Record*, 1970, Vol.7, no. 2. Pp.149-203.

Gómez F. Religion, Heritage, and Politics: Literary Representations of St. Patrick's Purgatory in Spain During the 1620s and the Agenda of the Irish Émigrés Behind Them // *Symposium: A Quarterly Journal in Modern Literatures*, 2012, vol. 66, no. 1. Pp. 16-30.

Greenblatt S. *Hamlet in Purgatory: Expanded Edition*. Princeton University Press, 2013.

Gwynn A. Archbishop Fitzralph and George of Hungary // *Studies: An Irish Quarterly Review*, 1935, Vol.24, №96. Pp. 558-572.

Haren M., de Pontfarcy Y. (eds). *The Medieval Pilgrimage to St.Patrick's Purgatory: Lough Derg and The European Tradition*. Enniskillen: Clogher Historical Society, 1988.

Hennig J. Fortunatus in Ireland // *Ulster Journal of Archaeology*, 1950, Third Series, Vol.13. Pp.93-104.

Jefferies H.A. Why the Reformation failed in Ireland // *Irish Historical Studies*, 2016, Vol. 40, no. 158. Pp. 151-170.

Johnson R.F. *Saint Michael the Archangel in Medieval English Legend*. Woodbridge: The Boydell Press, 2005.

Mac Tréinfhir N. The Todi Fresco and St. Patrick's Purgatory, Lough derg // *Clogher Record*, 1986, Vol.12, no. 2. Pp.141-158.

Morgan A.J. *The Popular Representation of the Afterlife Before Dante and its Relationship to the Comedy*. PhD diss., University of Cambridge, 1986.

O'Connor D. St. Patrick's Purgatory, Lough Derg. Dublin: Duffy, 1895.

Pasulka D.W. Heaven Can Wait: Purgatory in Catholic Devotional and Popular Culture. Oxford University Press, 2014.

Pinkerton W. Saint Patrick's Purgatory. Part III. Medieval History: Legends of Count Raymond of Perilhos and William Staunton // Ulster Journal of Archaeology, 1856, Vol.4. Pp. 222-238.

Pinkerton W. Saint Patrick's Purgatory. Part IV. Modern History // Ulster Journal of Archaeology, 1857, Vol.5., Pp.61-82.

Purcell M. St.Patrick's Purgatory: Francesco Chiericati's Letter to Isabella d'Este // Seanchas Ardmhacha: Journal of the Armagh Diocesan Historical Society, 1987, Vol.12, №2. Pp.1-10.

Richardson J. The Great Folly, Superstition and Idolatry of Pilgrimages in Ireland; Especially of that to St.Patrick's Purgatory. Dublin: J.Hyde, 1727.

Seymour, St.John de. St.Patrick's Purgatory: A Medieval Pilgrimage in Ireland. Dundalk: Dundalgan, 1918.

Shane L. Saint Patrick's Purgatory: A Record From History And Literature. London: Burns, 1932.

Thompson T. Hosting the Dead: Thanatopic Aspects of the Irish Sidhe // Klaniczay G., Pocs E. (eds.), Communicating with the Spirits. Budapest: CEU Press, 2005.

Walsh, K. Bishop John O'Corcoran of Clogher (1373 — 1389) at the University of Prague, the Purgatorium Sancti Patricii and the Debate about Purgatory in the Later Middle Ages // Clogher Record, 1997, Vol.16, №1. Pp.7-36.

Watkins C. Doctrine, Politics and Purgation: the Vision of Tnuthgal and the Vision of Owein at St. Patrick's Purgatory // Journal of Medieval History, 1996, Vol.22, №3. Pp.225-236.

Webb D. Medieval European Pilgrimage c.700 — c.1500. Macmillan International Higher Education, 2002.

Webb D. Pilgrims and Pilgrimage in the Medieval West. London-New York: I.B.Tauris Publishers, 2001.

Wright T. St. Patrick's Purgatory: An Essay on the Legends of Purgatory, Hell, and Paradise, Current During the Middle Ages. John Russell Smith, 1844.

Zaleski C.G. St.Patrick's Purgatory: Pilgrimage Motifs in a Medieval Otherworld Vision // Journal of the History of Ideas, 1985, Vol.46, №4. Pp.467-485.

Zaleski C.G. Otherworld Journeys. Accounts of Near-Death Experience in Medieval and Modern Times. Oxford: Oxford University Press, 1987.

Бондаренко Г. Мифы и общество древней Ирландии. М. : Языки славянской культуры, 2015.

Бондаренко Г. Повседневная жизнь древних кельтов. — М. : Молодая гвардия, 2007.

Гуревич А. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М. : Искусство, 1990.

Делюмо Ж. Грех и страх: Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII — XVIII вв.). — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003.

Живлова Н. Мир святого Колумбы. Раннесредневековая Ирландия и Британия глазами монахов Ионы. М.: Языки славянской культуры, 2019.

Католическая энциклопедия. — М. : Издательство Францисканцев, 2002–2013.

Ле Гофф Ж. Рождение чистилища. — Екатеринбург: У-Фактория, 2011.

Михайлова Т. Суибне гелт. Зверь или демон, безумец или изгой. — М. : Аграф, 2001

Проект «Страдающее Средневековье»

Научно-популярное издание

Дильшат Харман
ЧИСТИЛИЩЕ СВЯТОГО ПАТРИКА —
И ДРУГИЕ ЛЕГЕНДЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИРЛАНДИИ

В Средние века верили, что именно на озере Лох–Дерг, расположенном на севере Ирландии, в графстве Донегол, находится вход в чистилище – место, где пребывают души, слишком грешные для рая, но слишком праведные для ада. По преданию, проход туда открыл первый и великий святой Ирландии Патрик, специально для убеждения маловерных, чтобы они могли зайти в чистилище и живыми выйти оттуда. Сейчас входа больше нет, однако каждый год Лох–Дерг посещает от 8 до 10 тысяч паломников – и это притом, что пребывание на нем включает в себя обязательный трехдневный пост и 24-часовое бодрствование.

- Кто и зачем совершал долгие и опасные паломничества и отваживался спуститься в загробный мир?
- Чего ищут на острове пилигримы сегодня?
- Как средневековые европейцы представляли себе устройство ада, чистилища и рая?
- Верят ли в чистилище сегодня?
- Наконец, как в легендах о чистилище святого Патрика переплелись ирландские мифы с христианской верой?

На эти вопросы отвечает Дильшат Харман – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Центра визуальных исследований Средних веков и Нового времени (РГГУ), соавтор бестселлера «Страдающее Средневековье. Парадоксы христианской иконографии».